

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

SOCIOLOGY

Издается с сентября 1997 г.
(до 2017 г. – под названием «Социология»)

Выходит один раз в квартал

3

2023

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	ДАНИЛОВ А. Н. – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: a.danilov@tut.by
Заместитель главного редактора	РОТМАН Д. Г. – доктор социологических наук, профессор; директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: dgrotman@rambler.ru
Ответственный секретарь	ЩЕЛКОВА Т. В. – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: tanar2002@tut.by

- Бакиров В. С.** Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Харьков, Украина.
- Безнюк Д. К.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Генчель Г.** Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
- Гигин В. Ф.** Национальная библиотека Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
- Докторов Б. З.** Независимый аналитик и консультант, США.
- Король А. Д.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Лапина С. В.** Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
- Макаллистер И.** Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия.
- Мамедов А. К.** Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
- Нарбут Н. П.** Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.
- Семеньска-Жоховска Р.** Институт социальных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша.
- Симхович В. А.** Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
- Титаренко Л. Г.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Тощенко Ж. Т.** Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
- Филинская Л. В.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Халман Л.** Тилбургский университет, Тилбург, Нидерланды.
- Херпфер К.** Венский университет, Вена, Австрия.
- Цулелер П.** Венский университет, Вена, Австрия.

EDITORIAL BOARD

- Editor-in-chief** **DANILOV A. N.**, doctor of science (sociology), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: a.danilov@tut.by
- Deputy editor-in-chief** **ROTMAN D. G.**, doctor of science (sociology), full professor; director of the Centre of Sociological and Political Studies, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: dgrotman@rambler.ru
- Executive secretary** **SHCHYOLKOVA T. V.**, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: tanar2002@tut.by

- Bakirov V. S.** Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine.
Beznyuk D. K. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Halman L. Tilburg University, Tilburg, Netherlands.
Hentschel G. Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
Herpfer K. University of Vienna, Vienna, Austria.
Hihin V. F. National Library of Belarus, Minsk, Belarus.
Doktorov B. Z. Independent analyst and consultant, USA.
Filinskaya L. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Karol A. D. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Lapina S. V. Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Makallister I. Australian National University, Canberra, Australia.
Mamedov A. K. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Narbut N. P. RUDN University, Moscow, Russia.
Semen'ska-Zhokhovska R. Institute of Social Researches of the University of Warsaw, Warsaw, Poland.
Simkhovich V. A. Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
Titarenko L. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Zulehner P. M. University of Vienna, Vienna, Austria.

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

**Сергей Александрович
ШАВЕЛЬ**
**Sergei Aleksandrovich
SHAVEL'**

На 83-м году ушел из жизни выдающийся белорусский социолог, доктор социологических наук, профессор Сергей Александрович Шавель. В памяти современников он навсегда останется талантливым ученым, честным и достойным человеком, надежным и верным другом. Упорным каждодневным трудом, высочайшим профессионализмом и дерзновенностью замыслов он создал себя сам. Профессиональный выбор Сергей Александрович сделал не сразу, а пройдя немало испытаний. Он прожил трудную, но интересную и счастливую жизнь.

С. А. Шавель родился 17 октября 1940 г. в д. Герутево Свислочского района Гродненской области в крестьянской семье. Малолетним ребенком вместе с матерью был вывезен оккупантами в Германию. Его отца фашисты расстреляли как участника партизанского движения. Только после Великой Победы в 1945 г. С. А. Шавель вернулся в родную деревню. Учеба в школе, работа по дому, полугодовое детство. В послевоенные годы дети рано уходили в самостоятельную жизнь. Сергей Александрович вспоминал, что его поколение деревенской молодежи часто сталкивалось с непониманием, насмешками со стороны городских сверстников, а порой и с оскорбительными кличками «мужик», «колхозник», «деревенщина». Это заставляло проявлять ак-

тивность, стремиться овладеть городским этикетом, а главное – достигать результатов в учебе, спорте, работе. Позже С. А. Шавель отмечал, что для правильного воспитания и успешной социализации ребенка деревня дает больше, чем город. Общение с природой развивает воображение, сельский мир учит морали и ответственности, работа по хозяйству и уход за животными прививают чувство хозяина, прямое общение с людьми избавляет от анонимности как иллюзии свободы, от заносчивости и снобизма. Дети послевоенного времени росли романтиками, патриотами, фантазерами. Сергей был страстным книголюбом. Прочитал все, что было в сельской библиотеке, вначале на белорусском, а позже на русском и украинском языках.

В те годы многие молодые люди интересовались авиацией. Увлёкся ей и Сергей Александрович. В 1958 г. он поступил в Выборгское авиационное училище, в 1961 г. начал свою трудовую биографию техником Кременчугского вертолетного училища. Однако хрущёвская реформа армии поставила молодого лейтенанта перед необходимостью выбрать гражданскую специальность. Любовь к книгам привела его в 1964 г. на философский факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. В период студенчества Сергей

Александрович определился с научной специализацией – социологией.

С. А. Шавель учился и работал одновременно. После Великой Победы всем казалось, что для советского человека нет ничего невозможного. Энтузиазм чувствовался во всем: на глазах поднимались из руин города и села, активно развивались образование, наука, культура. Годы учебы в ведущем вузе страны запомнились Сергею Александровичу на всю жизнь. Времени хватало, а главное, все было в радость. На ударных комсомольских стройках в составе строительных отрядов С. А. Шавель был в первых рядах: строил жилье в Целиноградской области, городскую типографию в г. Иланске Красноярского края, школу на о. Сахалине. Вместе со своими друзьями П. А. Водопьяновым и М. А. Слемнёвым, будущими философами, в составе московского аспирантского отряда сплавливал лес по р. Печора.

По окончании университета С. А. Шавель вернулся на родину. Он начал свою научную карьеру в 1969 г. младшим научным сотрудником в секторе диалектического материализма Института философии и права Академии наук БССР. Спустя время Сергей Александрович перешел на работу в отдел социальных исследований, созданный в институте профессором Г. П. Давидюком. Это был период возрождения социологии: в научных организациях создавались социологические отделы и секторы, развивалась заводская социология, активно проводились прикладные социологические исследования на крупных промышленных предприятиях. Некоторое время С. А. Шавель работал старшим инженером-социологом в Белорусском институте по научной организации труда, внедрению новой техники и передового опыта по монтажным и специальным строительным работам, в 1974–1981 гг. – научным сотрудником в Белорусском государственном университете имени В. И. Ленина, где впоследствии возглавил сектор прикладной социологии при кафедре философии гуманитарных факультетов. В 1977 г. Сергей Александрович защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук на тему «Управление развитием социальной структуры общества». В БГУ С. А. Шавель раскрылся как незаурядный ученый, тонкий и внимательный педагог. Он, как никто другой, чувствовал время и хорошо понимал, что будущее – за социологической наукой, стремился раскрыть потенциал социологии и наглядно подтвердить, что без фундаментальных знаний сами по себе цифры ничего не значат. Показать их смысл, заставить служить решению проблем общества, интерпретировать полученные результаты мог только профессиональный мыслитель с богатым воображением. Именно таким и был С. А. Шавель.

В то время социология в нашей стране и ее будущие классики были молоды. Наука удивляла, буквально ни одно решение не принималось без научного

обоснования. Сергей Александрович рано понял простую истину: чтобы добиться чего-то в жизни, быть полезным людям, необходимо практически постоянно учиться. После окончания университета молодые специалисты, аспиранты, преподаватели организовывали семинары, проводили исследования, обсуждали результаты и радовались тому, что занимаются наукой. Под руководством С. А. Шавеля белорусские социологи начали осваивать тонкости математической статистики.

В 1981 г. С. А. Шавель вернулся на работу в Институт философии и права АН БССР на должность старшего научного сотрудника. После образования в 1990 г. академического Института социологии он возглавил одно из ведущих подразделений – отдел теории, методологии и методики социологических исследований, какое-то время был заместителем директора института по научной работе. Именно здесь в полной мере раскрылся его многогранный талант ученого, исследователя и организатора. Основными направлениями научной деятельности С. А. Шавеля стали теория и методология социологических исследований, истоки и направленность социальной мотивации. В 1990 г. он одним из первых в Беларуси успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора социологических наук на тему «Социальная сфера и мотивация труда».

Как много говорит имя социолога С. А. Шавеля для нас, его коллег, друзей, учеников, и всех, кому посчастливилось общаться с ним, ощутить его душевную теплоту, внимание и искренность. В науку Сергей Александрович пришел уже социально зрелым человеком. С. А. Шавель совмещал научную и преподавательскую деятельность, много работал по хозяйственной тематике с различными организациями, заводскими социологами и постоянно совершенствовался: читал, изучал каждую новую публикацию по социологии, экспериментировал и учился на собственном опыте, опыте коллег. Все, кто хоть однажды встречался с Сергеем Александровичем, были очарованы его интеллектом, добротой и интеллигентностью.

С. А. Шавель всю свою творческую жизнь неустанно работал, учил социологии других и продолжал учиться сам, был человеком большого таланта и необыкновенного трудолюбия. К науке Сергей Александрович относился как к высшему божеству. В увлечении социологией он видел свое служение, предназначение, образ жизни, смысл бытия, ответственность и вдохновение. С. А. Шавель занимался изучением методологических аспектов исследования социума, социальных ожиданий, ценностей, потребностей, а также мотивов деятельности человека. Им была проведена реконструкция социальной сферы в исторической динамике, обоснован сферный подход в социологической теории, раскрыты его императивы. Наука для него всегда была на первом плане. Даже когда стране было уже не до ее развития, С. А. Шавель

не бросил свое дело, а еще более настойчиво и целеустремленно, как и подобает настоящему ученому, искал пути выхода общества из кризисного состояния. Не отчаялся, не сдался, не признал поражения, а продолжал упорно работать. Благодаря таким подвижникам удалось сохранить и даже приумножить наработки предыдущих поколений, а главное, не утратить научные связи, традиции и основы профессиональной этики.

Основное правило и выбор С. А. Шавеля – видеть общество не таким, каким его хотелось бы видеть заказчикам исследований, а таким, какое оно есть на самом деле. Сергей Александрович всегда безукоризненно следовал этому принципу. Он хорошо понимал, что современному социуму, особенно в условиях глобальной нестабильности, придется столкнуться с многими новыми рисками и вызовами. По мнению С. А. Шавеля, идеал современного общества определяется уровнем социальной справедливости, стабильностью социального положения населения и устойчивого развития страны. Сергей Александрович отмечал, что белорусская социология развивается в русле мировых парадигм, подходов и методологических принципов. При этом с сожалением он констатировал, что необходимый процесс освоения достижений мировой социологической науки и вхождения в глобальное научное пространство иногда сопровождается уклоном в нигилизм по отношению к собственному наследию и некритическим принятием отдельных новомодных течений как единственно верных.

Сергей Александрович с оптимизмом смотрел в будущее и был уверен в том, что социология в нашей стране имеет серьезные перспективы и будет успешно развиваться. Он постоянно возвращался к тезису о том, что ученые должны изучать общество, в котором живут, хотя бы потому, что в XX в. недостаток этих знаний неоднократно приводил к тяжелым последствиям. Молодым людям независимо от их профессионального выбора он рекомендовал овладеть основами социологических знаний. Тем, кто идет в социологию или уже выбрал эту

сферу, он желал твердости духа, ясности мышления и социологического воображения. Сегодня эти слова звучат как завещание учителя.

Меньше всего Сергей Александрович думал об удачной карьере. Если кто-то из коллег в шутку намекал ему, что из-за его скромности и увлеченности работой ему в жизни многое недодали, он отвечал, что не чувствует себя обделенным, а, наоборот, считает, что ему в жизни повезло: он мог погибнуть, но остался в живых, работает по призванию, причем в полном согласии с совестью. Сила его духа – естественное состояние ученого, за которым стояли и талант, и колоссальная работоспособность, и серьезная ответственность. Среди белорусских социологов С. А. Шавель – человек-легенда. Всегда и в любых обстоятельствах он уважал противоположную точку зрения, с неподдельным вниманием умел выслушать собеседника. В каждом коллективе, где он работал, его любили и воспринимали как интеллектуального лидера, причем его лидерство было естественным и безоговорочным.

В редкие свободные минуты Сергей Александрович любил сыграть с друзьями в шахматы или бильярд, посидеть у костра, поговорить о жизни, спеть любимую песню. Если выдавались выходные и не было срочной работы, он любил что-то сделать по дому, при этом все начатое непременно доводил до конца. Этому он научил сыновей и внуков. Сергей Александрович Шавель горячо любил свою родную Беларусь, искренне был предан своей малой родине – небольшой деревеньке на Гродненщине среди полей и дубрав.

Сергей Александрович был членом редколлегии нашего журнала, одним из его самых активных авторов и очень радовался успехам издания. Статьи социолога всегда вызвали повышенный интерес читателей и часто цитировались.

Мы всегда будем помнить доброту и уроки жизни нашего учителя и друга Сергея Александровича Шавеля, разделяя его веру в человека, профессию, идеал общества и родную Беларусь.

*А. Н. Данилов*¹

¹Александр Николаевич Данилов – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, doctor of science (sociology), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ШАВЕЛЯ

TO THE MEMORY OF SERGEI ALEKSANDROVICH SHAVEL'

Ушел из жизни Сергей Александрович Шавель – креативный мыслитель и продуктивный исследователь в области философии и социологии. Мы, его друзья и сослуживцы, до глубины души потрясенные этим трагическим событием, в скорбном молчании стояли у последнего порога его жизненного пути, у его могилы, а в нашей памяти, сменяя друг друга, проносились наиболее значимые вехи его нелегкой (как, впрочем, у каждого талантливого человека) жизни.

Вдохновляющий, побуждающий к активной творческой деятельности интерес к науке привел Сергея Шавеля на философский факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Истинным призванием молодого человека стала социология. Любовь к ней захватила его ум и сердце, душу и тело и сохранялась на протяжении всей жизни, вплоть до последнего вздоха. Профессиональная деятельность С. А. Шавеля, длившаяся более полувека, была чрезвычайно продуктивной и принесла ему благодарное и заслуженное признание коллег и учеников.

Творческое наследие Сергея Александровича включает множество философско-социологических новшеств и идей, обогативших понимание и экспликацию тенденций жизнедеятельности как восточноевропейского (в особенности белорусского) сообщества в частности, так и мирового сообщества в целом. Он занимался исследованием перспективных направлений в социальной сфере Беларуси, его работы отличались обширной социологической фактологичностью с глубоким философско-методологическим проникновением в сущность изучаемых проблем и процессов.

В понимании социолога общественная сфера является кластером социальных институтов, которые обладают материальными, духовными и кадровыми ресурсами, инфраструктурой, коммуникациями, интегрированными в единую качественно-количественно функционирующую целостность. Совокупность указанных компонентов взаимодействует с другими общественными формами объединения людей в конкретном государстве. Она представляет собой интегрированный комплекс отраслей непосредственного жизнеобеспечения населения. Основными предназначениями данного феномена выступают упорядочение жизни индивидов и социальных общностей, упреждение дезорганизации в обществе. Ключевыми компонентами общественной сферы являются усиливающие друг друга сферы образования, здравоохранения, культуры, жилищно-коммунального хозяйства, санаторно-курортного комплекса, туризма, физкультуры и спорта, пенсионного обеспечения, социальной работы, а также управленческой деятельности.

Согласно утверждениям Сергея Александровича мотивирующим началом и центральным звеном развития социальной сферы является труд как целенаправленная и эффективная творческая деятельность, в процессе которой человек воздействует на окружающую реальность и создает предметы, необходимые для удовлетворения его потребностей. Труд выступает фундаментальным социальным фактором и определяет все жизненные действия человека и общества. Именно труд обуславливает специфику функционирования экономической системы, структурное устройство общества, взаимодействие его членов между собой и социализацию отдельной личности.

Первостепенное внимание социолога С. А. Шавеля было сосредоточено на выявлении основополагающих тенденций социодинамики рынка труда в нашей стране и наиболее вероятных его трансформаций в условиях стремительно развивающегося и обновляющегося общества. Аналитический подход ученого к рассмотрению многообразия качественно-количественных изменений в социальной сфере, ее ближайших и долгосрочных перспектив вызвал заинтересованность и одобрение в кругах гуманитарно-социальной интеллигенции не только Беларуси, но и сопредельных стран.

Особое внимание С. А. Шавель уделял изучению важного психологического феномена – социальному самочувствию человека и социальных групп. Он подчеркивал, что в современном мире категория «социальное самочувствие» вызывает все больший интерес специалистов. Ее исследование позволяет составить интегрированную характеристику психологического состояния конкретного социума и показателей духовно-нравственного здоровья его членов, оценить объективные условия и субъективные притязания индивидов и их сообществ, выявить причины и особенности возникновения девиантных отношений, а также спрогнозировать тенденции социальных трансформаций и кризисов в обществе.

Какую бы из сторон социальной сферы ни исследовал Сергей Александрович, в фокусе своего творческого внимания он неизменно держал человека, а именно его потребности, заботы, достижения, неудачи, стремления, надежды и веру в будущее. С. А. Шавель неоднократно утверждал, что наука должна стремиться к исследованию личностных качеств человека, специфики его поведения в тех или иных условиях. Такой подход будет способствовать индивидуальному развитию личности, позволит сохранить целостность социума и обеспечит его прогресс. Для этого необходимо развивать прежде всего инновационную активность членов общества во всех

областях жизни. Точное определение возможностей человека с точки зрения их соответствия ролевым ожиданиям, деловым требованиям конкретной деятельности становится все более востребованным направлением исследований. С. А. Шавель подчеркивал, что чем больше людей, нашедших свое призвание, тем выше эффективность совместной деятельности, стабильность и способность к инновационному развитию конкретного социума.

Отличительным качеством Сергея Александровича было умение оставаться самим собой в общении с любым человеком, будь то руководитель, подчиненный, коллега, аспирант, студент или случайный попутчик. Он всегда был доброжелателен по отношению к собеседнику и предельно требователен

к самому себе. Сергей Александрович никогда не ограничивался сферой сугубо своей профессиональной деятельности, глубоко интересовался социально-политическими событиями в нашей стране и за ее пределами.

Образ С. А. Шавеля – это образ прекрасного друга, искрометного оратора, искусного шахматиста, страстного болельщика футбола, прекрасного семьянина, патриота своей страны и, конечно, талантливого философа и социолога, первопроходца в изучении многих проблем современного общества. Сергей Александрович навсегда останется в нашей благодарной памяти.

*Е. М. Бабосов*¹

¹Евгений Михайлович Бабосов – доктор философских наук, академик НАН Беларуси, профессор; главный научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси.

Evgenii M. Babosov, doctor of science (philosophy), academician of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; chief researcher at the Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus.
babosov@yandex.ru

УДК 316.4

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: К ВОПРОСУ О ЕЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ СТАТУСЕ

Н. Л. МЫСЛИВЕЦ¹⁾

¹⁾Институт социологии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Представляются отдельные теоретико-методологические аспекты, связанные с социологическим исследованием феномена исторической памяти. Описывается опыт изучения памяти как социокультурного феномена в истории социально-философской и общественно-политической мысли. Историческая память рассматривается как объект междисциплинарного исследования и особый механизм, обеспечивающий непрерывность развития социума, передачу культурных достижений от поколения к поколению и консолидацию общества. Указываются основные научные подходы к изучению исторической памяти. Обосновываются причины актуализации этой темы. Обозначается ряд задач и направлений, наметившихся в последние годы в области социологического изучения исторической памяти.

Ключевые слова: прошлое; история; память; историческая память; социология; методология и методы исследования.

Образец цитирования:

Мысливец НЛ. Историческая память: к вопросу о ее методологическом статусе. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;3:9–20.
EDN: TNLYJB

For citation:

Myslivets NL. Historical memory: discussion about its methodological status. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;3:9–20. Russian.
EDN: TNLYJB

Автор:

Николай Леонтьевич Мысливец – кандидат социологических наук, доцент; директор.

Author:

Nikolay L. Myslivets, PhD (sociology), docent; director.
n.myslivets@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9989-3501>

HISTORICAL MEMORY: DISCUSSION ABOUT ITS METHODOLOGICAL STATUS

N. L. MYSLIVETS^a

^a*Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surganova Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

Some theoretical and methodological aspects related to the sociological study of the phenomenon of historical memory are presented. The experience of studying memory as a socio-cultural phenomenon in the history of socio-philosophical and socio-political thought is described. Historical memory is considered as an object of interdisciplinary research and acts as a mechanism that ensures the continuity of the development of society, the transfer of cultural achievements from generation to generation, the consolidation of society as a whole. The reasons for the actualisation of the study of historical memory and the main scientific approaches to its study are substantiated. A number of topical tasks and research directions that have emerged in recent years in the field of sociological study of historical memory are indicated.

Keywords: the past; history; memory; historical memory; sociology; methodology and research methods.

Введение

Стремление понять настоящее путем тщательного изучения исторического опыта и сблечь память о себе для новых поколений – важная сущностная особенность человеческого бытия. На протяжении всей истории люди сохраняют память о прошлом в форме устных преданий и мифов, легенд и летописных хроник, художественных произведений и научных публикаций, писем и дневников, памятников архитектуры и предметов декоративно-прикладного искусства, повседневных практик и передаваемых от поколения к поколению духовно-нравственных ценностей. Изобретение фотографии и документального кинематографа позволило сделать факты действительности достоянием широкой общественности. В настоящее время память о прошлом находит отражение на страницах многочисленных интернет-порталов и социальных сетей, вследствие чего особым и практически значимым направлением социологических исследований выступает изучение преимуществ и недостатков, а также особенностей и последствий формирования и сохранения исторической памяти в онлайн-режиме.

Память о прошлом – неотъемлемая часть жизни каждого человека, она в значительной степени определяет его мышление, поведение и деятельность

в настоящем и будущем. Актуальность сохранения и изучения исторической памяти существенно возрастает в условиях кардинальных изменений, которые переживает современное общество. Несмотря на множество подходов к интерпретации памяти, она и в настоящее время продолжает оставаться одним из наиболее сложных и загадочных феноменов человеческого бытия.

С термином «память» неразрывно связан термин «историческая память». За последние несколько десятилетий данный концепт приобрел значительную популярность в социально-гуманитарном дискурсе. К его изучению обращаются историки, антропологи, философы, психологи, культурологи и социологи, накоплен серьезный опыт его теоретико-методологического осмысления и конкретно-исторических реконструкций. Существует большое количество работ, посвященных эмпирическому изучению исторической памяти, ее источников и механизмов, образов прошлого и особенностей их межпоколенческой трансляции, коммеморативных практик и практик забвения. В статье предпринята попытка представить некоторые наиболее перспективные направления дальнейшего исследования феномена.

История памяти как объект исследований

Проблема памяти привлекала пристальное внимание мыслителей на протяжении всей истории человечества. Наиболее ранние представления о том, что такое память, появились в Древней Греции. Философские основы ее изучения были заложены Платоном и Аристотелем [1; 2]. Интерес мыслителей древности вызвала индивидуальная память, однако предпринимавшиеся в то время попытки описать ее механизмы и особенности были еще достаточно далеки от научного анализа в его современном по-

нимании. Для Платона память – это «восковая дощечка» в душе. В диалоге «Теэтет», посвященном природе знания, философ рассуждает о сущности памяти следующим образом: «...вообрази, что в наших душах есть восковая дощечка... <...> Это дар матери Муз, Мнемосины, и, подкладывая его под наши ощущения и мысли, мы делаем в нем отпечаток того, что хотим запомнить из виденного, слышанного или самими нами придуманного, как бы оставляя на нем отпечатки перстней. И то, что застывает

в этом воске, мы помним и знаем, пока сохраняется изображение этого, когда же оно стирается или нет уже места для новых отпечатков, тогда мы забываем и больше уже не знаем» [1, с. 251].

Аристотель продолжил заложенную своим учителем традицию рассмотрения памяти. В трактате «О памяти и припоминании» он размышляет над вопросами о том, что представляют собой память и припоминание, как память связана со временем, почему люди запоминают по-разному и др. Сущность памяти античный философ определяет следующим образом: «...на вопрос о том, что такое память и ее деятельность (τῆ μνημονεύειν), дан ответ, что это обладание образом (φαντάσματος ἕξις) как изображением того, образом чего он является» [2, с. 144].

Плотин предлагает собственное понимание памяти и опровергает утверждение Платона о том, что она подобна восковой дощечке [3]. Плотин говорит о том, что, «воспринимая ощущение чего-либо посредством зрения, мы видим и нечто предстает нашему взгляду только тогда, когда видимое находится на каком-то расстоянии, поскольку именно тогда, разумеется, и возникает восприятие, и душа смотрит наружу, и поскольку в ней не появился и не появляется никакого оттиска, и она не принимает никакого отпечатка, как это бывает в случае отпечатка перстня на воске» [3, с. 170].

Тема памяти и припоминания выступает в качестве одной из важнейших тем античной философии прежде всего в связи с обращением к проблеме генезиса человеческого познания. В целом же как для эпохи Античности, так и для эпохи Средневековья были характерны стихийные представления о человеческой памяти, а сама память рассматривалась лишь как условие познания.

В Новое время память начинает изучаться в качестве формы определенного знания. Предметом исследовательского интереса выступают сам познающий, пределы его идентичности, границы с внешним миром и объем возможного познания. Английский философ Ф. Бэкон обосновал связь памяти и исторической науки, которая обеспечивается посредством времени: память рассматривалась им как «библиотека», «склад» впечатлений, полученных человеком в течение жизни [4]. В таком русле память представлена в работах Р. Декарта, Дж. Локка, Г. В. Лейбница, К. Гельвеция, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, Д. Юма и др.

Немецкий философ Г. В. Ф. Гегель рассматривал память как трансцендентно-имманентный феномен, суть которого заключается в диалектическом единстве памяти индивида и отчужденной от него памяти объективного духа [5]. У Ф. Ницше человеческая память тесно связана с историческим и социальным бытием человека [6].

В философии А. Бергсона память выступает уже в качестве самостоятельного предмета философско-

го исследования [7]. Онтология памяти этого мыслителя тесно связана с проблемой времени, но практически не затрагивает социального бытия, оставаясь в рамках жизни субъекта.

В начале XX в. проблема памяти была перенесена из традиционного философско-психологического дискурса в сферу социально-культурных явлений, что стало возможным благодаря работам М. Хальбвакса [8], А. Варбургга [9], Ф. Бартлетта [10], а несколько позже и немецкого историка-египтолога Я. Ассмана [11]. Рассмотрение памяти как социокультурного конструкта позволило существенно расширить научные представления о детерминантах, механизмах и особенностях генезиса индивидуальной памяти, анализировать культуру как сообщество памяти, исследовать контрпамять и постпамять.

Интерес к теме исторической памяти как к составной части идеологии значительно вырос после Второй мировой войны, что было обусловлено развернувшимися в то время дискуссиями об ответственности за преступления гитлеровского режима. В поисках решения один из ведущих представителей франкфуртской школы Т. Адорно обратился к концепции исторической памяти, к корням антисемитизма [12]. Исследование проблемы исторической памяти Т. Адорно начал с переосмысления работы Ф. Ницше «О пользе и вреде истории для жизни» и сделал вывод о том, что прошлое будет проработано лишь тогда, когда удастся преодолеть причины прошедших событий.

С начала 1980-х гг., по образному выражению французского историка П. Нора, наступила эпоха «мемориального бума» [13]. Память оказалась в фокусе пристального внимания не только широкого круга ученых, политиков, журналистов, но и рядовых граждан. Начало новой волне исследований было положено предисловием П. Нора к антологии «Места памяти», в котором ученый противопоставил память и историю как принципиально разные способы обращения с прошлым [13], а также работой американского историка Й. Х. Ерушалми «Захор. Еврейская память и еврейская история» [14]. Идея противопоставления двух способов обращения с прошлым получила развитие в работе немецкого историка Я. Ассмана «Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности» [11].

Рост интереса к исследованию памяти на рубеже 1980–90-х гг. был обусловлен как ситуацией внутри академического сообщества, так и комплексом социальных причин, возникших вследствие кардинальных изменений общественно-политического, социально-культурного характера и необходимости дать ответы на вызовы современности. Также существенное влияние на «мемориальный бум» оказало и широкое распространение электронных средств фиксации и хранения информации – появление

так называемой цифровой памяти. О «революции памяти» конца 1950-х гг. писал, в частности, французский историк Ж. Ле Гофф в работе «История и память» [15].

В настоящее время проблема памяти является достаточно разработанной темой как в естественных, так и в гуманитарных науках, количество понятий, связанных с памятью, исчисляется сотнями. Существует и множество классификаций памяти¹. Так, канадский психолог и нейрофизиолог Э. Тулвинг еще в 2007 г. составил список из 256 ее типов [16]. Однако при всем многообразии подходов к данному феномену необходимо указать и на то общее, что их объединяет: память есть способ конструирования людьми своего прошлого.

Память – явление многообразное. Это одновременно и психический процесс, благодаря которому человек способен сохранять прошлый опыт, и специфическая деятельность, направленная на запоминание и воспроизведение информации о прошлом, и результаты такой деятельности. В рамках психологического дискурса память рассматривается как высшая психическая функция, когнитивный процесс, обеспечивающий человеку возможность познавать окружающий мир, адаптироваться к нему,

конструировать собственную идентичность, а также сохранять и транслировать личные и коллективные знания, социальные представления и опыт [17, с. 61]. Психологический уровень изучения механизмов памяти является самым ранним, он включает в себя наибольшее количество теорий памяти. Вместе с тем человеческая память является социально-культурной, тем самым она отличается от естественно-природной памяти животных. По словам Д. С. Лихачёва, «история культуры – это история человеческой памяти, история развития памяти, ее углубления и совершенствования» [18, с. 68–74]. В социологическом энциклопедическом словаре под редакцией Г. В. Осипова память определяется как процессы организации и сохранения прошлого опыта, делающие возможным его повторное использование в деятельности или возвращение в среду сознания. Память связывает прошлое субъекта с его настоящим и будущим, является важнейшей познавательной функцией, лежащей в основе развития и обучения человека².

Несмотря на институционализацию как самого исследовательского поля проблем памяти, так и ее понятийного аппарата, открытым остается вопрос о научных дефинициях, другими словами, вопрос о том, о какой именно памяти идет речь.

Историческая память: о какой именно памяти идет речь

Обращение современного исследователя к феномену исторической памяти приводит к ряду теоретико-методологических трудностей, основной среди которых является неоднозначность трактовки самого понятия «историческая память». Предметом научного изучения является коммуникативная память, охватывающая воспоминания трех-четырёх живущих ныне поколений, культурная память, соединяющая современность с давним прошлым, «мягкая» память, являющаяся личной, субъективной, запечатленной в дневниках и воспоминаниях, «жесткая» память, закреплённая в форме разнообразных мест памяти, музейных экспозиций, календаря официальных памятных дат, мемориалов и церемониалов, обыденная память, включающая представления о прошлом, и иные разнообразные практики историописания. Все названные и многие другие понятия объединяет осознание того факта, что в процессе деятельности коллектива или общества складывается особый, внешний по отношению к памяти отдельного индивида механизм сохранения и передачи информации во времени и пространстве. Внешняя память обладает свойствами и качествами, несводимыми к простой сумме качеств памяти индивидов, а также средств, используемых ими для запоминания и воспроизведения прошлого опыта.

Следствием вариативности понятийного аппарата является плюралистичность мнений, отраженных как в научных работах, так и в публицистической литературе и материалах средств массовой информации. Однако, несмотря на различные смыслы, которые вкладываются в одни и те же термины, очевидно прямая зависимость исторической памяти от социальных потребностей современности и ее инструментальный характер, который отчетливо обнаруживается в процессе интерпретации исторической судьбы и перспектив того или иного социума.

Начало социологического исследования исторической памяти связано с именем французского социолога Э. Дюркгейма, по мнению которого вся социально значимая информация кодируется ритуалом в виде фиксированных жестов, поз, движений и передается в ходе основанного на подражании обучения [19]. В традиционном обществе главным хранилищем памяти о социально значимом прошлом и средством его трансляции являются религиозные ритуалы. В модернизированном обществе коллективное сознание, базирующееся на «органическом» разделении труда, ослабевает, снижаются его масштабность и интенсивность, традиционные верования и религиозные ритуалы утрачивают свою

¹Энциклопедический психологический словарь-справочник: 1000 понятий, определений, терминов : учеб.-метод. пособие для вузов / сост. Р. А. Александрова и др. Минск : Харвест, 2021. 863 с.

²Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / ред.-координатор Г. В. Осипов; ред.-сост.: З. Т. Голенкова, Л. П. Костомахина, А. Кречмар [и др.]. М. : ИНФРА М – НОРМА, 2000. С. 231.

основополагающую роль в хранении, трансляции и периодическом оживлении исторической памяти, все большее влияние приобретают универсальные общечеловеческие наднациональные ценности, распространяются культ индивидуализма, фрагментация социальных связей, плюрализация нравственных норм.

Опираясь на идеи Э. Дюркгейма и А. Бергсона, французский социолог М. Хальбвакс перенес рассмотрение памяти в окружающий субъекта социальный контекст, введя в научный оборот понятие коллективной памяти как социального конструкта. Именно коллективы и группы, задавая и воспроизводя образцы толкования событий, выполняют функцию поддержания конституирующей их коллективной памяти [8, с. 22]. Согласно взглядам М. Хальбвакса память образует основу социального порядка: ни одно общество не могло бы жить без коллективного фонда воспоминаний, ибо религия, семья, профессиональные организации и социальные институты удерживаются вместе ничем иным, как коллективными воспоминаниями.

С именем немецкого египтолога Я. Ассмана связаны разработка и утверждение концепции культурной памяти. В 1992 г. ученый публикует свои размышления о связи культуры и воспоминаний – теорию культурной памяти, разработанную на материале древних культур (египетской, еврейской, греческой), а в 1999 г. формулирует задачи ее изучения в рамках научного направления, обозначенного как «история памяти» [11]. Я. Ассман проводит принципиальное различие между коммуникативной и культурной памятью. Коммуникативная память мало формализована, она представляет собой устную традицию, возникающую в контексте межличностных взаимодействий в повседневности, и существует на протяжении жизни трех-четырех поколений. Культурная память понимается как особая символическая форма передачи и актуализации культурных смыслов, выходящая за рамки опыта отдельных людей или групп, и выражается в различных мемориальных знаках: в памятных местах, датах, церемониях, письменных, изобразительных и монументальных памятниках. Передаваясь из поколения в поколение, культурная память удерживает лишь наиболее значимое прошлое.

Советские психологи Л. С. Выготский и А. Р. Лурия занимались разработкой социальной концепции памяти. В работе «Этюды по истории поведения» они писали: «Мы нарочно остановились подробнее на функции памяти, потому что она дает нам возможность на конкретном примере иллюстрировать взаимоотношение естественных, заложенных от природы, и культурных, приобретенных в процессе социального опыта, форм деятельности психики.

<...> И если бы мы теперь хотели рассмотреть память взрослого культурного человека, то должны были брать ее не такой, какой создала ее природа, а такой, какой ее создала культура» [20 с. 116].

Роль социальной среды как центрального фактора развития человека подчеркивал А. Н. Леонтьев: «...мы видели, что память современного человека вовсе не представляет собой элементарного, чисто биологического свойства, но является чрезвычайно сложным продуктом длительного исторического развития. <...> В результате своеобразного процесса их “вращивания” прежде внешние стимулы-средства оказываются способными превращаться в средства внутренние, наличие которых и представляет специфическую черту так называемой логической памяти» [21, с. 436].

В современной научной литературе понятие «историческая память» встречается в разных значениях. Так, Л. П. Репина рассматривает ее и как сложный социокультурный феномен, связанный с осмыслением исторических событий и исторического опыта, и как продукт манипуляций массовым сознанием в политических целях. Ученый отмечает, что эта постоянно обновляемая структура – идеальная реальность, она является столь же подлинной и значимой, сколь и событийная [22, с. 10]. Ж. Т. Тощенко трактует историческую память как «определенным образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим» [23]. По мнению В. Э. Бойкова, именно историческая память обеспечивает осознание людьми того, что они представляют собой не толпу, а социальную общность, народ с конкретной культурой, языком и ментальными качествами. С этой точки зрения историческая память «образует ядро этнической, культурной и гражданской самоидентификации людей, оказывающей существенное влияние на регуляцию индивидуального и массового поведения» [24, с. 47].

В. В. Кулиш характеризует историческую память «как системообразующий, коллективно выраженный элемент общественного и индивидуального сознания с присущим ему механизмом запечатления, хранения и воспроизводства культуры, обеспечивающий актуализацию традиционных форм жизнеосуществления социальных субъектов и задающий направление инноваций во всех сферах жизнедеятельности отдельного человека и всего общества» [25, с. 14]. А. О. Столяров интерпретирует историческую память как совокупность представлений о прошлом, сформированных на базе исторического опыта субъекта с учетом его идентичности, интересов и системы ценностей. Память выступает своеобразным преломлением прошлого³. Важнейшее предназначение

³Столяров А. О. Влияние исторической памяти на польско-российские отношения: 1989–2009 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15. СПб. : СПбГУ, 2015. С. 3.

исторической памяти заключается в том, что она «составляет одну из основ осознания человеком своего “Я” в семейной родословной и в истории своего народа, понимания нашего “Мы” в национальной и культурной общности страны, а также в рамках общечеловеческой цивилизации» [26, с. 85].

Проблема изучения исторической памяти нашла широкое отражение в современной белорусской науке. Значительное внимание данной теме уделяют белорусские историки, философы, социологи А. А. Коваленя, И. А. Марзалюк, В. В. Данилович, И. А. Валаханович, И. И. Калачёва, А. И. Корсак, А. Н. Данилов, О. А. Матусевич, А. Л. Ластовский, О. М. Ростовская, Н. М. Бровчук и др.

Белорусский социолог И. В. Лашук определяет историческую память как один из видов коллективной памяти, представляющий собой такой феномен общественного сознания, который обеспечивает трансляцию культурного наследия, его интерпретацию в современных социокультурных реалиях и регулируемые социокультурные практики [27, с. 21]. Историческая память – это представления о прошлом, которые подтверждают наследственную идентичность членов общества и символически обозначают их единство во времени и пространстве благодаря созданию общей истории.

И. В. Котляров трактует историческую память как важнейший фактор цивилизационного кода. В ее основе лежат социальный опыт, воспоминания и временные процессы. Историческая память сохраняет для общества глубинные, жизненно важные смыслы, идеалы, образы, ценностные ориентации, традиции и стереотипы, фиксируется в комплексе символов и значений, передающихся от одного по-

коления к другому через фольклорные традиции, обряды, верования, государственную символику, литературные произведения и т. д. [28, с. 369].

О. М. Ростовская определяет историческую память как индивидуально и социально обусловленный феномен, проявленный в виде индивидуальной памяти и коллективной памяти. По словам исследователя, коллективная историческая память определяется на основе индивидуальной исторической памяти и отличается спецификой коллективного исторического субъекта, объектов или мест памяти, которые выступают точкой идентификации для конкретной социальной общности. Формы коллективной исторической памяти О. М. Ростовская выделяет по объекту и субъекту (семейная, родовая, сельская, городская и национальная память), а также по способу трансляции прошлого (коммуникативная и культурная память). Анализ форм памяти акцентирует их особую значимость и взаимосвязь в процессе формирования социокультурной и национальной идентичности [29].

На взгляд автора статьи, удачным, но при этом промежуточным завершением вопроса о сущности исторической памяти может служить дефиниция, представленная академиком НАН Беларуси Е. М. Бабосовым, который характеризует историческую память как сложно структурированную систему передаваемых из поколения в поколение исторических фактов и тенденций, которые субъективно преломляются в мироощущениях и рефлексиях индивидов и социальных общностей в вопросах прошлого, касающихся достижений народа, национального угнетения, социальной несправедливости и борьбы за национальное и социальное освобождение [30, с. 13–14].

Научно-теоретические подходы к изучению исторической памяти

Историческая память выступает объектом изучения в рамках нескольких исследовательских подходов: структурно-функционального, феноменологического, культурно-семиотического, структуралистского, постструктуралистского, социально-исторического, социально-психологического, генерационного, социально-сциентистского, культурно-антропологического, информационного, конструктивистского.

Структурно-функциональный подход (М. Хальбвакс, М. Мосс) является одним из основополагающих научных подходов к изучению исторической памяти. Его представители сосредотачивают внимание на памяти отдельных социальных групп, на выявлении специфики массовых представлений о прошлом, а также на изучении социальной роли памяти как объединяющего фактора внутригрупповых отношений и на ее способности выполнять дезинтегрирующую функцию [8].

В рамках феноменологического направления (Э. Гуссерль, А. Шюц) историческая память рассмат-

ривается как свойство человеческого сознания с присущими ему субъективностью, рефлексивностью и способностью определять и обосновывать значимость актов познания и сознания [31]. Функционирование памяти есть рефлексивный процесс анализа прошлого и его ценностно-смысловой оценки в настоящем. Предметом исследования выступает опыт индивидов и малых групп, а также проявление исторической памяти в повседневной жизни. Такой подход позволяет рассмотреть механизм преобразования индивидуальных воспоминаний в коллективные, объяснить процесс формирования интерпретаций прошлого и настоящего.

Культурно-семиотический подход (Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьев) [20] обеспечивает возможность анализа культурного контекста человеческого бытия. Историческая память рассматривается как символический и знаковый конструкт, порождающий различные социальные смыслы и позволяющий человеку осуществлять верификацию

представлений о прошлом и конструировать их на подсознательном уровне. Социокультурные исследования Ф. Бартлетта, А. Варбурга, М. Блоха, П. Нора дают возможность раскрыть социальный характер индивидуальных процессов памяти и проанализировать механизмы сохранения памяти в группах.

С точки зрения структуралистского подхода (К. Леви-Стросс, М. Фуко, Р. Барт) память о прошлом рассматривается как огромный многослойный текст, записанный разнообразными шрифтами и алфавитами и представленный практически во всех сферах человеческой деятельности: в искусстве, ритуалах, традициях, мифах, обширных символических системах, фольклоре, повседневности [32]. Весьма перспективным является использование данного подхода к изучению эволюции исторической памяти населения постсоветских государств.

Представители постструктурализма (например, П. Нора) исследуют память в контексте трансформации общества, рассматривая ее в качестве движущей силы, которая гарантирует преемственность поколений. Задача настоящего – помнить прошлое, чтобы передать это знание своим потомкам. На фоне ускорения и демократизации истории, о которых писал французский историк П. Нора, будущее теряет определенность и предсказуемость, а прошлое забывается [13]. Для реконструкции прошлого все более активно используются различные материальные носители: документы, архивы, памятники. Эмансипация народов и этносов, волны деколонизаций приводят к возникновению разнообразных форм памяти меньшинств, которые обеспечивают их идентичность и самобытность. В связи с этим важное значение и особый исследовательский интерес приобретает понятие коллективной памяти.

Весьма продуктивным в изучении памяти о прошлом является разработанный в рамках структурализма и постструктурализма дискурс-анализ, предполагающий критический подход к формированию массовых исторических знаний с учетом исторической и культурной обусловленности способов понимания и репрезентации прошлого [33]. Такой подход позволяет проследить взаимосвязь исторической памяти, социальных процессов и социального поведения.

В работах П. Жане, В. Вундта, У. Джеймса, З. Фрейда, Э. Фромма и других авторов представлен социально-психологический подход к изучению исторической памяти. В этом контексте память рассматривается как элемент социальной жизни человека и исследуется в рамках социальной психологии.

Х. Шуманом и Ж. Скоттом сформулирован генерационный подход к изучению исторической памяти. Ученые рассматривают память о прошлом с точки зрения эволюции ее содержания и возможностей сохранения [34]. В рамках данного подхода поколе-

ние выступает фактором, с помощью которого возможно предсказывать будущее поведение больших масс людей. Х. Шуман и Ж. Скотт пишут, что «...если выборка составлена из специфических генерационных групп, то можно доказать, что они отличаются некоторым единством мыслей и поступков. Однако, когда когорта представлена широкой популяцией, невозможно доказать, что прошлый жизненный опыт оказывает какое-либо влияние на политические установки или действия людей» [34, с. 47–48]. Ограничением такого подхода выступает широта охвата объекта исследования: чем более масштабен объем когорты, тем сложнее доказать влияние прошлого опыта на поступки людей.

Британский историк Дж. Тош разработал подход, который Л. П. Репина определила как социально-сциентистский [35]. Исходная посылка Дж. Тоша состоит в следующем: «... мало просто обращаться к прошлому; нужна убежденность в необходимости достоверного представления о нем. История как наука стремится поддержать максимально широкое определение памяти и придать ему максимальную точность, чтобы наши знания о прошлом не ограничивались тем, что является актуальным в данный момент. Ее целью является создание запаса знаний, открытых для любого использования, а не набора зеркальных отражений настоящего» [36].

Культурно-антропологический подход к изучению прошлого предложил немецкий историк Й. Рюзен [37]. В данном случае, в отличие от социально-сциентистского подхода, историографическое исследование выводится за рамки привычных представлений о прошлом, формируемых профессиональными историками. Историческая память трактуется как основа самоопределения личности в мире культуры, идентичности личности и общества. Когда в новых исторических условиях для самоопределения личности недостаточно ресурсов исторической памяти, происходит кризис последней, что вызывает необходимость искать новые способы осмысления и презентации прошлого.

Информационное направление исследований (К. Поппер, В. Г. Афанасьев, Я. К. Ребане, В. А. Колыватов, Б. С. Илизаров, В. Б. Устьянцев) основывается на представлении о неразрывной связи функционирования памяти, процессов познания, получения и накопления информации и динамики социальных систем [38]. Предметом изучения являются механизмы передачи социальной информации в зависимости от социокультурного контекста и ее роль в развитии социальной системы. Теоретические основания информационного подхода важны для объяснения взаимовлияния социальной памяти и исторической науки, а также для инструментального использования истории и кризиса исторического знания, связанного с «мемориальным бумом», или «торжеством памяти». Б. С. Илизаров отмечает, что

революция конца XX – начала XXI в. в области информационных технологий и войны великих держав за контроль над ними чреват непредсказуемыми мировыми потрясениями. Новым полем битвы становится социальная память человечества. Если раньше главным аргументом была сила оружия, то теперь на первый план выходит борьба за общественное сознание, т. е. за трактовку и коллективное понимание образов прошлого [39, с. 68]. Современная информационная традиция базируется на исследовании СМИ и выявлении их роли в формировании надындивидуальных убеждений и ценностей и предполагает анализ носителей памяти, взаимосвязи памяти и медиа. В рамках данной традиции используются такие методы сбора данных, как контент-анализ и кейс-стади.

Представители конструктивистского направления (П. Бергер, Т. Лукман) исследовали механизмы, с помощью которых индивид получает доступ к социальной памяти [40]. Для этого они ввели понятие социализации как процесса, в ходе которого индивид приобщается к воспоминаниям социальной группы. При этом под первичной социализацией имеется в виду та, которая происходит в детском возрасте и представляет собой включение индивида в социальную реальность посредством овладения им базовым запасом знаний. Вторичная же социализация не имеет конкретных рамок и активизируется тогда, когда индивид оказывается в новых социальных условиях и получает доступ к новым воспоминаниям [40, с. 111–112]. Роль социальной

памяти в процессе социализации состоит в обеспечении идентификации индивида в группе.

Таким образом, необходимым и эффективным условием углубленного изучения исторической памяти как объекта исследования разных наук должен служить принцип междисциплинарности. Как пишет Г. Джилардони, среди вариантов интеграции в качестве одного из наиболее перспективных рекомендовал себя тот, который осуществляется между социологией и историей. Он открывает новые горизонты исследования и предполагает многообещающие эвристические возможности. Бесспорно, и социология, и история обладают сформировавшимися эпистемологическими основаниями и, следовательно, четко очерченным предметным полем исследования. Их интеграция на уровне гносеологии и методологии, отмечает ученый, может служить «...делу создания “прибавочной стоимости”, способствуя лучшему пониманию одного и того же предмета исследования. Действительно, с того момента, как между настоящим и прошлым выявлена неразрывная связь, с точки зрения социологического исследования очень трудно, не зная прошлого, понять настоящее и предсказать будущее» [41, с. 117].

Междисциплинарный подход обеспечивает возможность рассмотрения исторической памяти как сложного, динамично развивающегося социального явления, отражающего всю совокупность социальных связей, которые обеспечивают историко-культурную преемственность общества и наследование накопленного им опыта.

О некоторых направлениях социологического исследования исторической памяти

Социологический анализ современного состояния исторической памяти как сложного и многогранного общественно-политического и социально-культурного явления позволяет выделить ряд актуальных задач и исследовательских направлений, наметившихся в последние годы.

Прежде всего речь идет об изучении качества исторического образования и воспитания населения. Эта задача позволяет выяснить, в какой степени и каким образом функционирующие в обществе институты и учреждения системы образования, культуры, религии и церкви, а также СМИ влияют на формирование исторической памяти. Данные институты и учреждения способствуют передаче от поколения к поколению научно обоснованных исторических знаний, фундаментальных истин и ценностей.

Важным направлением исследования служит определение роли исторической памяти в нормативной регуляции поведения различных категорий населения. Предметом социологического исследования является социальная значимость исторических традиций, обычаев, ритуалов, их влияние на повсед-

невную жизнь людей и на их отношение к нормам и предписаниям. Содержанием целенаправленной системной работы по формированию национальной и гражданской идентичности должно выступать возвращение в массовое сознание исторических образов и символов, позволяющих создавать представление о национальной истории как о целостном процессе, в котором современный человек находит обоснование и оправдание собственному существованию как личности и как гражданина.

Особую практическую значимость имеет исследование ключевых ценностей, идей и верований, на базе которых формируются ценностные ориентации личности и которые определяют субъективное отношение людей к официальным государственным символам, историческим личностям, прошлому, настоящему и будущему своей страны и своего народа.

Особый исследовательский интерес вызывает оценочное и нормативно-ценностное содержание исторической памяти, которое аккумулирует опыт жизнедеятельности предшествующих поколений, отношение населения к событиям современной жизни и целям общественного развития. Эмпирическое

социологическое исследование исторической памяти позволяет выявить общие ценности, представления, идеи, верования с помощью количественных и качественных методов сбора и анализа информации (массовых опросов, опросов фокус-групп, наблюдения, изучения документов, контент-анализа публикаций СМИ и др.).

Серьезной исследовательской задачей выступает кардинальный пересмотр места и роли отдельных государств и иных субъектов политики в активно разворачивающемся мемориальном противостоянии, начало которому было положено распадом колониальной системы, СССР и Организации Варшавского договора, а также современными трансформационными процессами. Особый интерес и несомненную практическую значимость имеет изучение опыта работы с прошлым в республиках бывшего СССР и странах бывшего социалистического лагеря. Предметное поле исследований в данном случае составляют вопросы культуры памяти, исторической политики, их влияния на самые разные стороны жизни современного общества, на учебный и воспитатель-

ный процессы в учреждениях образования. Особую актуальность приобретает проблема синхронности исторической политики в Беларуси и России.

Обеспечение межпоколенческой трансляции и сохранения исторической памяти является одной из сложнейших интеллектуальных и практических задач. Принципиально важным аспектом ее реализации выступает сохранение исторической памяти о героических и трагических событиях прошлого, о Великой Отечественной войне в сознании подрастающих поколений. Актуализация данной задачи во многом обусловлена тем, что в последние десятилетия механизмы формирования исторической памяти о войне претерпевают значительные изменения: постепенно исчезает межличностная коммуникация как первостепенный фактор сохранения живой памяти, меняется роль СМИ, учреждений культуры и образования в обеспечении преемственности поколений, утрачивается доверие к авторитету родителей, а также учителей. Самого пристального внимания требует изучение роли семьи как института формирования и трансляции исторической памяти молодежи.

Заключение

Обращение к прошлому и его периодическая актуализация в процессе поступательного исторического развития являются признаками и одновременно необходимыми условиями здорового воспроизводства общества. Позитивный образ прошлого способен оказать значительное стимулирующее воздействие на формирование жизненных стратегий различных социальных групп населения, в первую очередь молодого поколения.

Историческая память представляет собой важный и методологически сложный духовно-практический феномен современной общественной жизни, объективный анализ которого предполагает учет всех условий и факторов его функционирования и развития. Будучи коллективным достоянием, историческая память непосредственно участвует в конструировании современной идентичности со-

циума, влияет на формирование желаемого образа будущего, обеспечивает возможность реализации общих социально-политических и социально-культурных практик и стратегий современности в контексте изучения и использования накопленного опыта.

Научное исследование исторической памяти, ее содержания, источников, механизмов, социально-демографических и региональных особенностей позволяет глубже понимать современную социальную реальность, принимать взвешенные и обоснованные управленческие решения, направленные на формирование национального самосознания, политической культуры, патриотических ценностей населения Беларуси, обеспечивая возможность планирования и прогнозирования процессов общественного развития.

Библиографические ссылки

1. Платон. *Собрание сочинений. Том 2.* Лосев АФ, Асмус ВФ, Тахо-Годи АА, редакторы; Соловьев В, Соловьев МС, Штейнман-Топштейн СЯ, переводчики. Москва: Мысль; 1993. Тезет; с. 251–261.
2. Аристотель. *Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти.* Альмова ЕВ, переводчик. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет; 2004. 183 с.
3. Плотин. Об ощущении и памяти. *Вопросы философии.* 2004;7:170–173.
4. Бэкон Ф. *Сочинения. Том 1.* Субботина АЛ, составитель. Москва: Мысль; 1977–1978. О достоинстве и приумножении наук; с. 567–577.
5. Гегель ГВФ. *Энциклопедия философских наук. Том 3.* Ситковский ЕП, редактор. Москва: Мысль; 1977. Философия духа; с. 471–474.
6. Ницше Ф. *Сочинения. Том 1.* Свасьян КА, редактор и составитель; Берман Я, Рачинский ГА, Свасьян КА, Франк СЛ, переводчики. Москва: Мысль; 1990. О пользе и вреде истории для жизни; с. 158–230.
7. Бергсон А. *Собрание сочинений. Том 2.* Москва: Московский клуб; 1992. Материя и память; с. 190–256.
8. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. *Неприкосновенный запас.* 2005;2:8–27.
9. Warburg A, Rampley M. The absorption of the expressive values of the past trans. *Art in Translation.* 2009;1:273–283. DOI: 10.2752/175613109X462708.

10. Бартлетт Ф. Человек запоминает. *Psychology OnLine.Net* [Интернет]. 2003 [процитировано 31 августа 2023 г.]. Доступно по: <https://www.psychology-online.net/articles/doc-352.html>.
11. Ассман Я. *Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. Сокольская ММ, переводчик. Москва: Языки славянской культуры; 2004. 368 с.
12. Адорно Т. *Негативная диалектика*. Петренко ЕЛ, переводчик. Москва: АСТ; 2014. 511 с.
13. Нора П. Всемирное торжество памяти. *Неприкосновенный запас*. 2005;2:40–41
14. Ерушалми ЙХ. *Захор. Еврейская история и еврейская память*. Нудельман Р, переводчик. Москва: Мосты культуры; 2004. 167 с.
15. Ле Гофф Ж. *История и память*. Акопян КЗ, переводчик. Москва: РОССПЭН; 2013. 303 с.
16. Tulving E. Are there 256 different kinds of memory? *STUDYLIB* [Internet]. 2007 [cited 2023 August 31]. Available from: <https://studylib.net/doc/18115751/are-there-256-different-kinds-of-memory%3F?ysclid=lm7o9y6pi630485410>.
17. Рягузова ЕВ. Память Другого или другая память: социально-психологический анализ коммеморативных практик. *Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2019;19(1):61–68. DOI: 10.18500/1819-7671-2019-19-1-61-68.
18. Лихачев ДС. *Критика и время*. Утехин НП, составитель. Ленинград: Лениздат; 1984. 334 с.
19. Дюркгейм Э. *Социология. Ее предмет, метод, предназначение*. Гофман АБ, переводчик и составитель. Москва: Канон; 1995. Представления индивидуальные и представления коллективные; с. 208–243
20. Выготский ЛС, Лурия АР. *Этюды по истории поведения. Обезьяна. Примитив. Ребенок*. Москва: Педагогика-пресс; 1993. 224 с.
21. Гипперейтер ЮБ, Романова ВЯ, редакторы. *Психология памяти*. Москва: ЧеРо; 1998. 816 с.
22. Репина ЛП. *Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки)*. WP6/2003/07 (пре-принт). Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2003. 44 с.
23. Тощенко ЖТ. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния. *Новая и новейшая история*. 2000;4:3–14.
24. Бойков ВЭ. Историческая память в современном российском обществе: состояние и проблемы формирования. *Социология власти*. 2011;5:44–52.
25. Кулиш ВВ. *Функционирование исторической памяти в жизненном самоопределении выпускников школ современной России: по материалам социологических исследований в Алтайском крае [диссертация]*. Барнаул: Алтайский государственный университет; 2011. 178 с.
26. Бойков ВЭ. Состояние и проблемы формирования исторической памяти. *Социологические исследования*. 2002; 8:85–89.
27. Лашук ИВ. Социальный компонент исторической памяти о Великой Отечественной войне в общественном сознании жителей Беларуси: поколенческие различия. *Социологический альманах*. 2015;6:210–220.
28. Котляров ИВ. Историческая память как важнейший фактор цивилизационного кода (социологический дискурс). *Доклады Национальной академии наук Беларуси*. 2018;62(3):364–373. DOI: 10.29235/1561-8323-2018-62-3-364-373.
29. Ростовская ОМ. Историческая память: проблема образа. *Ученые записки УО «ВГУ имени П. М. Машерова»*. 2011; 12:152–157.
30. Бабосов ЕМ. Роль этнонациональной идентичности в формировании исторической памяти и консолидации белорусского общества. В: Коршунов ГП, редактор. *Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества: материалы Международной научно-практической конференции; 26–27 сентября 2019 г.; Минск, Беларусь*. Минск: ООО «СУГАРТ»; 2019. с. 10–14.
31. Гуссерль Э. *Собрание сочинений. Том 1*. Молчанов В, переводчик. Москва: Гнозис; 1994. 164 с.
32. Леви-Стросс К. *Структурная антропология*. Иванов ВячВс, редактор и переводчик. Москва: Главная редакция восточной литературы; 1983. 536 с.
33. Дейк ТА. *Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*. Кожемякин ЕА, Переверзев ЕВ, Амагов АМ, переводчики. Москва: Либроком; 2013. 344 с.
34. Шуман Г, Скотт Ж. Коллективная память поколений. *Социологические исследования*. 1992;2:47–60.
35. Репина ЛП. *Историческая наука на рубеже XX–XXI вв*. Москва: Кругъ; 2011. 560 с.
36. Тош Д. *Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка*. Москва: Весь мир; 2000. 296 с.
37. Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность. В: Репина ЛП, редактор. *Цепь времен: проблемы исторического сознания*. Москва: Институт всеобщей истории Российской академии наук; 2005. с. 45–50.
38. Колеватов ВА. *Социальная память и понимание*. Москва: Мысль; 1984. 190 с.
39. Илизаров БС. Роль ретроспективной социальной информации в формировании общественного сознания (в свете представлений о социальной памяти). *Вопросы философии*. 1985;8:60–69.
40. Бергер П, Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Руткевич ЕД, переводчик. Москва: Медиум; 1995. 323 с.
41. Джилардони Г. Размышления о пользе интеграции социологии и истории. Коломиец ВК, переводчик. *Социологические исследования*. 2012;11:116–123.

References

1. Plato. *Sobranie sochinenij. Tom 2* [Collected works. Volume 2]. Losev AF, Asmus VF, Taho-Godi AA, editors; Solov'ev V, Solov'ev MS, Shtejnman-Topshhtejn SJa, translators. Moscow: Mysl'; 1993. [Theaetetus]; p. 251–261. Russian.
2. Aristotle. *Protreptik. O chuvstvennom vospriyatii. O pamjati* [Protreptic. On sensory perception. About memory]. Al'mova EV, translator. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; 2004. 183 p. Russian.
3. Plotinous [About sensation and memory]. *Voprosy filosofii*. 2004;7:170–173. Russian.
4. Bacon F. *Sochineniya. Tom 1* [Collected works. Volume 1]. Subbotina AL, compiler. Moscow: Mysl'; 1977–1978. [On the dignity and multiplication of sciences]; p. 567–577. Russian.

5. Hegel GWF. *Entsiklopediya filosofskikh nauk. Tom 3* [Encyclopedia of philosophical sciences. Volume 3]. Sitkovsky EP, editor. Moscow: Mysl'; 1977. [Philosophy of spirit]; p. 471–474. Russian.
6. Nietzsche F. *Sochineniya. Tom 1* [Collected works. Volume 1]. Svas'yan KA, editor and compiler; Berman Ya, Rachinsky GA, Svas'yan KA, Frank SL, translators. Moscow: Mysl'; 1990. [On the benefits and harms of history for life]; p. 158–230. Russian.
7. Bergson A. *Sobranie sochinenij. Tom 2* [Collected works. Volume 2]. Moscow: Moskovskii klub; 1992. [Matter and memory]; p. 190–256. Russian.
8. Halbwachs M. Collective and historical memory. *Neprikosnovennyi zapas*. 2005;2:8–27. Russian.
9. Warburg A, Rampley M. The absorption of the expressive values of the past trans. *Art in Translation*. 2009;1:273–283. DOI: 10.2752/175613109X462708.
10. Bartlett F. [Human remembers]. *Psychology OnLine.Net* [Internet]. 2003 [cited 2023 August 31]. Available from: <https://www.psychology-online.net/articles/doc-352.html>. Russian.
11. Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory: writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Sokol'skaya MM, translator. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2004. 368 p. Russian.
12. Adorno T. *Negativnaya dialektika* [Negative dialectics]. Petrenko EL, translator. Moscow: AST; 2014. 511 p. Russian.
13. Nora P. [World celebration of memory]. *Neprikosnovennyi zapas*. 2005;2:40–41. Russian.
14. Erushalmi IKh. *Zahor. Evreiskaya istoriya i evreiskaya pamyat'* [Jewish history and Jewish memory]. Nudel'man R, translator. Moscow: Mosty kul'tury; 2004. 167 p. Russian.
15. Le Goff J. *Istoriya i pamyat'* [History and memory]. Akopyan KZ, translator. Moscow: ROSSPEN; 2013. 303 p. Russian.
16. Tulving E. Are there 256 different kinds of memory? *STUDYLIB* [Internet]. 2007 [cited 2023 August 31]. Available from: <https://studylib.net/doc/18115751/are-there-256-different-kinds-of-memory%3F?ysclid=lm7o9y6pi630485410>.
17. Ryaguzova EV. Memory of the Other or other memory: socio-psychological analysis of commemorative practices. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2019;19(1):61–68. Russian. DOI: 10.18500/1819-7671-2019-19-1-61-68.
18. Likhachev DS. *Kritika i vremya* [Criticism and time]. Utekhin NP, compiler. Leningrad: Lenizdat; 1984. 334 p. Russian.
19. Durkheim E. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its subject, method, purpose]. Gofman AB, translator and compiler. Moscow: Canon; 1995. [Representations individual and representations collective]; p. 208–243. Russian.
20. Vygotskij LS, Lurija AR. *Jetjudy po istorii povedeniya. Obez'jana. Primitiv. Rebenok* [Studies on the history of behaviour. A monkey. Primitive. Kid]. Moscow: Pedagogika-press; 1993. 224 p. Russian.
21. Gipperejter JuB, Romanova VJa, editors. *Psihologija pamjati* [Psychology of memory]. Moscow: CheRo; 1998. 816 p. Russian.
22. Repina LP. *Kul'turnaja pamjat' i problemy istoriopisanija (istoriograficheskie zametki)* [Cultural memory and problems of historical writing (historiographic notes)]. WP6/2003/07 (preprint). Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2003. 44 p. Russian.
23. Toshchenko ZhT. [Historical consciousness and historical memory. Analysis of the current state]. *Novaja i novejsnjaja istorija*. 2000;4:3–14. Russian.
24. Boikov VE. Historical memory in modern Russian society: state and problems of formation. *Sociologija vlasti*. 2011; 5:44–52. Russian.
25. Kulish VV. *Funkcionirovanie istoricheskoi pamjati v zhiznennom samoopredelenii vypusknikov shkol sovremennoj Rossii: po materialam sociologicheskikh issledovanij v Altajskom krae* [The functioning of historical memory in the life self-determination of graduates of schools in modern Russia: based on the materials of sociological research in the Altai territory] [dissertation]. Barnaul: Altai State University; 2011. 178 p. Russian.
26. Boikov VE. [The state and problems of the formation of historical memory]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2002;8: 85–89. Russian.
27. Lashuk IV. The social component of the historical memory of the Great Patriotic War in the public consciousness of the inhabitants of Belarus: generational differences. *Sociologicheskij al'manah*. 2015;6:210–220. Russian.
28. Kotlyarov IV. Historical memory as the most important factor of the civilizational code (sociological discourse). *Doklady of the National Academy of Sciences of Belarus*. 2018;62(3):364–373. Russian. DOI: 10.29235/1561-8323-2018-62-3-364-373.
29. Rostovskaya OM. Historical memory: the problem of an image. *Uchenye zapiski UO «VGU imeni P. M. Masherova»*. 2011; 12:152–157. Russian.
30. Babosov EM. [The role of ethnonational identity in the formation of historical memory and consolidation of Belarusian society]. In: Korshunov GP, editor. *Istoricheskaja pamjat' o Belarusi kak faktor konsolidacii obshchestva: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii; 26–27 sentjabrja 2019 g.; Minsk, Belarus'* [Historical memory of Belarus as a factor in the consolidation of society: materials of the International Scientific and Practical Conference; 2019 September 26–27; Minsk, Belarus]. Minsk: OOO «SUGART»; 2019. p. 10–14. Russian.
31. Husserl E. *Sobranie sochinenij. Tom 1* [Collected works. Volume 1]. Molchanov V, translator. Moscow: Gnozis; 1994. 164 p. Russian.
32. Levi-Strauss K. *Strukturnaja antropologija* [Structural anthropology]. Ivanov VjachVs, editor and translator. Moscow: Glavnaja redakcija vostochnoj literatury; 1983. 536 p. Russian.
33. Dake TA. *Diskurs i vlast'. Rerezentacija dominirovanija v jazyke i kommunikacii* [Discourse and power. Representation of dominance in language and communication]. Kozhemjakin EA, Pereverzev EV, Amatov AM, translators. Moscow: Librocom; 2013. 344 p. Russian.
34. Schumann G, Scott J. [Collective memory of generations]. *Sociological studies*. 1992;2:47–60. Russian.
35. Repina LP. *Istoricheskaja nauka na rubezhe XX–XXI vv.* [Historical science at the turn of the 20th–21st centuries]. Moscow: Krug; 2011. 560 p. Russian.
36. Tosh D. *Stremlenie k istine. Kak ovladet' masterstvom istorika* [Striving for the truth. How to become a historian]. Moscow: Ves' mir; 2000. 296 p. Russian.

37. Ryzen J. [Crisis, trauma and identity]. In: Repina LP, editor. *Сеп' vremen: problemy istoricheskogo soznaniya* [Chain of times: problems of historical consciousness]. Moscow: Institute of General History of the Russian Academy of Sciences; 2005. p. 45–50. Russian.

38. Kolevatov VA. *Social'naja pamjat' i ponimanie* [Social memory and understanding]. Moscow: Mysl'; 1984. 190 p. Russian.

39. Ilizarov BS. [The role of retrospective social information in the formation of social consciousness (in the light of ideas about social memory)]. *Voprosy filosofii*. 1985;8:60–69. Russian.

40. Berger, PL, Luckmann T. *The social construction of reality. A treatise on sociology of knowledge*. New York: Anchor Books; 1966. 240 p.

Russian edition: Berger P, Luckman T. *Socialnoe konstruirovanie realnosti. Traktat po sociologii znaniya*. Rutkevich ED, translator. Moscow: Medium; 1995. 323 p.

41. Gilardoni G. [Reflections on the benefits of integrating sociology and history]. Kolomic VK, translator. *Sociologicheskie issledovanija*. 2012;11:116–123. Russian.

Статья поступила в редколлегию 05.09.2023.
Received by editorial board 05.09.2023.

ПЕРСПЕКТИВЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: СТРАТЕГИЯ ДОСТАТОЧНОГО РАЗВИТИЯ ВОДОПЬЯНОВА

А. Н. ДАНИЛОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается комплекс проблем, угрожающих будущему человечества. Отмечается, что начало XXI в. характеризуется глобальной нестабильностью, новыми вызовами и рисками: ускорилось загрязнение окружающей среды, наблюдается истощение природных ресурсов и недостаток жизненного пространства, снизилась активность экологических протестов, экспоненциальными темпами растет численность населения, появились ранее неизвестные болезни (например, COVID-19), усилилось социальное неравенство. Подчеркивается, что возобновилась гонка вооружений, причем создание образцов техники происходит на принципиально измененной технологической основе без учета экологических последствий. Делается вывод о том, что в ущерб экологии обостряется борьба за ресурсы. В связи с указанной проблематикой анализируется стратегия достаточного развития, предложенная философом П. А. Водопьяновым в монографии «На переломе эпох: выбор стратегии созидания будущего» (2023). В данной работе представлен новый вектор построения социально-экономической перспективы на основе согласования с законами эволюции биосферы, раскрыты закономерности сохранения природных экосистем, обозначена целесообразность разработки эколого-безопасных технологий и утверждения нового гуманизма как необходимого условия безопасности человечества.

Ключевые слова: П. А. Водопьянов; стратегия достаточного развития; будущее человечества; природная среда; экологический кризис; новый гуманизм.

PROSPECTS FOR HUMANITY: THE STRATEGY OF SUFFICIENT DEVELOPMENT BY VODOPIANOV

A. N. DANILOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article considers a complex of modern problems that pose a threat to the future of mankind. It is noted that the beginning of the 21st century in the world is characterised by global instability, new challenges and risks. There is a decrease in the activity of environmental protests, continued environmental pollution, exponential population growth, depletion of natural resources and lack of living space, the emergence of previously unknown diseases such as COVID-19, increase of inequality and the gap between the poor and the rich, etc. The arms race has resumed again, models of new equipment are created on a fundamentally new technological basis, which do not always take into account environmental consequences, the struggle for resources to the detriment of the environment is intensifying. The strategy of sufficient development proposed by the philosopher P. A. Vodopianov in the new monograph «At the turn of the era: choosing a strategy for creating the future» (2023) is analysed. In this book the paths of a new vector of socio-economic prospects are outlined basing on its coordination with the laws of evolution of the biosphere, the laws of conservation of natural ecosystems and the biosphere as a whole are revealed, and the expediency of developing environmentally friendly technologies and establishing of a new humanism as a necessary condition for achieving a safe future is indicated.

Keywords: P. A. Vodopianov; sufficient development strategy; future of mankind; natural environment; ecological crisis; new humanism.

Образец цитирования:

Данилов АН. Перспективы человечества: стратегия достаточного развития Водопьянова. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;3:21–25. EDN: XZWDIQ

For citation:

Danilov AN. Prospects for humanity: the strategy of sufficient development by Vodopianov. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;3:21–25. Russian. EDN: XZWDIQ

Автор:

Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Alexander N. Danilov, corresponding member of the Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences. a.danilov@tut.by

Введение

Глобальный экологический кризис усиливается с каждым годом и угрожает уже ближайшему будущему человечества. Как правило, всплеск активности в борьбе за чистоту окружающей среды наблюдается после глобальных катастроф. Более полувека назад, 5 июня 1972 г., под эгидой ООН в Стокгольме открылась конференция по выработке стратегии конструктивного взаимоотношения человека и среды его обитания. С тех пор 5 июня отмечается Всемирный день окружающей среды. В 1992 г. в Рио-де-Жанейро прошла конференция на уровне глав государств и правительств, на которой было провозглашено требование обеспечить баланс между решением социально-экономических проблем и защитой окружающей среды, удовлетворением основных жизненных потребностей нынешнего поколения с сохранением этой возможности для будущих поколений [1]. Было принято множество решений по предотвращению экологической катастрофы как на международном, так и на национальном уровне. Постепенно реализовывалась Программа ООН по окружающей среде, разрабатывалось экологическое законодательство, создавались специальные структуры (министерства, советы и др.), иницилирующие и координирующие природоохранную деятельность. Наиболее развитые государства стремились поддержать развивающиеся страны, выделяя до 0,7 % ВВП на их экологические программы. Однако биосферная напряженность не была снижена, проблемы цивилизации – нищета, голод, неграмотность, ухудшение состояния экосистем – не были решены. В связи с этим ООН пред-

ложила концепцию устойчивого развития, поддержанную большинством стран. Суть данной концепции заключается в балансе не только экономических и экологических, но и социокультурных процессов. Но как обеспечить функционирование человечества в сравнительно замкнутой биосфере с относительно ограниченным природно-ресурсным потенциалом, учитывая исторический динамизм и необходимость сохранить естественное равновесие среды обитания? Конструктивным ответом на подобные вопросы стала концепция зеленой экономики, которая была призвана не только обеспечить благосостояние человека и социальную справедливость, но и снизить риски, связанные с деградацией исторически сложившейся экосистемы. Зеленая экономика предполагает реформы практически во всех сферах – от промышленной до социокультурной [2].

Однако «в конце XX в., когда человечество столкнулось с глобальными проблемами, с новой силой зазвучали вопросы о правильности выбора путей развития, принятых в западной (техногенной) цивилизации, и, как следствие, об адекватности ее мировоззренческих ориентаций и идеалов» [3, с. 484]. Решения и рекомендации, принятые на конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г., оказались невыполнимыми. Проблема экологической опасности не потеряла своей актуальности, а по отдельным направлениям ситуация существенно усугубилась. Это касается прежде всего промышленного развития и сохранения природных невозобновляемых ресурсов.

На переломе эпох

На тему экологической безопасности в аспекте выживания человечества существует множество прогнозов, причем самых невероятных. Современный мир жестко поляризован: развитые страны стремятся внедрить зеленую экономику, а развивающиеся государства беспокоятся о том, что это ограничит доминанту их количественного роста, основанного на модели коричневой экономики, предполагающей использование энергоемких и ресурсозатратных способов производства. Чтобы не оттолкнуть развивающиеся страны, адепты новых трендов неуклонно подчеркивают, что зеленая экономика, как стратегия эколого-экономического развития цивилизации, нацелена на искоренение бедности и повышение благосостояния человечества. Вопрос о том, сколько манипуляции в этих уверениях, а сколько правды, является открытым [2].

Сегодня, когда будущее человечества предстает все более туманным, известный белорусский философ П. А. Водопьянов выносит на суд общественности одну из своих самых знаковых книг «На переломе эпох: выбор стратегии созидания будущего» [4]. Нелучайно на обложке ученый размещает следующие

слова: «Я не пророк... и склонен больше с оптимизмом смотреть в будущее, с верой в то, что человечество найдет адекватные ответы на новые вызовы времени. Мною движет искреннее желание помочь людям открыть глаза на глобальные проблемы человечества, задуматься о своей личной ответственности за будущее планеты, сделать реальные практические шаги по недопущению глобальной экологической катастрофы. Мы уже стоим на краю пропасти... Прошу понять меня правильно, ибо завтра уже может быть поздно» [4].

Ровно 30 лет назад общественный резонанс вызвала монография П. А. Водопьянова «Великий день гнева. Экология и эсхатология» (1993). Прошли годы, но наша планета не стала чище, ухудшилась демографическая ситуация, значительно возрос уровень загрязнения окружающей среды, произошли крупнейшие природные и социальные катастрофы. Чего только стоят аварии на Чернобыльской АЭС, японской АЭС «Фукусима-1», военные конфликты, террористические акты, другие кризисные явления. Неужели стратегия бытия человечества свидетельствует

о слабости людей, их порочности и невозможности даже осознать существующие опасности? Это риторический вопрос, но все же он нуждается в философском осмыслении. Современная цивилизация столкнулась с новыми вызовами, угрожающими ее будущему. Тревогу вызывает и проблема нравственного разложения современного общества, о чем свидетельствует распространение наркомании, алкоголизма, ведущих к биологической деградации личности. Извечные человеческие ценности – доброта, справедливость, порядочность, взаимопомощь – все чаще сменяются насилием, злобой, ненавистью.

Книга [4] является квинтэссенцией неустанного труда П. А. Водопьянова по исследованию проблем экологии и устойчивости биосферы. В более ранних работах ученого, таких как «Устойчивость в развитии живой природы» (1974), «Устойчивость и динамика биосферы» (1981), «Динамика биосферы и социокультурные традиции» (1987, в соавторстве), «Великий день гнева: экология и эсхатология» (1993, в соавторстве), «Стратегия бытия человечества: от апокалиптики к ноосферному веку» (2018, в соавторстве) и др., раскрыты вопросы поддержания устойчивости биосферы, наличия биологического разнообразия, преобладания процессов синтеза над деструкцией, запретов на биохимическом уровне, отбора на уровне филогенеза и т. д. В работах профессора П. А. Водопьянова раскрыты положительные и отрицательные стороны научно-технического прогресса, выявлены его экологические последствия, обоснована необходимость утверждения новых ценностных ориентиров во взаимодействии общества и природы, а также изменения сложившегося сугубо потребительского вектора развития общества, проанализировано концептуальное содержание стратегии устойчивого развития. В условиях общепланетарного кризиса определение оптимальной экологической политики имеет большую практическую значимость.

Новая книга П. А. Водопьянова не только обобщает более чем полувековой опыт автора в исследовании глобальных проблем современности, но и существенно расширяет горизонт научного поиска. Философ называет ключевые факторы поддержания устойчивости природных экосистем и биосферы в целом, актуализирует необходимость использования законов биосферной организации для выбора стратегии безопасного будущего, намечает и обосновывает направления созидания будущего с опорой на биоантропоцентризм – важнейший фактор выживания человечества. Также в своей новой работе П. А. Водопьянов развивает идеи типологии и истоков экологических кризисов, предлагает меры по их упреждению и минимизации их последствий, проводит глубокий анализ природных и социальных катастроф. Особое внимание в книге уделено вопросу о необходимости ценностной перезагрузки современного общества.

Очевидно, что первая четверть XXI в. характеризуется серьезными потрясениями. Продолжается за-

грязнение окружающей среды, наблюдается недостаток природных ресурсов и жизненного пространства, экспоненциальными темпами растет численность населения, появляются ранее неизвестные болезни (например, COVID-19), усиливается неравенство во всех сферах жизнедеятельности человека и др. В этих условиях кристаллизуются точки роста новой цивилизации, где главным вызовом становится другое видение роли природной среды в жизни человечества.

Научно-технический прогресс позволил достичь высокого уровня жизни и вместе с тем привел к разрушению природы и деградации среды обитания человека. П. А. Водопьянов доказывает, что возникла потребность изменить вектор социально-экономического развития, который до недавнего времени игнорировал опасность разрушения природы. Стремление человека стать независимым от природы, игнорирование им законов эволюции биосферы обеспечили новый уровень жизни, но негативно сказались на качестве окружающей среды. Сугубо потребительский вектор социально-экономического развития со всей остротой выдвигает вопрос о ближайшем будущем цивилизации.

В современных условиях формируется новое видение роли природной среды. Она начинает рассматриваться «...не как конгломерат изолированных объектов и даже не как механическая система, но как целостный живой организм, изменение которого может проходить лишь в определенных границах. Нарушение этих границ приводит к изменению системы, ее переходу в качественно иное состояние, могущее вызвать необратимое разрушение целостности системы» [3, с. 485]. П. А. Водопьянов уверен, что судьба человечества зависит от выбора стратегии будущего мирового сообщества: либо следовать по уже проторенному пути наращивания материального богатства за счет интенсивного экономического роста, что ведет к разрушению и деградации окружающей среды, либо избрать принципиально новый путь – путь согласования социально-экономического развития с законами развития биосферы.

П. А. Водопьянов приходит к выводу о том, что во многих развитых странах предпочтение, к сожалению, отдается варианту, ориентированному на сохранение и достижение высокого уровня потребления. Об этом свидетельствуют проявления глобального экологического кризиса, который выражается в ускорении загрязнения окружающей среды, разрушении озонового слоя, многочисленных пожарах, наводнениях, ураганах и других катаклизмах. Именно поэтому формирование новых ценностных ориентиров, основанных на утверждении коэволюционной стратегии взаимодействия общества и природы, является одной из ключевых задач современной экологической политики.

Потребность изменения стереотипов мышления по отношению к природе диктуется и необходимостью обеспечения социально-экономического развития

при сохранении благоприятной окружающей среды и рациональном использовании природно-ресурсного потенциала. К сожалению, констатирует П. А. Водопьянов, в настоящее время существенные изменения в данном вопросе не наблюдаются. Эта опасная тенденция связана в первую очередь с утратой традиционных нравственных ценностей, духовной деградацией человека и зыбкой верой в достижение стабильного будущего. Выход из сложившейся ситуации может быть связан не столько с решением социально-экономических, экологических и геополитических проблем, сколько с радикальным изменением сознания людей.

Для преодоления кризисных явлений в жизни общества необходимо направить усилия на разрешение духовного кризиса. Дальнейший прогресс в области научно-технических достижений (в частности, в сфере генной инженерии, нанотехнологий, робототехники и др.) чреват непредсказуемыми последствиями. Преодоление такого рода опасных тенденций развития общества возможно при условии утверждения новых ценностных ориентаций.

Профессор П. А. Водопьянов отмечает, что приближение биосферного века призвано изменить антропоцентристскую ориентацию в использовании природных ресурсов, поскольку нацеленность сугубо на экономические показатели во многих случаях привела к тому, что объемы потребления природных ресурсов превысили допустимые нормы. В целях безопасного развития общества необходимо добиваться того, чтобы пределы использования невозобновляемых ресурсов не превышали темпы их

замещения возобновляемыми. Это касается и возобновляемых ресурсов, пределы использования которых должны компенсироваться их естественным воспроизводством. Новое экологическое мышление требует осознания взаимозависимости процессов, протекающих в биосфере.

Новое экологическое мышление тесно связано со становлением нового гуманизма, ориентированного на формирование такого мировоззрения, которое утверждает ценность не только человека, но и всех живых существ и природы. Ориентация на абсолютный приоритет технологических и технических открытий не может быть признана обоснованной, поскольку достижения науки и техники, превратившие человеческую деятельность в серьезную геологическую силу, привели к глобальным кризисным явлениям. Необходимо радикально изменить сознание, мировоззрение и ценностные установки людей путем реализации коэволюционной стратегии развития – стратегии сбалансированной эволюции общества и биосферы, которая предполагает ограничение масштабов человеческой деятельности и изменение вектора социально-экономического развития в целом. В сферу производства должны быть внедрены новейшие технологии, позволяющие рационально использовать добываемое сырье. Необходимо создание экологически безопасных производств по типу природных, а также введение запретов на определенные виды деятельности. Стратегия коэволюции, ориентированная на будущее, содержит установку на изменение всех сфер деятельности людей, в том числе образования.

К стратегии достаточного развития

В своей новой книге П. А. Водопьянов выдвигает и обосновывает стратегию достаточного развития. В частности, он утверждает, что ранее господствующий подход основывался на стремлении к безальтернативному планированию будущего. На практике это являлось попыткой навязать обществу искусственный рациональный проект, подчинить естественно-историческое течение жизни заданной схеме. Сугубо технократический подход к анализу социальных процессов приводит к негативным явлениям в жизни современного общества [4, с. 423]. Ученый считает, что «встраивание» человека в природное окружение, подчинение его законам природы, поиск путей преодоления новых вызовов и рисков, обусловленных негативными последствиями достижений науки и техники, определяют основные направления коэволюционной стратегии достаточного развития. Реализация данной стратегии предполагает следующие меры:

- регулирование численности населения;
- снижение индустриального давления на биосферу до пределов, которые не нарушают ее ассимиляционные возможности за счет внедрения природоподобных технологий;

- экономное использование природных ресурсов (в том числе путем их замены на искусственные);
- повышение производительности ресурсов за счет внедрения новых технологий;
- использование альтернативных источников энергии вместо источников энергии, получаемой от сжигания углеводородного топлива;
- изменение вектора социально-экономического развития на основе его согласования с законами природы;
- формирование нравственности нового типа и утверждение нового гуманизма;
- переход к эпохе нового просвещения на основе экологического сознания и мышления.

Проблема выживания человечества непосредственно связана с сохранением среды обитания, от которой зависит тактика человеческой деятельности. Данная тактика, в свою очередь, связана с радикальным пересмотром сложившегося мировоззрения, изменением ценностных ориентаций по отношению человека к природе [4, с. 419]. Готовы ли мы сегодня принять эту стратегию? Вряд ли. Для начала следует понять суть предлагаемой концепции.

Профессор П. А. Водопьянов в своей новой книге утверждает, что будущее человечества зависит от того, сможет ли разум преодолеть пропасть между технологической мощью и культурной эволюцией. Ускорение прогресса может привести мир к гибели. Техногенная цивилизация позволила увеличить среднюю продолжительность жизни, повысить урожайность сельского хозяйства, ускорить перемещение и коммуникацию, обеспечить высокое качество медицинского обслуживания, овладеть ядерной энергией, освоить космическое пространство и др. Благодаря науке были достигнуты значимые результаты в овладении энергией (использование энергии пара, а также электрической, атомной и термоядерной энергии), что увеличило эффективность производства и повысило производительность труда. Однако в большинстве случаев по-

лучение энергии достигается за счет сжигания углеводородного топлива, что в свою очередь загрязняет окружающую среду и наносит ей ущерб.

Существование техногенной цивилизации, в которой преобладает потребительский вектор экономического развития, господствует утилитарный, узкопрактический подход к жизни, снижается внимание к духовной сфере развития человека, неизменно приводит к столкновению людей с природой. Углубление экологического кризиса актуализирует проблему выживания человеческой цивилизации, поэтому фактическое развитие общества должно быть ориентировано не на создание, накопление и потребление материальных благ, а на самосовершенствование человека, воспитание в нем качеств, позволяющих обеспечить безопасность будущего.

Заключение

Важную роль в достижении безопасного будущего играет внедрение в сферу промышленного производства природоподобных технологий (информационных, когнитивных и социальных технологий, а также нано- и биотехнологий), способных существенно повысить производительность ресурсов и при этом предотвратить индустриальное давление на биосферу. Аддитивные технологии направлены на разработку и введение инноваций, которые послужат основой промышленного развития на ближайшие десятилетия.

Построение будущего основано на осмыслении позитивных достижений опыта прошлого, преодолении последствий человеческой деятельности, выявлении нравственных ориентиров, определяемых самой природой. При этом духовные ценности выступают фундаментом социально-экономического развития как отдельной страны, так и всего мирового сообщества. Современное информационное общество оказывает огромное влияние на духовный мир человека. Как утверждает П. А. Водопьянов, эффективным инструментом противодействия негативным тенденциям выступает мировоззрение,

направленное на формирование объективной и целостной картины социальной реальности. Развитие мировоззренческих основ общества должно быть связано с возвращением способности осознавать смыслы и возможности человеческого бытия как сложной системы, ответственной за мироздание.

Утверждение новых ценностных ориентиров, основанных на учете требований законов биосферы, становится неизбежным условием сохранения жизни на Земле. В то же время обострение имеющихся проблем, появление новых вызовов и конфликтов в первой четверти XXI в. приводит к глобальной нестабильности современной цивилизации. Будущее планеты зависит от выбора направлений развития человечества. В ситуации перемен, которые значительно активизируют процесс отбора нового культурного контекста, общество стремится к быстрому обновлению базовых ценностей без должного историко-социального анализа. В этих условиях возникает опасность пойти по ложному пути и сформировать искаженный образ будущего, поэтому изначальный консерватизм в культуре может быть во многом оправдан.

Библиографические ссылки

1. Ермиков ВД, Притвиц НА, составители. *Эпоха Коптюга*. Новосибирск: Издательство СО РАН; 2001. 591 с.
2. Лось ВА. Планетарный экологический коллапс. Алармистский миф или реальность? *Литературная газета*. 8 июня 2023;22:3.
3. Стёпин ВС. *Теоретическое знание: структура, история эволюции*. Минск: Беларуская навука; 2021. 539 с.
4. Водопьянов ПА. *На переломе эпох: выбор стратегии созидания будущего*. Минск: Беларуская навука; 2023. 469 с.

References

1. Ermikov VD, Pritvits NA, compilers. *Epokha Koptyuga* [The era of Koptyug]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk; 2001. 591 p. Russian.
2. Los' VA. [Planetary ecological collapse. Alarmist myth or reality?]. *Literaturnaya gazeta*. 2023 June 8;22:3. Russian.
3. Stepin VS. *Teoreticheskoe znanie: struktura, istoriya evolyutsii* [Theoretical knowledge: structure, history of evolution]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2021. 539 p. Russian.
4. Vodopianov PA. *Na perelome epokh: vybor strategii sozidaniya budushchego* [At the turn of the epochs: the choice of a strategy for creating the future]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2023. 469 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 10.08.2023.
Received by editorial board 10.08.2023.

УДК 141.2

ИМПЕРСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВЛЕНИЕ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

Ч. С. КИРВЕЛЬ¹⁾, О. Ч. КИРВЕЛЬ²⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, ул. Э. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Раскрывается сущность имперской формы правления, которая может представлять альтернативу однополярной глобализации в ходе исторического развития социума. Под империей понимается суверенное государство-цивилизация, объединенное языком, культурой, идеологией, конкретным целеполаганием и модернизационными программами, которые выдвигаются и реализуются властью империеобразующего народа. Империя трактуется как стабильная форма государственности и сосуществования народов. Подчеркивается цивилизационная роль империй и в их современном варианте. Новоимперии, как региональные центры силы, могут быть прообразом государственного устройства многополярного мира. Отвергается концепция однополярного мира, которая основывается на линейно-прогрессистском, стадийном понимании всемирной истории. В основу авторской концепции многополярного мира положен цивилизационный подход. Доказывается, что цивилизационная роль империй немыслима без объединяющей имперской формы государственности. Рассматриваются различия фундаментального характера между западными колониальными и традиционными континентальными империями. Отмечается, что в западных империях с их колониальными владениями не существовало не только единого географического, но и в первую очередь единого социально-исторического пространства, объединенного общими ценностями и культурой. Перспективной формой политического устройства многополярного мира могут быть традиционные исторические империи централизованного типа или региональные новоимперии, скрепленные единой территорией, обладающие общей культурной и идеологической матрицей и сверхнациональным единством, а также сохраняющие свои константные свойства и признаки наряду со способностью к модернизации и обновлению. Показывается, что на основе региональных новоимперий частичная глобализация приобретает новый смысл и значение, становится ключом к более углубленному пониманию современной ситуации в мире. В авторской концепции многополярного мира новоимперии, исходя из цивилизационного подхода, могут стать наиболее эффективной формой государственного устройства в формирующихся региональных центрах силы. Регионализация, предложенная авторами, представляется весьма перспективным и плодотворным направлением научных исследований.

Ключевые слова: империи; глобализация; социальная динамика; колониальные морские империи; традиционные континентальные империи; цивилизационный подход; регионализация.

Образец цитирования:

Кирвель ЧС, Кирвель ОЧ. Имперское государственное правление как фактор социальной динамики. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2023;3:26–41.
EDN: KBOCMV

For citation:

Kirvel ChS, Kirvel OCh. Imperial state governance as a factor of social dynamics. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2023;3:26–41. Russian.
EDN: KBOCMV

Авторы:

Чеслав Станиславович Кирвель – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии педагогического факультета.

Ольга Чеславовна Кирвель – кандидат экономических наук, доцент; доцент кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений.

Authors:

Cheslav S. Kirvel, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of philosophy, faculty of pedagogy.

kaf_filosof@grsu.by

Olga Ch. Kirvel, PhD (economics), docent; associate professor at the department of international economic relations, faculty of international relations.

kirvel@bsu.by

<https://orcid.org/0000-0002-6655-0908>

IMPERIAL STATE GOVERNANCE AS A FACTOR OF SOCIAL DYNAMICS

Ch. S. KIRVEL^a, O. Ch. KIRVEL^b

^a*Yanka Kupala State University of Grodno, 22 E. Azheshka Street, Grodno 230023, Belarus*

^b*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Corresponding author: O. Ch. Kirvel (kirvel@bsu.by)

The article discloses the essence of the imperial form of government, which can represent an alternative to unipolar globalisation in the process of the historical development of society. An empire is understood as a sovereign state-civilisation, united by language, culture, ideology, specific goal-setting, certain modernisation programmes that are put forward and implemented by the power of the empire-forming people. The empire is interpreted as a form of peoples coexistence and is presented as a stable form of statehood and progress driver. The civilisational role of empires is emphasised and in its modern version, according to the authors, new empires as regional centres of power can be a prototype of the state structure of a multipolar world. The concept of a unipolar world is rejected, which is based on a linear-progressive, stage-by-stage understanding of world history. The authors' concept of a multipolar world is based on a civilisational approach. It is proved that the civilisational role of empires is unthinkable without a unifying imperial form of statehood, fundamental differences between Western colonial and traditional continental empires, in particular the Russian Empire, are considered. In the Western empires with their colonial possessions, there was not only single geographical, but, first of all, a single socio-historical space, united by common values and culture. A promising form of the political structure of a multipolar world can be traditional historical empires of a centralised type or regional new empires, held together by a single territory, having a common cultural and ideological matrix, as well as a supranational unity, retaining their constant properties and features along with the ability to modernise and renew. It is shown that partial globalisation based on regional new empires takes on a new meaning and significance, becomes the key to a deeper understanding of the current situation in the world. In the author's concept of a multipolar world, the new empire, based on a civilisational approach, can become the most effective form of government in the emerging regional centres of power. The concept of regionalisation proposed by the authors seems to be a very promising and fruitful line of scientific investigations.

Keywords: empires; globalisation; social dynamics; colonial maritime empires; traditional continental empires; civilisational approach; regionalisation.

Империя как форма сосуществования народов

Империя – это государственное образование, в рамках которого объединено множество этносов, народов, у которых есть (были) собственная культура, национальная идентичность, а также отдельная территория. Слово «империя» происходит от латинского глагола *imperare* – приказывать, властвовать, повелевать. Империи всегда создавались и утверждались вокруг стержневого этноса – самого мощного, пассионарного, вырвавшегося вперед народа. Такой народ называют империеобразующим. Будучи пассионарным, он, по крайней мере в период становления империи, а часто и позже, был готов идти на любые жертвы ради расширения и укрепления империи, не теряя при этом своей культуры и самоидентификации. Все империи в той или иной форме прибегали к насилию, прежде всего военному. Именно из-за него имперская государственность подверглась наибольшей критике. Однако следует заметить, что насилие – неизбежный попутчик человеческой истории. Насилие, вписанное в объективное развитие истории, столь же органично, как грозы и ливни в круговороте природы, оно «является повивальной бабкой старого общества, когда оно беременно новым» [1, с. 754]. Это атрибутив-

ное свойство любого государства. В реальности не только империи образовывались и развивались посредством насилия и завоевания. Многие национальные государства, как и империи, были созданы путем войн и масштабного насилия. Ч. Тилли, глубоко исследовавший историю становления европейских территориально-национальных образований, определял данный процесс как узаконенный рэкет, так что насилие и завоевания не являются специфической чертой исключительно имперской формы государственности. В этом русле рассуждают и другие авторы. Многие из них считают, что самыми жестокими колонистами в истории были не империи, а демократии: «Тирания была и остается возможной как в империи, так и в национально-гомогенных государствах»¹ [2, р. 11]. В том же ключе высказывается и Д. Ливен: «Наиболее крупные демократические страны, как правило, имели колонии и были беспощадны к небелому населению, которое при таком положении вещей вряд ли могло осознать преимущество демократии» [3, с. 79]. Если империи во время своего образования и расширения обходились без военного насилия, то в дальнейшем их судьбы были связаны с различными формами

¹Перевод наш. – Ч. К., О. К.

искусно осуществляемого легитимного господства и культурного доминирования. При этом следует заметить, что существовали империи, которые не ориентировались на бесконечное завоевание новых территорий, а были нацелены «на сохранение внешнеполитического гомеостаза, региональной гармонии» и строили «свою политику на учении об исторических циклах (вдоха-выдоха, свертывания-развертывания)» [4, с. 19]. Такой империей долгое время был Китай.

В понятии «империя» отражается прежде всего державность. Империям присуща интегральность всех территорий, входящих в ее состав. Она носит наднациональный характер и охватывает, как правило, огромные площади. Практически во всех империях весьма часто имело место стремление создать для подданных общую идеологическую и культурную матрицу, рамку для консолидации разнородного населения. По сути, империя – это суверенное государство-цивилизация, объединенное языком, культурой, имперской идеологией и целеполаганием, а также определенными модернизационными программами, которые выдвигаются и реализуются властью империеобразующего народа. Причем каждая имперская элита стремилась идеологически обосновать, что призвание империи – выполнить некую историческую миссию глобального масштаба. Так, в работе М. Манна написано по этому поводу следующее: «Римляне говорили, что несут завоеванным народам порядок и правосудие, испанцы – слово Божие, британцы – свободную торговлю, французы исполняли *la mission civilisatrice*, а теперь американцы распространяют демократию и свободное предпринимательство» [5, с. 40].

Следует различать колониальные морские империи и традиционные территориальные империи. Первые сочетали в себе национальное государство-метрополию и бесправную эксплуатируемую периферию (например, Великобритания). Чтобы замаскировать явно грабительский характер метрополии по отношению к народам колоний, империи создавали миф о цивилизаторской миссии белого человека. Однако надолго остановить борьбу колонизированных народов за свои права и национальное освобождение этот миф не мог.

В территориальных империях границы между имперским центром и периферией четко не выражены. Все отношения здесь строятся в границах одной территории, не разделенной большими пространствами (океанами, горами, пустынями и т. д.). Центр и периферия могут меняться, перетекать друг в друга. В этих империях эксплуатация населения метрополией может осуществляться даже намного жестче, чем осуществляется эксплуатация населения имперских окраин. Такие территориально протяженные империи, как, например, Российская, Османская, Австро-Венгерская империи, не имели четко очерченных границ внутри своего простран-

ства. Благодаря этому миграционные процессы на имперской территории неизбежно вели к формированию смешанного состава населения, развитию высокоинтегрированной экономики, накоплению исторического опыта взаимодействия и культурного обмена. В связи с этим Г. Мюнклер говорит о том, что история развития, например, Российской империи отмечена использованием и подавлением собственного населения ради экспансионистских целей. Данное явление называли «внутренний колониализм» [6, с. 53]. Российский исследователь А. И. Фурсов, рассуждая на эту тему, отмечает: «Будучи державообразующим народом, несущим имперское бремя, русские не получили за это никакого вознаграждения, не имели никаких привилегий. То есть Россия – это империя наоборот, где русские жители империи – это победители, которые не получают ничего» [7, с. 175–176].

Необходимо иметь в виду еще одно обстоятельство – составной характер имперской элиты. В отличие от элиты национальных государств имперская элита, как правило, многонациональная. Это свойство особенно рельефно обнаружило себя в процессе становления и развития Российской империи.

Цивилизационная роль империй неопределима: все они оставили после себя великие культуры. Мнение о том, что империи – это однозначно негативная структура, только поработощающая и угнетающая другие народы, ошибочно. В действительности же наиболее значимые достижения осуществлялись прежде всего империями, причем цивилизационная миссия империи направлена вовне. Без империй наш мир был бы сплошной провинцией. Империи несли в себе объединяющее начало, способствовали устранению раздробленности и противостояний, развитию просвещения и в целом культуры. В империях представители этнических меньшинств даже из самых глухих провинций могли сделать блестящую карьеру (художественную, научную, деловую, военную и др.), что было просто немыслимо без объединяющей имперской формы государственности.

Хотя империи далеко не всегда обходились без насилия, в то же время они двигали исторический прогресс, создавали наиболее высокие образцы науки, образования, технологии, архитектуры, литературы и философии, строили акведуки, величественные театры и цирки, школы и библиотеки, открывали новые торговые пути и тем самым способствовали преодолению разорванности мира, осуществляли процесс «переплавки» множества малых культур в несколько крупных. Стандартизация мер и весов, система единого права, налаженная городская жизнь – все это достижения империй. Империям было и есть чем гордиться.

В определенные периоды истории империи являлись наиболее удачной и эффективной формой государственности, они нередко создавали такие

условия (матрицу) для входивших в ее состав народов и территорий, которые позволяли им получать значительные преимущества. Российский историк А. Ефремов считает, что если посмотреть на идею империи наивным, дотеоретическим взглядом, то можно заметить, что «доминанту в ней задает даже не идея большого пространства, а идея большого стиля» [7, с. 171]. Те национальные государства, которые делали в своей истории заявку на высокий стиль, обретали очень сильные имперские черты [7, с. 171].

В своем историческом бытии империи выявили чрезвычайное многообразие. Это в значительной степени объясняется тем, что от одной эпохи к другой имперская государственность претерпевала различные мутации и обретала новые черты: «В этом смысле империи убегают от определенности², ускользают от аналитического взгляда, стремящегося зафиксировать их сущность. Попытки дать исчерпывающее описание имперского кода, который был бы применим ко всем случаям имперотворчества, пока провалились» [4, с. 21]. Видимо, неслучайно исследователи, пытаясь дефинировать имперскую форму развития, часто прибегают к различным метафорам, эпитетам, иноназваниям: «политический субконтинент», «суперэтнос», «большая длительность», «культурно-исторический тип», «высокая культура», «мир-система», «сверхдержава», «сверхнарод». Тем не менее в империологии зафиксированы некоторые константы, родовые свойства всеобщего характера, признаки империи, обладающие большой степенью однозначности. Константой империологии выступает «определение империи как соединения многообразия, основанного на искусстве управлять...» [4, с. 22]. Российский автор Ю. Д. Гранин описывает империи «как большие высокоцентрализованные политические государства с открытыми порядками жизни», универсальный характер которых оказывается наиболее эффективной политической формой легитимного сосуществования народов и распространения цивилизации на большое расстояние [8, с. 76–86]. В специальной литературе имеется немало и кратких дефиниций империи: «стратегическое единство многообразия» (К. Шмитт), «дифференцированное управление дифференцированным населением» (Дж. Бурбанк), «масштабная система гетерогенного господства» (М. Бейссингер) и др. В принципе, империя – «это всегда построение метасоциума (мира миров), суть которого отражается во множестве понятий и определений» [4, с. 22, 23].

В целом, как справедливо пишет Ю. Д. Гранин, «на протяжении многих столетий до и после новой эры имперская политическая форма несла в себе позитивный культурно-исторический и социальный смысл, утверждая в “колониях” и “провинциях”

единую для всех государственную политическую идеологию и единые законы совместного проживания миллионов этнически и религиозно разных людей» [8, с. 80]. Далее, однако, автор высказывает мысль, полностью согласиться с которой вряд ли возможно. Он пишет: «Исключение составляли так называемые степные империи (Чингисхана, Тамерлана и др.), милитарное властвование которых над коренными народами не вело ни к какому (экономическому, политическому и культурному) развитию. Их правильно именовать полуварварскими “восточными деспотиями” и отличать от собственно империй» [8, с. 80].

Характеристика степных империй исключительно в негативном ключе представляется авторам данной статьи не совсем адекватной и не в полной мере соответствующей исторической реальности. Если, например, поближе познакомиться с историей Монгольской империи (империи Чингисхана), то вряд ли возможно отрицать, что она оказала огромное влияние не только на социальную динамику общества в период своего существования, но и на последующий ход истории в ряде регионов мира. Так, Монгольская империя значительно воздействовала на характер и направленность развития российской государственности, прежде всего на формирование политического измерения властных отношений. Она выступила образцом твердой и жесткой властной вертикали, ориентированной на объединение огромного пространства страны.

Данным обстоятельством, собственно, и была обусловлена начавшаяся с Ивана III и продолженная Иваном IV (Грозным) интенция на превращение государя Руси во властелина, хозяина. Не следует также исключать значимость влияния Монгольской империи на специфику развития китайской цивилизации. Здесь достаточно отметить, что все маньчжурские императоры, правившие Монголией и Китаем в XVI–XIX вв., были потомками Чингисхана. Но этим влияние Монгольской империи на исторический процесс не ограничивалось. Даже после падения империи потомки рода Чингисхана правили многими народами и государствами вплоть до 1920-х гг.

Не следует также забывать, что Чингисхану удалось создать одну из величайших империй, которая к концу XIII в. вместе со своими вассальными государствами охватила три четверти известного тогда мира. На этой огромной территории был установлен твердый правопорядок, создана развитая, безупречно функционирующая система сообщения и связи, организована курьерская служба. И что особенно удивительно, были обеспечены небывалые, не имеющие аналогов условия безопасности для передвижения людей и грузов. Огромные караваны перемещались по всей территории империи без всякой охраны.

²Здесь и далее курсив наш. – Ч. К., О. К.

Необходимо обратить внимание еще на одну весьма примечательную особенность Монгольской империи – отсутствие в ней власти денег. Деньги в империи были лишь средством облегчения товарообмена. Все несметные богатства и сокровища поступали в казну империи, являлись собственностью государства. Не было банков и ростовщичества. Статус человека в Монгольской империи определялся сословной принадлежностью, местом в военной или гражданской иерархии. Монгольская империя тогда еще не подверглась эконоцентрической мутации, произошедшей в Западной Европе, не испытала на себе воздействия модели развития общества, основанного на принципе получения максимальной прибыли и подчиненного мизантропскому закону самовозрастания капитала, который ни перед чем и ни перед кем не останавливается, подчиняет себе народы, государства, отдельных личностей и даже тех, в чьем лице он персонифицируется. Монгольская империя, к счастью, не столкнулась с денежной, монетарной системой организации жизнедеятельности общества, которая к настоящему времени завела человечество в тупик.

Огромную роль в жизни подданных Монгольской империи играл свод постановлений «Яса» Чингисхана, представляющий собой кодификацию монгольского права, народных обычаев и воззрений. Правила этого свода непреложно соблюдались. В результате такие преступления, как прелюбодеяние, ложь, убийство, грабеж, были крайне редкими. Важно отметить, что все вероисповедания в Монгольской империи уважались в равной мере, предпочтение не отдавалось ни одному из них.

Если повнимательнее присмотреться к организации жизнедеятельности людей в Монгольской империи, то можно обнаружить некоторые элементы социализма, характерные для многих древних цивилизаций Востока, а также для социалистических стран XX в.

Монгольская империя – это проявление силы Востока, имеющей отдаленные последствия даже в современном мире. В нем, хотя и условно, можно усмотреть некоторые аналогии с набирающим силу евразийством. Деспотичность, которая, безусловно, в высокой степени была свойственна степным империям, не отменяет их позитивных достижений.

Однако, несмотря на некоторые дискуссионные моменты в оценке исторической роли степных империй, Ю. Д. Гранину, по мнению авторов настоящей статьи, принадлежит весьма емкая и содержательная характеристика империй в целом. Он, в частности, пишет, что «...в истории Евразии империи выступали наиболее адекватной политической формой цивилизации, были политическим способом существования и распространения разнообразных цивилизационных моделей жизни – форм и институтов политического, экономического, социально-

го и культурно-духовного развития. Их возникновение... оказывалось важным фактором мировой динамики, формируя попеременно меняющиеся центры международного развития: места военного, социально-экономического и культурного доминирования в пределах нескольких географических регионов одной из локальных цивилизаций» [8, с. 80].

Неправы те авторы, которые без особой рефлексии и понимания критикуют империи и обвиняют их во всех грехах, выдвигая при этом различные аргументы. Согласно одним авторам империи возвращают победителей и побежденных, они нежизнеспособны, недолговечны, поскольку невозможно в течение длительного времени управлять разными народами и этносами, их судьба – неизбежное разложение и распад. Другие исследователи считают, что империи игнорируют право народов на самоопределение. Оптимальным и справедливым, с их точки зрения, было бы утверждение следующего принципа: сколько на нашей планете существует народов, столько же должно быть независимых государств. Однако оба эти аргумента несостоятельны.

Процветающая Византийская империя, на территории которой проживала шестая часть мирового населения, просуществовала 1123 года. Византия продемонстрировала миру наиболее грандиозные для своего времени образцы полета человеческого духа, выступила средоточием высокой материальной, духовной и бытовой культуры, достигла небывалых высот в развитии архитектуры, живописи, философии и науки (первый университет был открыт не в Западной Европе, а в Византии). Китайская империя, сменив множество династий и политических модификаций, просуществовала 2100 лет. Китай формально (именно формально) завершил свое имперское бытие в 1912 г. Однако вскоре, позаимствовав у СССР антикапиталистическую идеологию, он вновь стал парадоксальным образом возвращаться на имперский путь. Подобные выводы можно сделать и в отношении Персидской империи: «Просуществовав более 14 веков, от Кира Великого до завоевания мусульманами, Персия и после, уже сквозь Ислам, стала вновь возрождаться в имперских формах и возвращаться к имперской идее, которая демонстрировала жизнь и способность и в XX веке (вплоть до свержения Шаха в 1979 году) и не умерла до сих пор» [4, с. 21]. Римская империя просуществовала 800 лет. Российская империя, которая начала формироваться еще при Иване III, претерпела всевозможные метаморфозы внешних форм государственности, но и сейчас (более 500 лет) сохраняет свою имперскую природу. История Османской империи насчитывает 500 лет, Британской – 150 лет, Австро-Венгерской – 100 лет. Можно привести и другие примеры долгожительства империй.

Очевидно, что империя – весьма стабильная форма государственности, возможно, самая стабильная

из всех форм политической организации общества. Ю. Н. Харари отмечает: «Отвергать все империи и отречься от их наследия – значит отказываться практически от всего, что создано человечеством. Без империй не было бы Цицерона, Сенеки и Августина Блаженного, Тадж-Махал не был бы построен» [9, с. 232]. Можно продолжить и сказать, что без Российской империи не был бы построен Санкт-Петербург. По словам Ю. Н. Харари, «...два с половиной тысячелетия большинство людей были подданными той или иной империи. Как правило, империи с пугающей легкостью подавляли восстания. Разрушить империю может лишь вторжение извне или раскол правящих элит. И наоборот – случаев, когда покоренные народы сами смогли освободиться, не так и много» [9, с. 230–231].

Кроме того, в реальном историческом процессе многие, особенно малочисленные, народы в силу ряда причин не имели возможности сохранить суверенитет и независимость. В подтверждение сказанному достаточно отметить, что почти все народы, получившие весьма высокий уровень развития в СССР, отсоединившись от него, стали деградировать, впали в «смуту», даже в гражданские войны. По всем базовым показателям они оказались в худшем положении, чем при СССР. Некоторые из них (Казахстан, Азербайджан) живут за счет ресурсов, которые были раскрыты и освоены русскими специалистами. Теперь все эти народы усиленно пытаются присоединиться к другим империям или к какому-нибудь крупному государственному объединению. Входить в состав какой-либо империи – это неизбежная судьба малых народов. Так было в прошлом, так происходит и сегодня.

В связи с этим особый интерес вызывают те алгоритмы, культурные матрицы и реалии, которые заложены в основе самых древних империй. В древности нашу планету населяло множество народов, но все они были малочисленны, занимали небольшие площади и были рассеяны территориально. Благодаря империи человеческое многообразие и бесконечная фрагментация мира радикально сократились. «Каток» империи стирал мелкие сообщества и создавал более крупные. Империи помогали, хоть порой и жестокими методами, отсталым народам вырваться из темноты, варварства и дикости.

Первое достоверно известное крупное государственное образование – это Аккадское царство Саргона Великого (ок. 2250 г. до н. э.). За несколько десятков лет Саргон покорил не только все города Месопотамии, но и немалые территории за пределами Междуречья. Позже образовались крупные Ассирийское, Вавилонское и Хеттское государства, которые еще не были полноценными империями, но уже могли рассматриваться именно как предтечи империй, как протоимперии. Настоящей империей можно считать империю персидского царя Кира Великого (550 г. до н. э.).

Кир поднял планку своего крупного государственного образования на качественно новый уровень. Если цари протоимперий считали свои народы выше всех остальных покоренных ими народов, то Кир Великий считал, что он правит всеми покоренными народами ради их блага. Эта идея была абсолютно новой, поразительной и, может быть, даже противоестественной для эволюции гомо сапиенс и в целом для социума той поры. Кир стремился, чтобы все подданные его государства считали благом быть вассалами Персидской империи.

Нечто похожее можно сказать и об империи Цинь. Первый властелин объединенной китайской империи Цинь Шихуанди хвалился, что «...во всех шести направлениях вселенной все принадлежит императору... Всюду, где есть след человека, нет никого, кто бы не стал подданным императора... Его благодетель распространяется даже на быков и лошадей. Нет человека, кому бы это не пошло во благо. Каждый в безопасности под своей кровлей» (цит. по [9, с. 236]). Неудивительно, что в китайской историографии имперские периоды описываются как золотые эпохи порядка и справедливости. Эпохи же раздробленности в Китае рассматриваются как времена хаоса и несправедливости.

Когда в 476 г. Римская империя пала, ранее покоренные ею народы не вышли из ее «чрева» в своем изначальном виде. От их прежних черт ничего не осталось. Потомки этих народов уже говорили на тех языках, почитали тех богов и повторяли те мифы, которые господствовали в Риме, думали и верили, как римляне. При этом не всегда гибель империи приносила свободу ее народам. На опустевшее место вторгалась другая империя.

В Азии более миллиарда китайцев говорят и думают на языке империи Хань. Почти все жители Северной и Южной Америки говорят на одном из имперских языков: английском, испанском, португальском и французском. Даже около 10 миллионов зулусов на юге Африки гордятся славой Зулусской империи XIX в., хотя все они происходят из племен, сражавшихся против нее [9, с. 233].

Перед Первой мировой войной «...империи казались главным и даже очевидным способом организации человечества: могущественные Российская и Германская империи, менее сильные Габсбургская и Османская империи, стоящий на отшибе и находящийся под контролем европейских держав Китай, тоже империя в полном смысле этого слова, наряду с ними – мощные колониальные морские империи Франции и Великобритании, а также менее крупных западноевропейских стран, таких как Бельгия, Португалия и Нидерланды. Бельгия, например, располагала империей, по площади в 80 раз больше ее самой. В свою очередь Британская империя была больше Великобритании в 140 раз» [10, с. 27]. В реальности империи в течение длительного времени

были основной формой политической организации на нашей планете. Империи – это движущий мотор прогресса. За всю историю своего бытия они осуществили своеобразную «переплавку» десятков миллионов этнически и конфессионально разных людей, превратив их в своих подданных

и тем самым создав для них возможность и условия для взаимообогащения различных культур, религий, наук и технологий. Империи осуществляли и будут осуществлять колоссальную цивилизаторскую миссию. В наше время они приобретают новое дыхание.

Однополярная глобализация и мир империй

По окончании Первой мировой войны произошел распад ряда империй (Австро-Венгерской, Российской, Османской и др.). Неожиданный взлет советского проекта после победоносной Октябрьской революции, ориентированной на утверждение кардинально новой модели общественного устройства и формирование универсальных ценностных оснований нового национального и глобального порядка в мире, нанес первый и весьма ощутимый удар по глобальной гегемонии Запада. Образование же после Второй мировой войны социалистического блока и поддерживаемого им антиколониального национально-освободительного движения в многочисленных колониях Запада также внесло лепту в ослабление имперских форм государственности. Перестали существовать Британская, Французская, Португальская, Бельгийская империи. В ходе череды данных переломных событий на Западе сложилась мозаика национально-территориальных государств. Некоторые из них смогли создать объединение под названием «Европейский союз».

Однако реализация европейского проекта не привела к утверждению на нашей планете новой империи в подлинном значении этого слова. Подавляющее большинство исследователей не считают Евросоюз имперским образованием. В действительности он оказался своеобразной квазиимперией, причем весьма неустойчивой и не имеющей шансов быть долговечной, а тем более стать одним из полюсов новой геоструктуры мира.

Но главным результатом указанных и иных трансформационных процессов стало формирование биполярного мира: на авансцену исторического бытия вышли две мощные сверхдержавы – СССР и США. Причислить эти державы к империям вряд ли представляется возможным без ряда оговорок. Справедливую оценку им дает известный российский автор А. И. Фурсов. Он считает, что как Советский Союз, так и США явились «попыткой создать принципиально иной, чем имперский и национально-государственный, тип политики, принципиально иной тип социоэтнической общности – наднациональный, протоголобальный» [7, с. 175]. Обе державы стремились переформатировать мир исключительно по своему образцу. И эти попытки, несмотря на небывалую масштабность держав (СССР и возглавляемого им социалистического блока в конце 1980–90-х гг., а США в настоящее время), провалились.

Тем не менее после развала СССР как глобальной альтернативы капиталистическому мироустройству у элит Запада, а также у многих исследователей и аналитиков утвердилась иллюзорная вера в полную и окончательную (концепт «конец истории») победу Запада, победу неолиберально-рыночной модели во всемирном масштабе. И действительно, человечество, хотя и не на долгое время, вступило в период, который теперь принято называть однополярным моментом.

На нашей планете тогда остался один центр силы во главе с США, олицетворяющий собой интересы и устремления так называемого золотого миллиарда (мирового финансового олигархата). Олигархический интернационал не упустил возможности воспользоваться этой ситуацией и попытался подчинить объективные глобализационные процессы исключительно своим интересам, взять под свой контроль весь мир, создать глобальную гиперсистему, т. е. устремился создать именно однополярный мир. С этой целью США выдвинули глобализационный проект, предусматривающий формирование нового мирового порядка.

Данный период имел ярко выраженную специфику. Если интернационализация и интеграция в течение ряда столетий способствовали взаимосвязям народов и стран, но при этом ни в коей мере не вели к ликвидации национальных государств, то глобализация стала претендовать на деконструкцию территориальных национально-государственных образований. Ее можно охарактеризовать как попытку слома традиционных территориальных, социокультурных и государственных границ, разделяющих народы. По этой причине глобализацию следует рассматривать как новое явление современного мира. Как реальный, а не сугубо теоретический феномен, она могла быть обусловлена двумя факторами:

- возникновением новых (интернет, мобильный телефон, новые виды транспорта и т. д.) и усовершенствованием старых средств коммуникации;
- развалом СССР.

Пока существовал Советский Союз, никакой единый мир на основе неолиберальной рыночной модели не мог сформироваться в принципе. Только тогда, когда появились новые технические средства коммуникации и пал СССР, наступила эпоха американоцентричной глобализации. И сначала реализация глобализационного проекта развернулась довольно успешно. Стали возводиться новые конструкты:

транснациональные структуры и институты, финансовые рынки и коммуникативные сети, концентрирующие в своих руках колоссальные ресурсы. В результате вновь выявленные глобалистские структуры получили возможность с очевидно растущей легкостью подчинять себе национальные правительства, которые, в силу этого, по сути, переставали быть национальными.

Что интересно, выдвинутый США глобализационный проект многим представлялся тогда приемлемым, открывающим новые возможности для более углубленной интеграции мира, решения проблем взаимосвязанности и взаимозависимости его частей. Казалось, что реализация данного проекта позволит объединить усилия всех стран во имя прогрессивного развития человечества, оптимизирует систему управления общепланетарными процессами, смягчит остроту экологических проблем и т. д. Иначе говоря, проект глобализации нес отнюдь не слабый ценностный заряд, энтузиазм и даже реформаторское рвение. Здесь, как это не раз бывало в истории, не обошлось без существенных элементов утопического сознания. В оборот был введен ряд идеологем и концептов: о мире по-американски, об эпохе *Pax Americana*, о XXI в. как об эре доминирования мировой сверхдержавы, о веке США, об их исключительности и мессианской роли в формировании и развитии нового мироустройства. Иными словами, Запад праздновал безоговорочную победу и был уверен в своей исторической миссии с такой степенью непоколебимости, что даже один из его идеологов Ф. Фукуяма выдвинул концепцию о конце истории, согласно которой западноевропейская буржуазно-либеральная модель развития обретет универсальный, всепланетарный характер, безжалостно пресекая иные варианты социокультурного развития человечества.

Все эти трансформационные процессы побуждали исследователей усомниться в перспективе существования империй. Многие авторы стали приводить различные аргументы о невозможности такого прогноза. Доказывалось, что империи ориентированы лишь на насилие, захват ресурсов, эксплуатацию и ограбление народов.

В принципе, «истеричная» критика имперской государственности и эйфория конца истории вполне объяснимы: в однополярном мире не может быть места былому многообразию империй. Такое даже помыслить невозможно. Конец истории вместе с тем означает и конец империй. Однополярность хоронит империи. Что же тогда должно прийти им на смену? Единое мировое сообщество, строительство однополярной всеобъемлющей гиперсистемы, которая неизбежно должна привести не только к деконструкции национально-территориальных государственных образований, но и к финалу истории локальных цивилизаций (культурно-исторических типов), а также всего имперского многообразия

мира посредством полной и окончательной интеграции в единую целостность.

Некоторые исследователи стали характеризовать этот процесс как строительство гиперимперии, или мировой империи. На взгляд авторов настоящей статьи, эти понятия вряд ли применимы к тому типу политики, которую глобалисты пытаются навязать человечеству. В отличие от империй, в большинстве своем выступавших двигателем прогресса, новая глобальная гиперсистема ориентирована на расчеловечивание, а не вочеловечивание. Она нацелена на погружение всего мира в неизвестный ранее тип тоталитаризма, создание общества реализованной антиутопии, общества всеохватывающего надзора. Иначе говоря, верхи глобальной элиты устремятся осуществить проект неоглобализации не для всех, а для немногих, создать новый тип общества завершенного абсолютного тоталитаризма (общество «железной пяты», цифровой неототалитаризм, электронный концлагерь), качественно отличающийся от всех форм еще сохраняющихся капиталистических практик и систем. Подобную модель общественного устройства вполне можно определить как новое рабовладение технотронного характера, управляемого посредством искусственных мер, генноинженерных экспериментов, анонимных сетевых структур и т. д. В обществе должен быть достигнут контроль над всеми планетарными ресурсами и богатствами крайне узкой группой людей. Такая модель общественного устройства несовместима с имперской формой развития. Не по причине ли того, что империи по своей сущности являются жесткой альтернативой однополярности и выступают основой цветущего разнообразия в развитии человеческой цивилизации, они так тенденциозно и злобно подвергаются критике со стороны глобалистов? Для них добрая память об империях и тем более о возможности их грядущего возрождения в принципе недопустимы.

Правда, в специальной литературе имеет место и другой, менее агрессивный мотив критики империи, суть которого заключается в том, что имперская государственность попросту устарела и необратимо уходит в прошлое, становится несовместимой с овладевшими нашим миром идеологией и психологией потребительства, ориентацией населения многих стран на гедонизм, комфорт и т. д. Наиболее последовательно и системно такие аргументы приводятся в статье П. Б. Салина «Имперскость 2.0?». Автор полагает, что в результате стремительного процесса урбанизации среднестатистический горожанин «становится классически и потребительски настроенным буржуа, который ставит свои узкие жизненные приоритеты (не обязательно свои личные, это может быть семья или локальная общность) выше абстрактных геополитических интересов, от внешней политики ожидает прежде всего конкретной экономической отдачи» [11, с. 78–79]. Согласно

ему «...гражданин-горожанин желает получить рациональное объяснение тому, ради каких целей он должен мобилизоваться и, самое главное, *жертвовать*. Именно готовность народа к жертвенности ради абстрактных идеалов является залогом получения властью мандата на проведение классической имперской политики» [11, с. 79]. Далее П. Б. Салин отмечает: «Империя строится на четком территориальном принципе, а мир в силу развития технологий крайне взаимосвязан, причем связи эти все больше развиваются вне традиционных сфер компетенции современного государства. Мировое коммуникационное пространство представляет собой платформу для общения всех со всеми, что становится возможным благодаря развитию технологий, прежде всего интернета» [12, с. 80].

Однако очень многие авторы высказывают мнение о том, что в современных условиях существование империй необходимо и неизбежно. Так, в том же номере журнала, в котором опубликовал свою статью П. Б. Салин, другой автор, С. А. Караганов, утверждает следующее: «Поразительно по своей неадекватности отрицание империализма и империй... Мы, остальной мир, должны следовать в фарватере этого лицемерия? А может быть империи не только есть, но и будут? И даже за ними будущее?» [12, с. 65].

Действительно, последние 10–15 лет вектор публикационной активности начал менять направление: появляется все больше изданий, в которых исследователи от рассуждения о неизбежном имперском реванше переходят к констатации неустрашимости в современном мире имперской формы развития (империестроительства). На деле все прежние и нынешние пересуды о смерти империй, которых до сих пор немало в научной и околону научной литературе, оказались ничтожными перед исторической реальностью.

А как может быть иначе? Фактом является то, что создать единое мировое сообщество не получилось. Мир никак не соединяется в нечто универсальное. Напротив, сегодня он разделяется прямо на глазах.

Дело в том, что по мере воплощения глобализационного проекта в жизнь стало обнаруживаться некое не замечаемое ранее коварство мировой элиты, скрытые от поверхностного наблюдения установки и конечные цели глобалистских структур, которые явно не соответствовали первоначальным ожиданиям не только нейтрально настроенных в отношении глобализации ученых и политиков, но и ее апологетов. Стало очевидным, что США вовсе не стремятся осуществить подлинную интеграцию человечества, действовать во имя достижения высших целей, а напротив, поставили перед собой задачу превращения всех стран и народов в объекты подчинения. На мировой арене стал раскручиваться «маховик» произвола и вседозволенности, сопряженных с навязыванием народам мира с их уникальными

культурами и традициями единой стратегии развития. Причем глобализация вводилась с помощью механизма политического давления, прямых действий правительства или через деятельность Международного валютного фонда, Всемирного банка, Всемирной торговой организации и ряда теневых структур. Эти решения принимались в целях унификации всех национальных экономик вокруг набора одинаковых правил игры, обеспечивающих выгодные условия для стран – лидеров глобализации. Если же на международной арене появлялись лидеры, проводящие независимую национальную политику и выражающие глубинные интересы своих народов, то на них сразу же открывалась охота, оказывалось беспрецедентное давление, принимающее самые разнообразные формы вплоть до физического устранения (С. Милошевич, С. Хусейн, М. Каддафи).

В результате проект глобализации, в начале 1990-х гг. воспринимавшийся многими как идеализированный образ должного и желаемого, несущий утопическое вдохновение, начал трансформироваться в нечто противоположное, неприемлемое и неожиданное, грозящее новыми рисками и катаклизмами. Столкнувшись с действительностью, данный проект стал быстро обнаруживать явные черты антиутопии. Произошла весьма интересная метаморфоза – превращение позитивной утопии в негативную, а именно в антиутопию.

В реальности мир сущностно разнообразен и цивилизационно дифференцирован. Различным локальным цивилизациям, их культурным кодам, запечатленным в языке, традициях, обычаях, нравах, религиозных верованиях, литературе, фольклоре, соответствуют различные типы социокультурного развития. Все цивилизации отличаются системами ценностей, восприятием природы, труда, богатства, собственности, а также пониманием обязанностей человека по отношению к семье, детям, общине. Они породили особые понятия чести и долга, наполнили разным содержанием категории свободы, прав, дали свое толкование власти, государства, движущих сил истории и т. д.

За концептом «единое мировое сообщество» скрываются острое противоречие и парадокс современного мира: чем сильнее воздействие глобализации (финансовой, информационно-технологической, социокультурной), направленной на унификацию национальных различий, тем интенсивнее подъем этнического самосознания, тем острее ностальгия по конкретному, локальному, местному. Иначе говоря, по мере своего развертывания глобализационные процессы стимулируют нарастание дифференциации человечества. «Взрыв этничности» есть выражение скрытой глубинной антинормальности глобализации как феномена современности.

Сущность глобального парадокса состоит в том, что наш мир продолжает оставаться трагически не единым. Впрочем, сама идея установления однополярного

мира противоречит логике социального, базирующегося, как и все живое, на законе разнообразия. Ни глобальный характер современных информационных технологий, ни интернет, ни скоростной транспорт не в состоянии обеспечить единство мира, преодолеть его разорванность и противоречивость. В реальной жизни процесс становления нового мироустройства имеет тенденцию не только к интеграции, но и к дезинтеграции, формированию новых и весьма жестких разделительных линий.

Некоторые авторы утверждают, что хваленая глобализация лишь на одну треть реальна, а на две трети виртуальна [13, с. 243]. И действительно, при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что для успешного функционирования хозяйственных структур не обязательно нужен весь мир.

Заблуждение приверженцев однополярного мира заключается в том, что они исходят из линейно-прогрессистского, стадийного понимания всемирной истории. При таком понимании движения мирового социума концепция однополярной, причем американоцентричной, глобализации (и вестернизации) неизбежно начинает рассматриваться как единственно

верная и адекватная. Поскольку согласно идее сторонников данной концепции коллективный Запад находится на вершине общественного прогресса, современность должна интерпретироваться не как открытое множество «модернов», а исключительно в единственном числе, как западная современность, а исторический процесс должен трактоваться как движение в единственное для всех общечеловеческое будущее. Будущее, в котором с точки зрения линейной футурологии государствам и народам иной цивилизационной принадлежности просто нет места. Для того чтобы попасть туда, им надо, утратив цивилизационную идентичность, вестернизироваться. Дискуссионность и ограниченность такой «теоретической оптики» очевидна [8, с. 79]. На данном понимании исторического процесса базировалось представление Ф. Фукуямы о предрешенном конце истории.

Большой наивностью было предполагать, что развал СССР откроет перспективу вечной гегемонии и господства Запада во главе с США. То, что происходит сегодня, является началом бесповоротного конца однополярного мира, в котором мы жили совсем непродолжительное время после падения СССР.

На пути к региональным новоимпериям

Однополярный мир не состоялся. Западноцентрическое мироустройство вызывает у человечества все большее отторжение. Однако торможение в формировании однополярного мира не означает, что национальные государства, особенно небольшие, в полной мере сохранили суверенитет. Дело в том, что глобализация не остановилась. Несмотря на все разговоры о конце глобализации, она продолжается. Просто наблюдается другая глобализация, а именно инверсия. Сегодня глобализация приобретает региональный характер. Рельефно обнаруживает себя тенденция к формированию региональных центров развития и силы, объединений панрегионов, макрорегионов. Процессы интеграции все в большей степени начинают протекать не на глобальном уровне, а на континентальных и субконтинентальных пространствах, в географических регионах, населенных, как правило, родственными в культурном и цивилизационном отношении народами. Так, бывший премьер-министр Бельгии Ги Верхофстадт утверждает: «Совершенно очевидно, что однополярное мироустройство доказало свою неэффективность и нежелательность. Так что, нравится нам это или нет, мы в каком-то смысле возвращаемся к региональным империям и вступаем в новый век» [14, с. 27]. Причем он отмечает, что под термином «империя» он понимает «...политико-экономическое образование, состоящее, возможно, из многих государств и народов, объединенное общими структурами и современными институтами... В этом новом мировом порядке важная роль отводится многообразию империй и цивилизаций,

а не доминированию какой-то одной цивилизации» [14, с. 28]. Таким образом, Ги Верхофстадт ведет речь о становлении политических организаций нового толка, которые созданы открытыми и свободными обществами, конкурирующими друг с другом на глобальном уровне, при этом каждая держава сохраняет свои региональные корни [14, с. 28]. Все это, с его точки зрения, свидетельствует о радикальном сдвиге в международных отношениях и бесповоротном конце однополярного мира, в котором мы жили после развала СССР [14, с. 24].

Рассуждения Ги Верхофстадта весьма симптоматичны. Сегодня в условиях регионализации мира у имперского проекта и строительства открывается второе дыхание. Наступает эпоха ренессанса империй. В самом деле, для региональных образований, которые включают в свой состав немалое количество народов и государств, наиболее оптимальной формой государственности будет именно имперская. Территориально-национальные государства, похоже, будут преобразованы в более универсальном ключе. Например, общее будущее республик бывшего СССР, если оно когда-либо станет возможным, непременно будет реализовано в виде интеграционного имперского проекта, выходящего за рамки обычных наций-государств.

В современных условиях регионализация мира становится доминирующим фактором развития. Дело в том, что процесс глобальных трансформаций поставил множество стран в крайне затруднительное положение. Прежде всего был запущен в действие «дьявольский насос» (выражение академика

Н. Н. Моисеева), позволяющий странам с производительностью труда выше среднемирового уровня выкачивать из стран с производительностью труда ниже среднемирового уровня ресурсы, включая интеллектуальные (человеческие). В результате между населением развитых и отстающих стран с угрожающей скоростью стала нарастать дифференциация по уровню доходов. На практике это обернулось интенсивным ростом количества «несостоявшихся» государств, обнищавших народов безо всякой перспективы развития. Статистика по данному вопросу ужасающая. Большинство национальных государств слишком маленькие, они не имеют достаточно сил, чтобы влиять на события в нашем турбулентном мире.

Кроме того, в современных условиях в виду ограниченности ресурсов ужесточается конкуренция по всем направлениям. В этой ситуации подавляющее большинство государств, прежде всего небольших, могут сохранить самость и субъектность только в союзе с другими, только объединившись с каким-либо региональным государством-гигантом, крупным государством-цивилизацией посредством создания коалиции, позволяющей более успешно противостоять давлению глобальных монополий и другим опасностям. В рамках региональных объединений в силу снижения остроты конкуренции могут развиваться и менее эффективные общества.

Как известно, каждому действию равно противодействие. Государства и народы мира обладают инстинктом самосохранения. Сегодня его проявлением стал переход от глобализации к регионализации.

Регионализацию можно рассматривать как реакцию стран на вызовы глобализации, способ ограничить ее негативное влияние на национальную экономику посредством установления внутрирегиональных предпочтений, внешних барьеров и коллективного протекционизма. Шведский политолог Б. Хеттне пишет: «Регионализм – один из способов справиться с глобальной трансформацией, поскольку большинству стран недостает сил и средств для того, чтобы одолеть такие проблемы на национальном уровне» (цит. по [15, с. 5]). Его мнение разделяет всемирно известный автор теории постиндустриального общества Д. Белл: «Регионы – вот те политические, социальные и культурные единицы, из которых будет строиться мир XXI века» [16, с. 6].

Цивилизационное многообразие, политическая многовариантность – это тенденции глобального характера, которые невозможно остановить. Следовательно, геополитические стратегии многих государств будут ориентированы на создание региональных центров силы, союзов, которые позволят им обеспечивать более безопасные условия выживания в период смены парадигм в развитии мирового социума.

Основной и наиболее сложной проблемой в этом процессе является проблема формирования региональной идентичности. Государства, вступающие в региональные объединения, не отрицая и сохраняя свою национальную идентичность, не могут вместе с тем не формировать своеобразное сверхнациональное единство (суперэтнос). Сверхнациональное единство – сущностная черта региональной идентичности. В качестве модели наднационального объединения регион имеет возможность стать одним из мощных полюсов мира, демонстрировать при этом эффективность своей «связки». Данная региональная идентичность может служить одним из важнейших факторов становления и развития культурно-исторической и социально-территориальной общности. В этом случае региональное пространство будет не только выступать конструируемым, рукотворным феноменом, но и создавать свою идентичность, формировать само себя. Следует учитывать то обстоятельство, что процесс создания региональной идентичности будет иметь длительную историю, проходить различные этапы и в то же время будет зависеть от избранной стратегии развития.

В целом вместо установления глобализированного мира можно прогнозировать интенсивный процесс формирования региональных новоимперий (регионов-империй), которые, как наиболее желательный вариант, вступят в сотрудничество во всех ключевых областях. Неудивительно, что американский исследователь Д. Лал в книге «Похвала империи: глобализация и порядок» утверждает: «...большая часть когда-либо живших на свете людей жила внутри империй, которые посредством своего Рах обеспечивали минимальный порядок, необходимый для существования какой-либо общественной жизни. <...> В этом смысле анархичная система европейских национальных государств, возникшая после краха Римской империи, была исключением» [17, с. 80, 88].

Другой автор, Ч. Тилли, предсказывает наступление новой имперской эпохи. Он пишет: «Возможно, век спустя консолидированные государства будут казаться эфемерными образованиями, в то время как именно империи – исторически доминирующей формой политической организации во всем мире» [18, с. 220].

Как ни странно может показаться на первый взгляд, мы живем в тот исторический период, когда идея империи приобретает большую актуальность, становится объектом полемики, многочисленных исследований, нередко подвергающих глубокому критическому анализу прежние интерпретации роли и места империй в движении мирового социума. Известные авторы Дж. Бербэнк и Ф. Купер подчеркивают: «Несмотря на все усилия, словами ли, войнами ли, поставить национальную единицу в центр политического воображения, имперская

политика, имперские порядки и имперская культура смоделировали мир, в котором мы живем. <...> Поразительная жизнестойкость империй ставит под сомнение ту точку зрения, что национальные государства – явления естественные, необходимые и неизбежные» [19, с. 5–7].

Таким образом, история взаимодействия национально-территориальных и имперских форм политической организации современного общества далека от завершения. Более того, уже с момента зарождения наиболее успешные нации-государства стремились использовать имперские политические формы мобилизации ресурсов, обеспечивающих возможность поддерживать консолидацию национального сообщества [20, с. 140].

Следует, однако, подчеркнуть, что в целом глобализация оказалась весьма «строптивой дамой», сложным, неоднозначным, порой весьма трудно уловимым феноменом. В ходе недолговременного развертывания в ней был выявлен целый ряд противоречий и парадоксов фундаментального характера.

История любит сюрпризы. Глобализация существенно расширила возможность экспансии Запада, обеспечила ему большое преимущество, позволила богатым странам богатеть, а бедные страны ввергла в еще большую нищету. Но, как ни странно, она стала действовать против самих западных стран, постепенно создавая условия для экономического и технологического прорыва и стремительного восхождения наиболее продвинутых развивающихся незападных государств. К настоящему моменту выявился ряд крупных независимых стран, которые, несмотря на свое прошлое и даже нынешнее отставание от государств – лидеров глобализации, быстро создают предпосылки для перехода на более высокую ступень мировой иерархии и начинают активно воздействовать на процесс формирования нового миропорядка, новой геоструктуры мира. Иначе говоря, глобализация стала трамплином, с помощью которого многие незападные страны смогли не просто бросить вызов развитому миру, но и претендовать на первые роли в экономике и, соответственно, политике. Таким образом, реализовать глобализационный проект не удалось. Развитие современного мира пошло иным путем, а глобализационный проект, ориентированный на однополярность мира, оказался очередной эпохальной иллюзией. У Запада появились мощные конкуренты.

Растущие незападные центры силы стали не только «уверенно отвергать свою неполноценность (историческую, культурную, этническую, технологическую и т. д.), которую пытались им приписать пропитанные культуртрегерством ориенталистика и антропология, но и ставить под сомнение саму релевантность западного мейнстрима общественных наук, который как мутное и кривое зеркало способен выдавать в своих

схоластических интеллектуальных настроениях только отклоняющиеся отражения западных обществ» [21, с. 116]. Трансформация функций, форм и специфики национально-государственных образований в условиях набирающей силы регионализации мира выявила новый феномен – позиционирование некоторыми незападными лидерами своих держав как государств-цивилизаций. Можно даже утверждать, что цивилизационный подход становится новым самоопределением крупнейших держав мира.

Такие страны-гиганты, как Индия, Китай, Россия, имеющие длительную историю и глубокие культурные традиции, успешно преодолевшие комплекс периферийности, к настоящему времени вступили на весьма результативный динамический путь развития и тем самым сорвали план глобализации (вестернизации) и на практике показали невозможность утверждения однополярной гегемонии. Превратившись в альтернативные коллективному Западу центры развития и силы, данные страны поставили свою культуру и идентичность в центр как внутренней, так и внешней политики. Выступив против попыток рассматривать модель развития Запада как универсальную для всего человечества, эти государства перестали определять свою специфику лишь через этнические или территориальные характеристики, они позиционируют себя в качестве уникальных цивилизаций, выходящих за национальные границы, как своеобразные суперэтноты. Именно в качестве модели наднационального объединения регион имеет возможность стать одним из полюсов мира. Причем мир регионов вполне может трансформироваться в мир империй.

Следует отметить, что цивилизационная дифференциация человечества обусловлена прежде всего спецификой регионально-социоприродного ландшафта, а также религией. Государственные образования, которые развиваются в каком-либо географическом регионе, выступают, как правило, основой для становления новых локальных цивилизаций и империй. Иначе говоря, в ходе исторического развития между государствами того или иного региона, цивилизациями и империями складываются определенная диалектическая взаимосвязь и взаимозависимость.

Таким образом, подъем государств-цивилизаций как новой политической организации не просто меняет сложившийся после окончания холодной войны геополитический ландшафт, но и поворачивает наш мир от либерального универсализма к культурной уникальности, от моноцентризма к полицентризму, т. е. к утверждению региональных центров силы.

Следует подчеркнуть, что регионализация на основе цивилизационного подхода может стать весьма перспективным направлением научных исследований. Здесь необходимо отдавать себе отчет в том,

что цивилизации представляют собой долгосрочные социальные образования. Это «глыбы», которые имеют устойчивую тенденцию сохранять свою уникальность и при всех исторических метаморфозах сопротивляться превращению уникального в универсальное, растворению своего в чужом.

Русский исследователь Д. Володихин считает, что империи являются наиболее адекватным политическим оформлением пространства цивилизации. Могут быть и другие оформления, но они в меньшей степени обеспечивают жизнеспособность цивилизации. Устойчивая цивилизационная культура в подавляющем большинстве случаев представляется имперской. Значит, «имперское устройство государства можно дефинировать в зависимости от того, является оно государством-цивилизацией или нет» [7, с. 158]. Цивилизации можно рассматривать как своеобразные долгосрочные и устойчивые социальные субъекты. Они настолько особенны, что «в процессе взаимодействия фактически устойчиво сохраняют свою особость без сползания к изоляционизму: сама суть цивилизации представляет, что она не склонна поддаваться цивилизационному влиянию других и устойчива к культурной диффузии при взаимодействии с другими» [22, с. 21].

Примерно в таком же ключе рассуждает и российский автор В. В. Аверьянов, когда акцентирует внимание на том, что империя может трактоваться как политический псевдоним самостоятельной цивилизации или «...быть неким уточняющим указанием на политический аспект самостоятельной цивилизации. Иногда уместно говорить об империи как о политическом лице цивилизации в стадии ее полноценного раскрытия» [23, с. 184]. Империю, по мнению В. В. Аверьянова, следует понимать как переименование цивилизации. Имея в виду это обстоятельство, некоторые исследователи справедливо предпочитают говорить не о локальных цивилизациях, а о «цивилизационно-имперских системах» [8, с. 83].

Однако не следует путать имперские государственные образования с глобализацией как таковой. Ни одна империя никогда не охватывала весь земной шар и, похоже, никогда не будет его охватывать. Империи – это своеобразные интеграционные блоки, региональные объединения, крупные государства-цивилизации. Они не глобальны, а цивилизационно-локальны. Имеющийся исторический опыт говорит не в пользу возможности реализации имперского проекта для всего человечества. Локальные цивилизации, если не допускать мысли о насильственном уничтожении какой-либо одной цивилизацией всех остальных, не могут сами по себе, добровольно, естественно, эволюционно конвертироваться, интегрироваться, ассимилироваться, глобализироваться в единую мировую цивилизацию. Если уж и рассуждать о глобализации в связи

с процессом формирования и развития имперской государственности, имперского строительства, то можно говорить лишь о цивилизационно-локальной глобализации. Имперская государственность несовместима с глобализацией. Она сама представляет собой частную глобализацию, «поэтому имперские проекты не могут не противоречить той глобализации, которая является по отношению к ним внешней» [23, с. 184].

Определение империи как частной глобализации представляется вполне оправданным. Империи, создавая наднациональную и надэтническую культуру, открывают новые возможности для ряда национальных государств, которые слишком малы для того, чтобы влиять на события в мире, и поэтому остро нуждаются в защите. Не интегрированные на регионально-имперском уровне народы могут оказаться, особенно если учесть нарастающую турбулентность современного социума, на «обочине» мирового развития. Можно утверждать, что частная региональная имперская глобализация приобретает новый смысл и значение, становится ключом к более углубленному пониманию современной ситуации в мире.

Размышляя о тенденции формирования многополярного мира, имеет смысл вспомнить о том, что первооткрывателем цивилизационного подхода к истории человечества выступил выдающийся русский мыслитель Н. Я. Данилевский. Его учение о культурно-исторических типах явилось крупнейшим научным открытием, нанесшим сильнейший удар по линейно-прогрессистскому, стадийному пониманию всемирной истории, концепциям развития так называемого мирового сообщества, которых и сейчас придерживаются многие западные политики и исследователи. Культурно-исторические типы – это и есть полюсы мира, составляющие многополярность, и, возможно, сегодня «...из-под глыб глобалистского либерального диктата, который был навязан миру американской гегемонией, выйдут прекрасные цветы – цветы будущего XXI века, в котором все цивилизации будут играть равную роль» [24]. У каждого из этих полюсов будет свое будущее. И оно должно быть основано на взаимоважании. В этом заключается суть многополярного мира, за который сейчас Россия сражается на полях Украины. Сражается не с украинским народом и даже не с Украиной, а со всем западным меньшинством, с блоком НАТО [24].

Итак, авторы настоящей статьи смеют утверждать, что предрекаемый многими исследователями и политиками конец всех империй не наступил. Если уж и вести речь о смерти империй, то в наше время она будет справедливой лишь применительно к морским колониальным империям Нового времени. Империи Запада действительно продемонстрировали свою недолговечность и оказались несостоятельными. Фактически это были «империи первоначального

накопления, глобального мародерства, империалистического грабежа, привязанные к этой эпохе и исчерпывающие в ней свой потенциал» [4, с. 28]. Они явили собой «вырожденческую, неполноценную ветвь в семье мировых империй» [4, с. 27].

Колониальные морские империи, которые как грибы после дождя стали возникать после географических открытий Христофора Колумба, Америго Веспуччи, Фернана Магеллана и других мореплавателей, развернули систематический грабёж по всему миру. Анализируя подробные данные о налогах и торговле за 173 года, группа европейских и американских ученых пришла к выводу о том, что Великобритания в 1765–1938 гг. вывезла из Индии около 45 трлн долл. США (по ценам середины 2000-х гг.), причем это скорее заниженная сумма. Бельгийский монарх Леопольд II в течение 23 лет (1885–1908) был правителем Конго и организовал там тотальный перманентный геноцид. Погибло более 10 млн африканцев. Согласно установленным Леопольдом II правилам людям «за нерадивость» отрубали руки и гениталии, забивали их до смерти, заставляли голодать, требовали выкуп за детей, показательно сжигали деревни [25].

Ограбление Западом других народов продолжается, правда в более замаскированных формах. Специфика и механизм этого феномена с исчерпывающей доказательностью раскрыт многими экономистами.

Следует заострить внимание: между западными колониальными и континентальными империями

существуют различия фундаментального характера. В западных империях с их колониальными владениями не существовало не только единого географического, но и в первую очередь социально-исторического пространства, объединенного ценностями и культурой. Они были разорваны. В России же в одном большом пространстве у всех этносов была одна большая судьба. В пределах Российской империи жизнедеятельность народов регулировалась посредством сохранения их культурных особенностей и перманентного взаимопроникновения и взаимодействия, что в итоге вело к формированию и утверждению органичного единства, можно даже сказать, всеединства соборного типа. Можно сделать вывод, что вряд ли понятие «империя» в подлинном смысле этого слова применимо к западным империям. Их следует квалифицировать скорее как государства-нации, колонизировавшие далекие заморские территории, не связанные с метрополией цивилизационно и культурно.

В будущем существование такого грабительского характера империй авторам данной статьи представляется невозможным. А вот традиционные исторические империи централизованного типа, скрепленные единой территорией, обладающие общей культурной и идеологической матрицей, а также сверхнациональным единством, модернизируясь и обновляясь, но при этом сохраняя свои константные свойства и признаки, имеют перспективы развития.

Библиографические ссылки

1. Маркс К. *Капитал. Том 1*. Степанов-Скворцов ИИ, переводчик. Москва: Госполитиздат; 1952. 797 с.
2. Burbank J, Cooper F. *Empires in world history: power and the politics of difference*. Princeton: Princeton University Press; 2010. 528 p.
3. Ливен Д. Разные судьбы послеимперских метрополий. В: Клямкин ИМ, редактор. *После империи*. Москва: Фонд «Либеральная миссия»; 2007. с. 76–79.
4. Аверьянов ВВ, Елисеев АВ, Калашников МА. *Всплывающая империя*. Москва: Наше завтра; 2022. 274 с.
5. Манн М. *Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А. Холлом*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2014. 208 с.
6. Мюнклер Г. *Империи. Логика господства над миром. От Древнего Рима до США*. Ланник ИВ, переводчик. Москва: Кучково поле; 2015. 398 с.
7. Сергеев С, Ремизов М, Соловей В, Цымбурский В, Куренной В, Межуев Б и др. Россия: национальное государство или империя? *Круглый стол журнала «Москва»*. Москва. 2008;5:155–180.
8. Гранин ЮД. Бесконечная имперскость России. *Цивилизационное измерение. Вопросы философии*. 2022;9:76–86. DOI: 10.21146/0042-8744-2022-9-76-86.
9. Харари ЮН. *Sapiens. Краткая история человечества*. Москва: Синдбад; 2018. 496 с.
10. Ачкасов ВА. *Российская дилемма: империя или нация-государство*. Москва: Юрайт; 2019. 373 с.
11. Салин ПБ. Имперскость 2.0? *Россия в глобальной политике* [Интернет]. 2019 [процитировано 15 июля 2023 г.]; 17(2). Доступно по: <https://globalaffairs.ru/articles/imperskost-2-0/>.
12. Караганов СА. Предсказание будущего? Как самообман подменил серьезный анализ. *Россия в глобальной политике* [Интернет]. 2019 [процитировано 15 июля 2023 г.]; 17(2). Доступно по: <https://globalaffairs.ru/articles/predskazuemoe-budushhee/>. DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-2-60-74.
13. Степанянц МТ. Поликультурность: глобальный и российский аспекты. В: Степин ВС, Гусейнов АА, редакторы. *Диалог культур в глобальном мире: мировоззренческие аспекты*. Москва: Наука; 2005. с. 241–294.
14. Верхофстадт Г. Три выхода для Европы. *Россия в глобальной политике* [Интернет]. 2009 [процитировано 15 июля 2023 г.]; 7(1). Доступно по: <https://globalaffairs.ru/articles/tri-vyhoda-dlya-evropy/>.
15. Шишков ЮВ. Регионализация и глобализация мировой экономики: альтернатива или взаимодействие? *Мировая экономика и международные отношения*. 2008;8:3–20. DOI: 10.20542/0131-2227-2008-8-3-20.

16. Белл Д. Эпоха разобщенности. *Свободная мысль – XXI*. 2006;6:5–16.
17. Лал Д. *Похвала империи: глобализация и порядок*. Москва: Новое издательство; 2010. 361 с.
18. Тилли Ч. Как умирают империи. *Политическая наука*. 2013;3:216–229.
19. Бербэнк Дж, Купер Ф. *Взлет и падение великих империй*. Лазуткина О, редактор; Матвеева ЕВ, Буторов АВ, переводчики. Москва: АСТ; 2015. 528 с.
20. Лапкин ВВ. Социально-политическая динамика эпохи глобального кризиса: бэкграунд. *Полис. Политические исследования*. 2022;32(6):135–150. DOI: 10.17976/jpps/2022.06.10.
21. Мартыанов ВС. В поисках другого мейнстрима. *Полис. Политические исследования*. 2021;30(4):112–131. DOI: 10.17976/jpps/2021.04.09.
22. Сафранчук ИА, Лукьянов ФА. Современный мировой порядок: адаптация авторов к структурным реалиям. *Полис. Политические исследования*. 2021;30(4):14–25. DOI: 10.17976/jpps/2021.04.03.
23. Аверьянов ВВ. Империя и воля. *Москва*. 2012;1:180–193.
24. Малофеев КВ. Глобальный либерализм умер. *Завтра* [Интернет]. 2023 [процитировано 15 июля 2023 г.];18(1530). Доступно по: <https://zavtra.ru/archive/2023/5/1530/>.
25. Сорокин Н. Самобытная Россия. О новой Концепции внешней политики нашей страны. *Завтра* [Интернет]. 2023 [процитировано 15 июля 2023 г.];13(1525). Доступно по: https://zavtra.ru/blogs/samobitnaya_rossiya.

References

1. Marks K. *Kapital. Tom 1* [Kapital. Volume 1]. Stepanov-Skvortsov II, translator. Moscow: Gospolitizdat; 1952. Russian.
2. Burbank J, Cooper F. *Empires in world history: power and the politics of difference*. Princeton: Princeton University Press; 2010. 528 p.
3. Liven D. [Different fates of post-imperial metropolises]. In: Klyamkin IM, editor. *Posle imperii* [After the empire]. Moscow: Fond «Liberal'naya missiya»; 2007. p. 76–79. Russian.
4. Aver'yanov VV, Eliseev AV, Kalashnikov MA. *Vsplyvayushchaya imperiya* [Surfacing empire]. Moscow: Nashe zavtra; 2022. 274 p. Russian.
5. Mann M. *Power in the 21st century. Conversations with John A. Hall*. Cambridge: Polity Press; 2011. 180 p.
Russian edition: Mann M. *Vlast' v XXI stoletii: besedy s Dzhonom A. Khollom*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2014. 208 p.
6. Münkler H. *Imperien. Die Logik der Weltherrschaft – vom Alten Rom bis zu den Vereinigten Staaten*. Berlin: Rowohlt; 2005. 332 S.
Russian edition: Münkler H. *Imperii. Logika gosподstva nad mirom. Ot Drevnego Rima do SShA*. Lannik IV, translator. Moscow: Kuchkovo pole; 2015. 398 p.
7. Sergeev S, Remizov M, Solovei V, Tsyburskii V, Kurennoi V, Mezhuiev B, et. al. [Russia: nation state or empire? Round table of the magazine «Moscow»]. *Moskva*. 2008;5:155–180. Russian.
8. Granin YuD. The endless imperialism of Russia. The civilizational dimension. *Voprosy filosofii*. 2022;9:76–86. Russian. DOI: 10.21146/0042-8744-2022-9-76-86.
9. Harari YuN. *Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva*. Moscow: Sindbad; 2018. 496 p. Russian.
10. Achkasov VA. *Rossiiskaya dilemma: imperiya ili natsiya-gosudarstvo* [Russian dilemma: empire or nation-state]. Moscow: Yurait; 2019. 373 p. Russian.
11. Salin PB. [Imperial 2.0?] *Russia in Global Affairs* [Internet]. 2019 [cited 2023 July 15];17(2). Available from: <https://globalaffairs.ru/articles/imperskost-2-0/>. Russian.
12. Karaganov SA. A predictable future? How self-deception replaced profound analysis. *Russia in Global Affairs* [Internet]. 2019 [cited 2023 July 15];17(2). Available from: <https://globalaffairs.ru/articles/predskazuemoe-budushhee/>. Russian. DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-2-60-74.
13. Stepanyants MT. [Multiculturalism: global and Russian aspects]. In: Stepin VS, Guseinov AA, editors. *Dialog kul'tur v global'nom mire: mirovozzrencheskie aspekty* [Dialogue of cultures in the global world: ideological aspects]. Moscow: Nauka; 2010. p. 241–294. Russian.
14. Verkhofstadt G. [Three exits for Europe]. *Russia in Global Affairs* [Internet]. 2009 [cited 2023 July 15];7(1). Available from: <https://globalaffairs.ru/articles/tri-vyhoda-dlya-evropy/>. Russian.
15. Shishkov YuV. Regionalization and globalization of the world economy: alternative or interaction? *World Economy and International Relations*. 2008;8:3–20. Russian. DOI: 10.20542/0131-2227-2008-8-3-20.
16. Bell D. [The era of disunity]. *Svobodnaya mysl' – XXI*. 2006;6:5–16. Russian.
17. Lal D. *In praise of empires. Globalization and order*. New York: Palgrave; 270 p.
Russian edition: Lal D. *Pokhvata imperii: globalizatsiya i poryadok*. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2010. 361 p.
18. Tilli Ch. [How empires end]. *Political Science*. 2013;3:216–229. Russian.
19. Burbank J, Cooper F. *Empires in world history. Power and the politics of difference*. Princeton: Princeton University Press; 2011. 528 p.
Russian edition: Burbank J, Cooper F. *Vzlet i padenie velikikh imperii*. Lazutkina O, editor; Matveeva EV, Butorov AV, translators. Moscow: АСТ; 2015. 528 p.
20. Lapkin VV. Socio-political dynamics in the age of the global crisis: civilizational background. *Polis. Political Studies*. 2022;32(6):135–150. Russian. DOI: 10.17976/jpps/2022.06.10.
21. Martyanov VS. In search of another mainstream. *Polis. Political Studies*. 2021;30(4):112–131. Russian. DOI:10.17976/jpps/2021.04.09.
22. Safranchuk IA, Lukyanov FA. The contemporary world order: the adaptation of actors to structural realities. *Polis. Political Studies*. 2021;30(4):14–25. Russian. DOI: 10.17976/jpps/2021.04.03.

23. Aver'yanov VV. [Empire and will]. *Moskva*. 2012;1:180–193. Russian.
24. Malofeev KV. [Global liberalism is dead]. *Zavtra* [Internet]. 2023 [cited 2023 July 15];18(1530). Available from: https://zavtra.ru/blogs/global_nij_liberalizm_umer. Russian.
25. Sorokin N. [Original Russia. On the new concept of foreign policy of our country]. *Zavtra* [Internet]. 2023 [cited 2023 July 15];13(1525). Available from: https://zavtra.ru/blogs/samobitnaya_rossiya. Russian.

*Статья поступила в редколлегию 16.08.2023.
Received by editorial board 16.08.2023.*

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 378+004+331

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА СОЦИОЛОГИИ

Г. М. ЕВЕЛЬКИН¹⁾

¹⁾Академия национальной безопасности Республики Беларусь, ул. Зм. Бядули, 2, 220032, г. Минск, Беларусь

Анализируются представления социологической науки о понятиях, определяющих ее статус. Отмечается, что содержание понятий «личность», «поведение» и «деятельность» не воспринимается однозначно и они замещаются дефинициями, не имеющими прямого отношения к реальности. Сознательное использование понятий с помощью средств символического языка дает возможность разработать приемы и правила исследования окружающего мира с учетом предмета познания конкретной науки. Рассматриваются понятия «индивид», «личность», «субъект деятельности», «объект деятельности», «поведение», «деятельность». Предпринимается попытка обосновать значимость понятий «личность», «поведение», «деятельность» как современных категорий социологической науки. Подчеркивается мысль о том, что проблемы развития современной социологии напрямую связаны с уточнением ее понятийного аппарата и возможностей его использования как инструмента научного познания, поскольку четкое и однозначное определение понятий позволяет раскрыть суть исследуемых социальных процессов и явлений.

Ключевые слова: индивид; личность; субъект деятельности; объект деятельности; поведение; деятельность; политическая, экономическая, духовная сферы общества.

Образец цитирования:

Евелькин ГМ. Проблемы развития современного понятийного аппарата социологии. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;3:42–52.
EDN: YHERCI

For citation:

Evelkin GM. Problems of development of the modern conceptual apparatus of sociology. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;3:42–52. Russian.
EDN: YHERCI

Автор:

Георгий Михайлович Евелькин – доктор социологических наук, профессор; профессор специальной кафедры.

Author:

Georgiy M. Evelkin, doctor of science (sociology), full professor; professor at the special department.
lag121@mail.ru

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE MODERN CONCEPTUAL APPARATUS OF SOCIOLOGY

G. M. EVELKIN^a

^aNational Security Academy of the Republic of Belarus, 2 Zm. Biaduli Street, Minsk 220032, Belarus

The ideas of sociological science about the concepts that determine its status are analysed. It is noted that the substantive basis of the concepts «personality», «behaviour» and «activity» is not perceived unambiguously and is replaced by definitions that are not directly related to reality. The conscious use of concepts using symbolic language makes it possible to develop techniques and rules for studying the surrounding world, taking into account the subject of knowledge of a particular science. The concepts of «individual», «personality», «subject of activity», «object of activity», «behaviour», «activity» are considered. An attempt is made to substantiate the significance of the concepts of «personality», «behaviour», and «activity» as modern categories of sociological science. The idea is emphasised that the problems of the development of modern sociology are directly related to the clarification of its conceptual apparatus and the possibilities of its use as a tool of scientific knowledge, since a clear and unambiguous definition of concepts allows us to reveal the essence of the social processes and phenomena being studied.

Keywords: individual; personality; subject of activity; object of activity; behaviour; activity; political, economic, spiritual spheres of society.

Введение

Стремление понять общество, равно как и выразить свое отношение к нему, было свойственно человечеству на всех этапах истории. Выдающийся русский философ Н. А. Бердяев полагал, что будущее человечества зависит от того, удастся ли ему соединить духовное и социальное развитие, будет ли связано создание более справедливого общества с защитой духовных ценностей.

Можно согласиться с мнением В. Я. Фетисова, который утверждает, что выяснение специфики любой науки может быть достигнуто в результате следования схеме *объект науки – предмет науки – методы и средства исследования – содержание науки – познавательные и социальные функции науки*. Важным является каждое звено данной цепи, значение имеют и их всевозможные связи. Переход от естественно-исторического развития к социально-историческому предполагает не только дифференциацию, но и синтез знаний, а также целостный подход к личности как к социальной единице, к объективной реальности и к их взаимодействию [1, с. 33–38].

По мнению автора, в данную схему необходимо включить такой компонент, как понятийный аппарат, поскольку четкое и однозначное определение понятий позволяет раскрыть суть исследуемых явлений и процессов.

Как указывал М. Вебер, социология (понимающая социология) «есть наука, стремящаяся, истолковывая, понять социальное действие и тем самым каузально объяснить его процесс и воздействие» [2, с. 602]. Предметом социологии выступает научное знание об исследуемом объекте, раскрываемое с помощью единого понятийного аппарата. Это знание о том, что собой представляет познаваемая социальная жизнь. Наука предполагает рациональное объяснение того, как и вследствие чего осуществ-

ляется бытие познаваемого объекта, а также истолкование этого бытия с помощью доступных понятий. При этом объяснение социальной активности человека чаще всего подразумевает анализ воздействия на него внутренних либо внешних факторов, т. е. деятельность и взаимодействие людей исследуется в разрезе их зависимости от объективной или субъективной детерминации (например, в зависимости от экономических условий или от мнения окружающих) [3, с. 178–193].

Как отмечает С. А. Шавель, люди сами творят историю и, следовательно, для прогнозирования возможных вариантов развития общества необходимо обратиться к анализу социальных ожиданий, ценностей, потребностей, интересов и мотивации людей, что и представляет собой предметное поле социологической науки [4].

В. Д. Шадриков обращает внимание на то, что сложное взаимодействие прошлого, настоящего и будущего составляет содержание психической жизни человека. В реальности человек существует в настоящем, но его сознание живет в прошлом, настоящем и будущем одновременно. Воспоминания о прошлом, восприятие настоящего и представление будущего составляют суть внутреннего мира человека. И этот внутренний мир тесно связан с желаниями, знаниями и переживаниями личности [5, с. 57–64]. При этом, отмечает В. Д. Шадриков, в методологическом плане понятия «поведение» и «деятельность» необходимо рассматривать в единстве с понятием «жизнь».

В русском языке некоторые понятия используются достаточно неоднозначно. Чаще всего смысловые оттенки конкретных терминов определяются контекстом. Например, термины «поведение» и «деятельность» в одних случаях трактуются как

синонимы, а в других – рассматриваются как независимые структуры, описывающие совершенно разные сферы социального функционирования человека. До настоящего времени нет четкости в трактовке понятий «жизнь», «человеческое существо», «индивид», «личность», «субъект». В. В. Чешева задается весьма логичным вопросом о том, можно ли выделить специфическое содержание этих терминов, которое является далеко не всегда осознанным, но

тем не менее ограничивает сферу их употребления [6, с. 31–49].

В данной статье предпринимается попытка раскрыть фундаментальную значимость понятий «индивид», «личность», «субъект», «деятельность» и «поведение» в их современном социальном значении с учетом взаимоотношений индивидов и их групп в условиях структурно-функциональной организации глобального сообщества.

Личность как социологическая категория

А. О. Коптелов считает, что под предметной деятельностью следует понимать такую деятельность, которая имеет как субъективную, так и объективную сторону. Их тождество не должно вызывать сомнений, так как нет отдельной внутренней деятельности и нет отдельной внешней деятельности, даже при условии, что они тесно взаимосвязаны. Такое тождество есть результат самой действительности, что отнюдь не решает проблемы перехода одного в другое в их исторических границах, поскольку смысловая реальность не обуславливается механизмами генетической наследственности [7, с. 5–16].

А. В. Брушлинский утверждает, что понятие «общественное» не является синонимом понятия «социальное». Первое всегда связано с природным (естественным) началом, это исходная характеристика субъекта и его психики. Имеются в виду частные проявления всеобщей социальности (национальные, классовые, исторические и др.). Индивид не менее социален, чем группа индивидов. А. В. Брушлинский вписывает понятия «социальное», «общественное» и «индивидуальное» в рамки диалектической триады категорий «всеобщее», «особенное» и «единичное», основой единства которых выступает субъект социальности. При правильном понимании деятельности субъекта она не распадается на изолированные друг от друга практическую и теоретическую части. При этом автор замечает, что практическая часть в своей простейшей форме является первичной [8, с. 89–95].

Большинство авторов, рассматривающих проблемы личности в психологии, социологии и философии, сходятся во мнении о том, что любой человеческий индивид всегда социален.

С. Л. Рубинштейн, один из первых сформулировавший основные идеи деятельностного подхода в психологии, выделяет в структуре деятельности человека следующий ряд: *движение – действие – деятельность*. В центре структуры находится действие. Каждому действию соответствуют мотив и цель. Действие состоит из отдельных звеньев – частных действий, или операций, которые определяются планом. Деятельность имеет свои цели и мотивы, которые, в отличие от мотивов и целей отдельных действий, носят обобщенный и интегрированный характер [7, с. 5–16].

Субъект-объектные отношения людей рассматриваются в контексте их процессуальности. Причинно-следственную взаимосвязь социального и биологического в онтогенезе психики человека хорошо объясняет деятельностный подход в объеме уже существующих культурно-исторических интенций [9, с. 10–27].

Социология личности тесно связана с философскими, социологическими и психологическими теориями. Опираясь на понятие «человек», философия рассматривает его биологическую, ментальную и культурную природу. Социология исследует социальные качества индивида, проявляющиеся в процессе его сосуществования с другими. Психология чаще всего оперирует понятием «индивидуальность». Так, объектом интереса психологов выступают темперамент, характер, особенности поведения человека, т. е. все то, чем люди различаются (в то время как внимание социологов направлено на то, что делает людей похожими).

В научном языке очень часто встречаются термины «человек», «индивид», «личность». При этом понятие «человек» является обобщенным, понятие «индивид» употребляется в значении «представитель человеческого рода», а понятие «личность» используется для выражения социальной сущности человека. В обиходной речи понятия «человек» и «личность» употребляются как синонимы. Однако между ними имеются существенные смысловые различия.

В. Д. Шадриков отмечает, что человек выступает прежде всего как субъект жизни, а затем уже как субъект поведения и деятельности [5, с. 57–67]. Превращение человека в субъект жизни обусловлено постиндустриальным развитием общества, а также усилением в нем демократических и гражданских начал. Данная тенденция наметилась, когда в изучении социальной реальности произошло смещение акцента с внешнего мира человека на его внутренний мир, о чем свидетельствует переход от позитивистской социологии к различным вариантам понимающей социологии (в центре внимания которой находятся значения, смыслы и ценности). Согласно этим теориям социальная реальность порождается, конструируется и изменяется под влиянием группового сознания людей [1, с. 33–38].

Понятие «личность» является многогранным. С одной стороны, это конкретный индивид, субъект деятельности, обладающий определенными качествами и играющий некую социальную роль, с другой стороны, это целостная система социально значимых свойств, характеризующих индивида как объект общественного развития. Индивид включен в систему социальных отношений посредством активной предметной деятельности, общения, освоения социальных функций и развития самосознания. Самосознание – это осознание человеком себя как субъекта деятельности в качестве члена социума, а также своей неповторимости.

Личность – это в некотором смысле итог развития индивида, сочетание социальных качеств в человеке. Личность обладает индивидуальностью. Индивид и его Я создают предпосылки для самоопределения на основе модельных представлений о себе и обществе, а также, что очень важно, о самоидентификации. В макросоциологии личность выступает в качестве продукта общества (культуры, истории, космоса и т. д.).

Таким образом, под личностью понимают, во-первых, человеческого индивида как субъекта отношений и сознательной деятельности, во-вторых, устойчивую систему социально значимых черт, которые характеризуют индивида как члена общества (независимость, самостоятельность, наличие самосознания, самооценки и самоконтроля, а также духовной структуры).

Понятие «личность» применимо по отношению к каждому человеку, поскольку он индивидуально выражает значимые черты конкретного общества. Индивидуальность личности – это то специфическое, что отличает одного человека от другого (включая биологические и социальные характеристики).

В настоящее время существуют две основные концепции личности:

- личность как функциональная ролевая характеристика человека;
- личность как сущностная характеристика человека.

Первая концепция опирается на понятие социальной функции человека. При всей значимости этого аспекта понимания личности он не позволяет рас-

крыть внутренний мир человека, фиксируя только его внешнее поведение, которое не всегда выражает его действительную сущность. Вторая концепция имеет более глубокую интерпретацию понятия личности и раскрывает ее уже не в функциональном, а в сущностном плане. Личность трактуется как ступок регулятивно духовных потенций, центр самосознания, источник воли и свободных действий.

Личность – индивидуальное средоточие и выражение общественных отношений и функций людей, субъект познания и преобразования мира, прав и обязанностей, этических, эстетических и всех иных социальных норм. Личностные качества человека есть производная от его социального образа жизни и самосознающего разума.

Как совершенно обоснованно отмечает З. А. Решетова, индивид не рождается личностью – он становится ею в течение жизни, а именно в процессе предметной деятельности, благодаря которой включается в общественное производство культуры [10]. Б. Г. Ананьев пишет о том, что единичный человек «может быть понят лишь как единство и взаимосвязь его свойств как личности и субъекта деятельности» [11, с. 334].

Поскольку социальная личность проявляется в своей жизнедеятельности как сложно организованная система, она обладает вполне определенной социально-психологической структурой, которая включает совокупность социально-психологических свойств личности, обусловленных типом социального взаимодействия с другими людьми в конкретных социально-исторических условиях. К числу этих свойств Е. М. Бабосов относит самооценку, общественную активность, интересы, нацеленность, ценностные ориентиры, социальную идентичность¹. В данном контексте необходимо обратить внимание на то, что, производя описание социальной сути человека, социология личности, как правило, оперирует понятиями «социальный субъект» и «личность».

Представители белорусской социологии (Е. М. Бабосов, А. Н. Данилов, И. В. Котляров, С. В. Лапина, Д. Г. Ротман, Л. Г. Титаренко, С. А. Шавель и др.) активно используют социальное понятие личности в исследовании процессов развития белорусского общества и государства.

Социальная деятельность и социальное действие в системе социологического знания

В литературных источниках акцентируется внимание на том, что изучение социальной деятельности относится к числу фундаментальных проблем науки. Она давно привлекает к себе внимание представителей естествознания и обществоведения, а также философии и социологии. Значитель-

ное число публикаций на эту тему подтверждает этот интерес (Л. П. Буева, М. В. Демин, М. С. Каган, Э. С. Маркарян, А. В. Петровский, Ю. К. Плетников, В. П. Фофанов, Э. Г. Юдин и др.).

Понятие «деятельность» во многих общественных науках сегодня употребляется неоднозначно

¹Бабосов Е. М. Общая социология : учеб. пособие для студентов вузов. 2-е изд. Минск : ТетраСистемс, 2004. С. 261–265.

и рассматривается в разных проекциях. В отечественной литературе проблема деятельности обычно анализируется в ракурсе взаимодействия субъектов и объектов. Некоторые авторы рассматривают деятельность как свойство уже не только человека, но и всех живых организмов. Такая точка зрения, несомненно, расширяет представления об этой категории. Принципиально новым в ней является, во-первых, то, что деятельность называется в качестве свойства уже двух уровней эволюции материи (социального и биологического), во-вторых, то, что деятельность не отождествляется со взаимодействием, а рассматривается как атрибут каждой из взаимодействующих сторон, в-третьих, то, что описывается не любая деятельность, а направленная активность живых существ.

Понятие «деятельность» все еще не имеет социологического статуса. И. Ф. Девятко, обращаясь к общей социологической теории, особое внимание уделяет интенциональному действию (или деятельности) и практической (инструментальной) рациональности, которые нередко и вполне обоснованно рассматриваются в рамках теории действия и практики или теории социального действия. Автор отмечает, что и интерпретативные, и утилитаристские, и необихевиористские теории социального действия в качестве главной называют проблему субъективно-целенаправленной, или целеориентированной (человеческой), деятельности, объектом которой выступает индивид. Целенаправленное действие – это фундаментальное понятие социологической теории, описывающее взаимосвязь ментальных событий, происходящих в сознании действующего индивида, и внешних явлений и процессов. В теориях, работающих с этим понятием, используются и исследуются объяснительные возможности человеческой субъективности как способности выступать источником целенаправленной деятельности. Характерная для данных теорий логика объяснения социального мира предполагает движение от смысла, придаваемого субъектом собственному поведению (от субъективных мотивов действующего), к коммуникации и координации индивидуальных действий и, наконец, к возникновению интерсубъективного социального мира [12, с. 63–64].

В. А. Петровский указывает на то, что деятельность есть целеполагающая активность индивида. При этом он рассматривает данную активность с трех ракурсов:

- как динамический материал;
- как процессуальную реализацию мотивов, целей и задач, образующих ее телеологическое содержание;
- как собственное (иногда скрытое) движение, порождающее новую деятельность, которая отменяет прежнюю [13, с. 20–31].

Социология рассматривает предметную и социальную деятельность. Их специфика состоит в том, что они субъектно-объектны. При этом деятельность подразделяется на производственную, бытовую и досуговую. Социология занимается изучением социального аспекта деятельности (особенно производственной), в частности условий, содержания, характера, специфики трудовых взаимоотношений [3, с. 178–193].

Только в орудийной (предметной) деятельности человека мы впервые сталкиваемся с целерациональными действиями, построенными по схеме *цель – средства – действие – результат*. Средства в данном случае следует рассматривать как совокупность естественных и искусственных факторов, создающих предметную структуру, в рамках которой совершается необходимая последовательность действий. В силу названного обстоятельства развитие деятельности находит свое выражение в дифференциации и усложнении предметно-деятельностных структур, т. е. в развитии техносферы.

Деятельность можно трактовать как специфический вид активности человека, направленный на познание и творческое преобразование окружающего мира. В наиболее общем виде это понятие определяется как специфическая форма отношения человека к окружающему миру и к самому себе, выражающаяся в целесообразном преобразовании мира и самого себя. Социологию интересуют не конкретное содержание различных видов деятельности, а их социальная форма, через которую проявляется социальное взаимодействие людей. Особое значение приобретает направленность деятельности, проявляющаяся в целях, средствах и результатах [1, с. 33–38].

В. А. Ядов отмечает, что, «к какой бы теории мы ни обратились, социальные взаимодействия (отношения, интеракции, коммуникации) остаются основным предметом социологической теории»².

Социальная деятельность представляет собой систему динамичного взаимодействия личности или социальной группы с окружающим миром, в процессе которого происходит производство и воспроизводство человека как члена общества, осуществляется целесообразное преобразование природного и социального мира, создаются материальные и духовные ценности.

Родоначальником теории социального действия является известный немецкий социолог М. Вебер [2, с. 87]. Социальное действие он определяет как действие, направленное на другого. Ученый проводит условную границу между действием и поведением. Он считает, что социальное действие гораздо шире, чем социальное поведение, поскольку почти любое действие человека непосредственно связано

²Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российской трансформации : курс лекций для студентов магистратуры по социологии. СПб. : Интерсоцис, 2009. С. 67.

с тем, что делают другие люди. Важным аспектом понимания социального действия, по мнению М. Вебера, является наделение социальных действий определенным смыслом, осознание их взаимосвязи с миром.

Т. Парсонс, основатель структурного функционализма [14], также внес большой вклад в теорию социального действия. Именно он ввел понятие структуры социального действия. На взгляд Т. Парсонса, в структуре социального действия можно выделить следующие элементы:

- актора (лицо, которое осуществляет выбор и производит действие);
- ситуацию (совокупность условий, в рамках которых действует актор);
- ориентацию (мотивы и ценности актора).

Именно ориентация, как структурообразующий элемент социальных действий, выступает ключевым звеном в их анализе. Можно выделить следующие типы социальных действий:

- интеллектуальные действия, обусловленные познавательными ориентациями человека (эмоциональный интеллект);
- экспрессивные действия, отражающие поиск прямого удовлетворения потребностей;
- моральные действия, основанные на ценностях и принципах человека;
- инструментальные действия, связанные с другими типами социальных действий.

В своем материалистическом понимании исторического процесса К. Маркс исходил из общественного характера деятельности. С его точки зрения, единственной социальной субстанцией, создающей личность и общество, является активная человеческая деятельность во всех сферах, прежде всего в производственно-трудовой.

Содержание понятия «социальное действие» шире значения понятия «социальная деятельность». Такая деятельность не может существовать вне системы социальных действий, она задается и структурируется ими. По этой причине совершенствование социальной деятельности зависит от качества, смысла, направленности и эффективности социальных действий [15, с. 23–28].

Констатируя множественность специально-научных представлений о деятельности, Э. Г. Юдин отмечает, что все больше осознается их «частичный, неполный характер» и зависимость от общего понятия деятельности [16, с. 246]. Е. А. Тюгашев предлагает понимать деятельность как особый тип движения, а именно как рефлексивное движение. Деятельность, указывает он, это движение, характеризующееся определенным постоянством, повторяемостью и системностью и конституирующее конкретные целостности [17].

Деятельность – это процесс взаимодействия человека с окружающим миром, процесс решения жизненно важных задач. При деятельностном подходе психика понимается как форма активности субъекта, обеспечивающая решение определенных задач в процессе его взаимодействия с миром. Психика – это не просто картина мира и система образов, но и система действий. По мнению представителей деятельностного подхода, психическое развитие человека имеет социальную природу: прогресс человечества определяется не биологическими, а социальными законами.

К. К. Платонов рассматривает деятельность как высший иерархический класс реагирования, свойственный только человеку и возникающий в процессе развития его психики. Высшим проявлением всех видов деятельности, по мнению ученого, является творческая деятельность, в результате которой создается нечто новое и прогрессивное. Под человеческой деятельностью надо понимать такую форму взаимосвязи человека со средой, в которой он достигает сознательно поставленной цели. Деятельность, как форма взаимодействия человека с окружающей средой, зародилась на основе эволюционных изменений в природе, поэтому не всякая деятельность контролируется сознанием и обусловлена личностью [18, с. 118–119]. Самая распространенная структура акта деятельности в развернутом виде включает субъект и предмет (объект, цель, средство, действие, результат) [19, с. 17–19].

В. И. Сперанский выделяет следующие специфические признаки социального действия: взаимосвязанность с другими людьми, недетерминированность внешними обстоятельствами, осознанность, ответственность [20, с. 58].

В свою очередь, Е. М. Власова указывает на то, что анализ понятия деятельности как преобразовательной активности субъекта, воздействующего на объект, неизбежно приводит к расширению понимания содержания деятельности как единства свободного целеполагания и целедостижения. Свободное целеполагание рассматривается ей как идеальный процесс деятельности сознания, а целедостижение – как материальный преобразовательный процесс. Таким образом, деятельность – это единство материального и идеального процессов. Е. М. Власова отмечает, что изучение социального аспекта деятельности позволяет раскрыть сущность социального процесса как диалектику объективного и субъективного, объяснить содержание исторического процесса. Деятельность, понимаемая как единство свободного целеполагания и целедостижения, дает возможность преодолеть абсолютизацию как объективного, так и субъективного фактора в объяснении культурно-исторического процесса³.

³Власова Е. М. Деятельность как интегративный методологический принцип в познании социальных явлений : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Владивосток : Дальневост. гос. техн. ун-т, 2002. С. 22.

По мнению М. С. Кагана, любая деятельность (преобразовательная, познавательная, ценностно-ориентационная) может быть направлена на следующие объекты: на природный или социальный предмет, другого человека или самого субъекта (например, в процессе самопознания и самоизменения) [21, с. 46–53].

Жизнь человека предполагает его активное взаимодействие с внешним миром: «...внешний мир един с внутренним, ибо во внешнем мире определяются потребности человека. В деятельности и через деятельность предметы внешнего мира при-

обретают определенное значение и личностный смысл, а формирующийся образ внешнего мира всегда носит черты оперативного образа» [22, с. 49].

Деятельность человека включает его отношение к предмету (ко всей совокупности окружающих его вещей, создаваемых и потребляемых им и т. д.), другому человеку (к людям, их группам, обществу в целом), природе, всем ее процессам и явлениям и к самому себе.

Совокупность этих элементов образует многогранную конфигурацию индивидуальной человеческой деятельности.

Поведение в системе социологического познания

В исследовании социального поведения на роль ведущей концепции в течение длительного времени претендовали многие теории, однако первенство парадигмы функционально-социальных теорий (М. Вебер, Т. Парсонс, Р. Мертон, Н. Смелзер, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Б. М. Теплов, А. В. Запорожец, П. Я. Гальперин, А. Р. Лурия, В. А. Ядов и др.) так и не смогла оспорить ни одна научная школа.

Как указывает С. А. Батуренко, структурный функционализм и в настоящее время является одним из перспективных направлений социологической мысли. Представители этой социологической школы исходят из того, что каждый элемент социального взаимодействия, выполняя конкретные функции, существует в рамках целостной структуры общества. Формирование школы структурного функционализма связано в первую очередь с именами таких социологов, как Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Б. Малиновский, А. Радклифф-Браун, Т. Парсонс, Р. Мертон и др. [23, с. 27–31].

Э. Дюркгейм писал следующее: «Когда я действую как брат, супруг или гражданин, когда я выполняю заключенные мною обязательства, я исполняю мои обязанности, установленные вне меня и моих действий правом и обычаями. Даже когда они согласны с моими собственными чувствами и когда я признаю в душе их реальность, последняя остается все-таки объективной, так как я не сам создал их» [24, с. 29].

По мнению М. Вебера, понятие поведение – значит установить каузальную связь между смыслом, целью и средствами. Смыслом наполнено поведение только разумного социального существа, и понимание каузальных связей в поведении, согласно концепции Вебера, предполагает уяснение смысла, которым руководствуется социальный субъект. Смысл поведения (социального действия) представляет собой нечто внутреннее. Постигание смысла выступает наиболее сложной задачей, тем более что он может быть представлен двояко: «Слово “смысл” имеет здесь два значения. Он может быть: а) смыслом, действительно субъективно предполагаемым

действующим лицом в данной исторической ситуации, или приближенным, средним смыслом, субъективно предполагаемым действующими лицами в определенном числе ситуаций; б) теоретически конструированным чистым типом смысла, субъективно предполагаемым гипотетическим действующим лицом или действующими лицами в данной ситуации» [2, с. 603].

Т. Парсонс хоть и придавал огромное значение индивидуальному поведению личности, все же подчеркивал, что оно состоит не только из реакций на конкретные стимулы социальной ситуации, но и из определенного поведения других индивидов, включенных в систему коллективной организации [25, с. 504–512].

В изучении поведения наибольшую известность в мировой литературе приобрел бихевиористский подход (Э. Торндайк, Д. Уотсон, К. Лешли, Б. Скиннер и др.). Согласно ему поведение человека имеет следующие формы реакции на окружающую среду: эмоциональную (аффективную, основанную на чувствах и эмоциях), компетентную (когнитивную, базирующуюся на знании и размышлении) и прямую (действующую по схеме *стимул – реакция*).

Различать натуральный и социальный типы поведения в отечественной науке предложил Л. С. Выготский. Ученый является основоположником теории культурно-исторической обусловленности развития высших психических функций человека [26, с. 325].

Представитель современного поколения социологов В. В. Чешев акцентирует внимание на том, что с формированием деятельности связано развитие генетически исходных форм целерационального действия человека, проявляющееся в его поведении. При этом он отмечает, что фактором становления социального поведения человека выступили его психические способности, сформировавшиеся в ходе биологической эволюции и получившие мощный импульс к развитию в рамках социогенеза. Еще на стадии биологического развития психическое восприятие и эмоциональная память животных играли важную роль в организации их

поведения. Но гораздо более фундаментальное значение эмоционально-психические способности живых существ приобрели в культурном поведении человека.

В. В. Чешев, рассматривая концепцию понимающей социологии Вебера, отмечает, что ее центральной абстракцией является целерациональное действие, идеальной формой которого выступает предметная деятельность. В отличие от последней социальное поведение определено мотивацией, преобразующейся в цель, адекватных средств достижения которой может не быть в социальной среде. В связи с этим интерпретацию поведения нельзя исчерпывать целерациональным действием. Понятия «поведение» и «деятельность» выступают в качестве форм активности, в контексте которых формируются рациональные и иррациональные составляющие социального действия человека. Следует принять во внимание то, отмечает автор, что в ходе становления социальных форм активности происходило не только преодоление биологических форм поведения, но и трансформация и приспособление к новым действиям поведенческих структур, которые сложились на предшествующих фазах эволюции человека [6, с. 31–49]. Мотивации социального поведения формируются культурой, т. е. всей совокупностью мира смыслов и значений, соотносимых с социальной и предметной средой.

В социальном поведении проявляются качества человека, особенности его воспитания, культурный уровень, темперамент, характер, потребности, убеждения, взгляды, вкусы и т. д. В процессе социального поведения реализуется его отношение к окружающей природной и социальной действительности, другим людям и самому себе. Социальное поведение – это совокупность человеческих поведенческих процессов, связанных с удовлетворением физических и социальных потребностей и выступающих в качестве реакции на окружающую среду. Субъектом социального поведения может быть индивид или группа. Одной из ключевых категорий, позволяющих интерпретировать концептуальные основы социального поведения, и выступает социальное действие. Социальные взаимоотношения людей представляют собой не субъектно-объектные, а субъектно-субъектные связи. Они выражаются в обоюдной активности людей, проявляющейся в речевых контактах.

Как отмечает С. А. Митрюшин, необходимость изучения социального поведения личности обусловлена потребностями развития как социологического знания, так и управленческой науки, а также их интеграцией, на основе которой возможно решение вопросов социального будущего человека и общества. Исследование социального поведения личности позволяет определить задачи и средства социального

управления, принять меры по решению общественных проблем [27, с. 21–24].

Т. И. Заславская подчеркивает, что «...поведение есть совокупность поступков и действий, отражающих внутреннее отношение людей к условиям, содержанию и результатам деятельности. Поведение всегда регулируется более или менее осознанной целью и предполагает определенную свободу выбора поступков и действий из множества возможных» [28, с. 45].

Е.М. Бабосов, опираясь на многочисленные исследования П. А. Сорокина, З. Фрейда, Э. Фромма, В. Д. Шадрикова, В. А. Ядова, указывает на то, что социологический анализ выделяет в личности ее социально-типические качества, составляющие в своей совокупности целостную, устойчивую и динамически развивающуюся систему. Только системность и целостность превращают личность в активно действующий субъект социальных отношений. Сама же активная поведенческая деятельность личности в качестве субъекта социальных процессов становится возможной только благодаря овладению ей культурными и социальными нормами⁴.

В тоже время, на взгляд автора статьи, социальное поведение можно представить как форму и способ проявления индивидами своих предпочтений и установок, возможностей и способностей в социальном действии или взаимодействии. Поведение есть совокупность поступков индивидов и их групп, причем эти поступки совершаются в определенной последовательности и так или иначе затрагивают окружающих.

Регулирование личностью своего поведения осуществляется на двух уровнях. Первый уровень представляет собой управление поведенческими актами на всех этапах их развертывания. Второй уровень подразумевает своеобразную обратную связь в процессе саморегулирования индивида. Самоконтроль дает возможность учитывать внешние и внутренние условия протекания действия, ход его выполнения и в случае необходимости изменять его, актуализируя потенциал личности.

В жизнедеятельности людей важное значение имеет не только индивидуальное, но и коллективное поведение. При этом следует обратить внимание на две разновидности социального поведения: поведение, ориентированное на себя, и поведение, ориентированное на окружение (социум).

Можно согласиться с мнением В. В. Чешева, который выделяет три типа поведения человека. Первый тип представлен ситуативной реакцией на совокупность внешних факторов. В его основе лежит схема *мотив – раздражитель – фиксированное действие*. Такими могут быть не только рефлекторные реакции, но и поведенческие акты, совершаемые на уровне межличностных отношений. Второй тип активности

⁴Бабосов Е. М. Общая социология : учеб. пособие для студентов вузов. 2-е изд. Минск : «ТетраСистемс», 2004. С. 405.

человека представлен целерациональным предметным действием, которое подчиняется рассудочной цели и, можно сказать, является чистой формой рациональности. Наконец, третий тип располагается между названными полюсами социального поведения и синтезирует иррациональную и рациональную составляющие через взаимосвязь *мотив – цель*. Исходным пунктом социального поведения выступает мотивация, но ее трансформация в цель или совокупность целей предполагает осознание социальной ситуации, частью которого является и осознание собственного мотива. Осмысление социальной ситуации подразумевает «подключение» индивида к значениям, которыми она наделена в структуре целого, и вне такого осмысления невозможен выбор совокупности действий, ведущих к поставленной цели [6, с. 31–49].

В качестве механизмов саморегуляции социального поведения выступают диспозиции и установки, т. е. предрасположенность к определенному восприятию личности условий деятельности и, соответственно, к определенному поведению. Данная предрасположенность может выражаться как в положительных, так и в отрицательных реакциях и поступках.

Однако, говоря о поведении как о социальной категории, необходимо обратить внимание на следу-

ющие обстоятельства. Индивид, рационально оценивая свое поведение в аналогичной ситуации, фиксирует положительные или отрицательные самооценки в виде установок, закрепляющихся на сознательном и подсознательном уровнях. Эти установки начинают входить в число личностных саморегуляторов поведения в аналогичных жизненных ситуациях. Они фиксируются на уровне психики и участвуют в последующей саморегуляции личности. Сформированные оценки становятся частью системы социального регулирования личности.

Можно согласиться с выводами С. М. Талипова, который в результате анализа различных взглядов на социальное поведение сделал обоснованный вывод о том, что социальное поведение – это не только сложная социально-психологическая, но и социологическая категория, подразумевающая объективный характер внешних условий, а также восприятие субъекта социального поведения как конструктора социального поведения. При этом социальное поведение непосредственно связано с процессами социализации и инкультурации личности [29, с. 215–221]. В этом контексте понятие «социальное поведение» выступает важнейшей категорией социологии, активно используемой в ее теории и практике.

Заключение

Завершая рассмотрение понятий «индивид», «личность», «субъект деятельности», «объект деятельности», «поведение», «деятельность» как категорий социологической науки, необходимо акцентировать внимание на том, что они становятся активным инструментом в социологической теории и практических исследованиях. Это дает основания утверждать,

что происходит процесс углубления значимости этих понятий в социологии, а также их переход в систему фундаментальных категорий данной области знаний. Наблюдается процесс дифференциации их социологических, социально-психологических и психологических трактовок в контексте конкретных научных парадигм.

Библиографические ссылки

1. Фетисов ВЯ. Деятельность как предмет исследования социологии и ее интегративный принцип. *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*. 2011;6:33–38.
2. Вебер М. *Избранные произведения*. Давыдова ЮН, редактор и составитель. Москва: Прогресс; 1990. 808 с.
3. Смольников НС. О предмете социологии. *Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки*. 2014;2(23):178–193.
4. Шавель СА. *Перспективы развития социума*. Минск: Беларуская навука; 2015. 507 с.
5. Шадриков ВД. Отношение понятий «жизнь», «поведение», «деятельность». *Мир психологии*. 2020;2:57–64.
6. Чешев ВВ. Понимающая социология М. Вебера в свете категорий «поведение» и «деятельность». *Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета*. 2006;2:31–49.
7. Коптелов АО. Категориальный анализ теории деятельности: критический аспект. *Вестник НГТУ имени Р. Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии*. 2012;2:5–16.
8. Брушлинский АВ. Деятельностный подход и психологическая наука. *Вопросы философии*. 2001;2:89–95.
9. Михайлов ФТ. Предметная деятельность... чья? *Вопросы философии*. 2003;3:10–27.
10. Решетова ЗА. Психика и деятельность. Психический механизм усвоения. *Национальный психологический журнал*. 2017;3(27):40–55. DOI: 10.11621/npj.2017.0306.
11. Ананьев БГ. *Человек как предмет познания*. Ленинград: Ленинградский государственный университет; 1962. 155 с.
12. Девятко ИФ. *Социологические теории деятельности и практической рациональности*. Москва: Аванти плюс; 2003. 331 с.
13. Петровский ВА. Активность, деятельность, индивидуальность: между вчера и завтра (методологические замечания). *Мир психологии*. 2020;2:20–31.
14. Парсонс О. *О структуре социального действия*. Москва: Академический проект; 2018. 435 с.
15. Газиева ИА. Структура социальной деятельности и социальная эффективность. *Вестник Вятского государственного университета*. 2009;4:23–28.

16. Юдин ЭГ. *Методология науки. Системность. Деятельность*. Москва: Эдиториал УРСС; 1997. 444 с.
17. Тюгашев ЕА. Социокультурное понятие деятельности. *Философская мысль*. 2015;6:1–25. DOI: 10.7256/2409-8728.2015.6.15753.
18. Платонов КК. *Проблема способностей*. Москва: Наука; 1972. 312 с.
19. Бережной НМ. *Человек и его потребности*. Москва: Московский государственный университет сервиса; 2000. 159 с.
20. Волков ФМ. *Социально-экономические основы формирования нового человека*. Москва: Московский государственный университет; 1985. 216 с.
21. Каган МС. *Человеческая деятельность*. Москва: Политиздат; 1974. 328 с.
22. Шадриков ВД. *Психология деятельности человека*. Москва: Институт психологии РАН; 2013. 464 с.
23. Батуренко СА. Функциональный подход к исследованию социального порядка в истории социологии: Э. Дюркгейм, Т. Парсонс. *Социология*. 2017;3:27–31.
24. Дюркгейм Э. *Социология. Ее предмет, метод, назначение*. Гофман АБ, переводчик и составитель. Москва: Канон; 1995. 352 с.
25. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения. В: Добренков ВИ, редактор. *Американская социологическая мысль. Тексты*. Москва: Международный университет бизнеса и управления; 1996. с. 504–512.
26. Выготский ЛС. *Собрание сочинений. Том 3, Проблемы развития психики*. Матюшкин АМ, редактор. Москва: Педагогика; 1983. 369 с.
27. Митрюшин СА. Понятие «социальное поведение» в социологической науке. *Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика*. 2008;14(1):21–24. EDN: MUQIMB.
28. Заславская ТИ. *Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция*. Москва: Дело; 2002. 566 с.
29. Талипов СМ. Социальное поведение как основная категория социологической науки. *Academic Research in Educational Sciences*. 2023;4:215–221. DOI: 10.24412/2181-1385-2023-7-215-221.

References

1. Fetisov VYa. [Activity as a subject of sociological research and its integrative principle]. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*. 2011;6:33–38. Russian.
2. Veber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Davydova YuN, editor and compiler. Moscow: Progress; 1990. 808 p. Russian.
3. Smolnikov NS. On the subject of sociology. *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*. 2014;2(23):178–193. Russian.
4. Shavel' SA. *Perspektivy razvitiya sotsiuma* [Prospects for the development of society]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2015. Russian.
5. Shadrikov VD. [The relationship between the concepts «life», «behaviour», «activity»]. *Mir psikhologii*. 2020;2:57–64. Russian.
6. Cheshev VV. Understanding sociology of M. Veber in categories «behavior» and «activity». *Journal of Construction and Architecture*. 2006;2:31–49. Russian.
7. Koptelov AO. [Categorical analysis of activity theory: a critical aspect]. *Vestnik NGTU imeni R. E. Alekseeva. Seriya: Upravlenie v sotsial'nykh sistemakh. Kommunikativnye tekhnologii*. 2012;2:5–16. Russian.
8. Brushlinskii AV. [Activity approach and psychological science]. *Voprosy filosofii*. 2001;2:89–95. Russian.
9. Mikhailov FT. [Subject activity... whose?] *Voprosy filosofii*. 2003;3:10–27. Russian.
10. Reshetova ZP. Mind and activity. Psychic mechanism of learning. *National Psychological Journal*. 2017;3(27):40–55. Russian. DOI: 10.11621/npj.2017.0306.
11. Anan'ev BG. *Chelovek kak predmet poznaniya* [Man as an object of knowledge]. Leningrad: Leningradskii gosudarstvennyi universitet; 1962. 155 p. Russian.
12. Devyatko IF. *Sotsiologicheskie teorii deyatel'nosti i prakticheskoi ratsional'nosti* [Sociological theories of activity and practical rationality]. Moscow: Avanti plyus; 2003. 331 p. Russian.
13. Petrovskii VA. [Activity, activity, individuality: between yesterday and tomorrow (methodological notes)]. *Mir psikhologii*. 2020;2:20–31. Russian.
14. Parsons O. *O strukture sotsial'nogo deistviya* [On the structure of social action]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2018. 435 p. Russian.
15. Gazieva IA. Structure of social activity and social efficiency. *Herald of Vyatka State University*. 2009;4:23–28. Russian.
16. Yudin EG. *Metodologiya nauki. Sistemnost'. Deyatel'nost'* [Methodology of science. Systematicity. Activity]. Moscow: Editorial URSS; 1997. 444 p. Russian.
17. Tyugashev EA. [Sociocultural concept of activity]. *Filosofskaya mysl'*. 2015;6:1–25. Russian. DOI: 10.7256/2409-8728.2015.6.15753.
18. Platonov KK. *Problema sposobnosti* [The problem of abilities]. Moscow: Nauka; 1972. 312 p. Russian.
19. Berezhnoi NM. *Chelovek i ego potrebnosti* [Man and his needs]. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet servisa; 2000. 159 p. Russian.
20. Volkov FM. *Sotsial'no-ekonomicheskie osnovy formirovaniya novogo cheloveka* [Socio-economic foundations of the formation of a new person]. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet; 1985. 216 p. Russian.
21. Kagan MS. *Chelovecheskaya deyatel'nost'* [Human activity]. Moscow: Politizdat; 1974. 328 p. Russian.
22. Shadrikov VD. *Psikhologiya deyatel'nosti cheloveka* [Psychology of human activity]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2013. 464 p. Russian.
23. Baturenko SA. [Functional approach to the study of social order in the history of sociology: E. Durkheim, T. Parsons]. *Sotsiologiya*. 2017;3:27–31. Russian.
24. Durkheim E. *Sotsiologiya. Ее предмет, метод, назначение* [Sociology. Its subject, method, purpose]. Gofman AB, translator and compiler. Moscow: Kanon; 1995. 352 p. Russian.

25. Parsons T. [The concept of society: Components and their relationships]. In: Dobrenkov VI, editor. *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'. Teksty* [American sociological thought. Lyrics]. Moscow: Mezhdunarodnyi universitet biznesa i upravleniya; 1996. p. 504–512. Russian.

26. Vygotskii LS. *Sobranie sochinenii. Tom 3, Problemy razvitiya psikhiki* [Collected works. Volume 3. Problems of mental development]. Matyushkin AM, editor. Moscow: Pedagogika; 1983. 369 p. Russian.

27. Mitryushin SA. [The concept of «social behaviour» in sociological science]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvenlogiya. Sotsiokinetika*. 2008;1(14): 21–24. Russian.

28. Zaslavskaya TI. *Sotsietal'naya transformatsiya rossiiskogo obshchestva: deyatel'nostno-strukturnaya kontseptsiya* [Societal transformation of Russian society: activity-structural concept]. Moscow: Delo; 2002. 566 p. Russian.

29. Talipov SM. [Social behaviour as the main category of sociological science]. *Academic Research in Educational Sciences*. 2023;4:215–221. Russian. DOI: 10.24412/2181-1385-2023-7-215-221.

Статья поступила в редколлегию 13.08.2023.
Received by editorial board 13.08.2023.

СОЦИАЛЬНО-ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ИНКЛЮЗИЯ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

Е. В. ЛЕБЕДЕВА¹⁾, И. В. ПИНЧУК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Отмечается, что локально-специфические факторы организации городской среды влияют не только на физическое пространство города, но и на совокупность сформировавшихся в нем социальных практик и отношений. Воспроизводство латентной структуры города приводит к созданию его собственных паттернов солидарности, в частности городского габитуса как набора уникальных механизмов и путей социальной интеграции на материальном, социальном и институциональном уровнях. Подчеркивается, что эмпирически измеряемые параметры городского габитуса находятся в плоскости взаимодействия горожан. Выделяются качественно различные процессы социальной интеграции: доверие, взаимная поддержка и формирование субъекта взаимодействия.

Ключевые слова: социальное развитие; городская среда; социально-пространственная инклюзия; габитус; социальное доверие.

INNER-CITY SOCIO-SPATIAL INCLUSION AS A SOURCE FOR SOCIAL DEVELOPMENT

E. V. LEBEDEVA^a, I. V. PINCHUK^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: E. V. Lebedeva (elena_lebedeva_bsu@tut.by)

Locally-specific factors in the organisation of the urban environment affect not only the physical space of the city, but also the totality of social practices and relations formed in it. Reproduction of this inner structure causes the development of the urban habitus as the exact pattern of solidarity, which consist of the unique physical, social and institutional integration mechanisms. Urban habitus is represented by the number of the qualitatively different processes of integration: making an environment of confidence, the development of peer support and the formation of the acting subject. The empirical measurement of urban habitus is based on the peculiarities of citizens' interaction with each other.

Keywords: social development; urban environment; spatial social inclusion; habitus; social trust.

Образец цитирования:

Лебедева ЕВ, Пинчук ИВ. Социально-пространственная инклюзия в городской среде. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;3:53–62. EDN: LACWPC

For citation:

Lebedeva EV, Pinchuk IV. Inner-city socio-spatial inclusion as a source for social development. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;3:53–62. Russian. EDN: LACWPC

Авторы:

Елена Викторовна Лебедева – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры технологий коммуникации и связей с общественностью факультета журналистики.

Игорь Викторович Пинчук – кандидат социологических наук, доцент; заведующий кафедрой социальной коммуникации факультета философии и социальных наук.

Authors:

Elena V. Lebedeva, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of technology of communication and public relations, faculty of journalism.

elena_lebedeva_bsu@tut.by
<https://orcid.org/0000-0002-3138-337X>

Igor V. Pinchuk, PhD (sociology), docent; head of the department of social communication, faculty of philosophy and social sciences.

igor_pinchuk87@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0544-0729>

Введение

До недавнего времени город рассматривался скорее как функциональный центр в глобальной экономической системе. Однако во второй половине XX в. представления о развитии городов расширили свое предметное поле. Акцент на активной роли членов общества, индивидуально и коллективно участвующих в жизни социума, связан прежде всего с теорией социальных агентов [1; 2]. Согласно данной теории города не только приспособляются к локальным условиям, но и формируют социальные структуры. Роль горожанина переосмысливается: он начинает восприниматься не как потребитель ресурсов, а как активный субъект урбанизации, участвующий в создании городской среды.

Помимо термина «городская среда», в настоящем исследовании активно используется понятие «социальное развитие», современные представления о котором раскрываются преимущественно в русле неозволюционизма [3]. В данном случае социальные изменения объясняются, с одной стороны, взаимодействием различных факторов, а с другой – влиянием осознанной, преднамеренной деятельности людей. Наиболее полно эта точка зрения представлена в теории структуризации Гидденса [4], согласно которой общество определяется своей структурой, а также действиями индивидов и их групп. При этом структуры не только ограничивают действия индивидов, но и обеспечивают возможность человеческой деятельности (речь идет о дуальности структуры). Структуризация – это закономерная воспроизводимость индивидуальных социальных практик. П. Штомпка говорит об «особом парадигматическом сдвиге в современной социальной теории, который состоит в переходе от социального развития к социальному становлению, когда акцент переносится на открытые исторические сценарии, развивающиеся с помощью решений, выбора, а также благодаря образуемым сценариям случайным событиям» [5, с. 69]. Следовательно, современные социологические представления о социальном развитии предполагают акцентирование внимания на особой социально преобразующей роли и смыслопорождающей деятельности человека, социальных групп и движений, а также на множественности и своеобразии путей развития человеческих сообществ. Отчасти данный тезис перекликается с социологической концепцией модерна Арнасона о развитии общества на основе двух важных противоречивых измерений человеческой истории – случайности и универсальности [6]. Если логика социального развития изучена достаточно подробно, то внутренняя логика развития городской среды все еще нуждается в теоретической и эмпирической концептуализации.

Цель данного исследования – определить взаимовлияние развития городской среды и социаль-

ного развития. Достижение указанной цели предполагает решение следующих задач: раскрыть ключевые механизмы логики развития городской среды; осуществить эмпирическую концептуализацию этих механизмов; обозначить ключевые линии взаимовлияния развития городской среды и социального развития. Методологическую рамку исследования составляют теория структуризации Гидденса, концепция габитуса Бурдьё и теория социального развития Штомпки. Эмпирической основой работы являются результаты опроса, проведенного в белорусских городах – Минске, Гродно и Бобруйске – с использованием методологии анализа кейсов. Валидность результатов анализа кейсов обеспечивается формированием теоретической выборки и процедурой триангуляции. Теоретическая выборка рассматривается как «процесс сбора данных для генерирования теории, посредством которого аналитик собирает, объединяет, кодирует, анализирует данные и решает, какие из них собирать на следующем этапе и где искать их для того, чтобы развить теорию по мере появления» [7, р. 15]. Иначе говоря, стратегия теоретической выборки подразумевает, что выбор объектов изучения зависит от гипотезы, сформулированной с опорой на анализ материалов предыдущих исследований. Определяется переменная, которая лежит в основе подбора объектов исследования: сравнение результатов разных групп позволяет доказать или опровергнуть теорию. В этом смысле анализ кейсов предполагает «динамическое балансирование между детальной описательностью, фокусирующейся на особенностях той или иной социальной практики, и стремлением выйти на объяснения каких-либо более широких закономерностей» [7, р. 17]. Возможность генерализации результатов понимается в русле постпозитивистского подхода как «сила примера» [8, с. 112], альтернатива случайной выборке, поскольку «усредненный случай часто не самый информативный, тогда как нетипичные, крайние случаи часто информативнее, активируют больше акторов и глубокие механизмы изучаемой ситуации» [8, с. 114].

В анализе кейсов допускается сознательный выбор объектов исследования на основе определенных характеристик. В данной работе выборка формировалась по принципу полярных случаев, в частности производился отбор кейсов, иллюстрирующих максимально разнонаправленные состояния исторического наследия исследуемого социального феномена. Исходя из описанной исторической ретроспективы, в качестве идеальных типов были выбраны три белорусских города – Минск, Гродно и Бобруйск. Минск олицетворяет типичный советский город, фактически заново отстроенный в период расцвета советской власти, кроме того, он расположен в центральном регионе Беларуси. Гродно представляет собой западноевропейское наследие. Бобруйск иллюстрирует

еврейскую историю Беларуси, а также эпоху послевоенной индустриализации (в городе расположены крупные объекты нефтехимической, металлургической и машиностроительной промышленности).

Эмпирической основой исследования являются результаты анкетного опроса, проведенного в январе – феврале 2022 г. Были опрошены 800 человек

(400 – в Минске, 250 – в Гродно и 150 – в Бобруйске). Опрос проводился методом квотной выборки, квоты определялись по полу, возрасту и уровню образования. Расчетная величина ошибки выборки не превысила 4,8 %. Вопросы анкеты были связаны с такими темами, как городской досуг, доверие горожан друг другу, возможность участия в развитии города.

Результаты и их обсуждение

Одной из характеристик городской среды является способность объединять (интегрировать) разнородные элементы в целостный феномен. Такая инклюзия происходит не только на материальном (физические встречи горожан в общественных пространствах), но и на социальном (формирование самоидентификации, ощущения принадлежности) и институциональном (образование новых социальных структур) уровнях. Постоянной пропорции между инклюзией и взаимодействием нет. Жизнь в городской среде – это не столько определяющий фактор интеграции, сколько ориентирующее воздействие, предпосылка интеграции (идея третьего места как «социального смесителя» у Р. Ольденбурга [9]). Однако еще Л. Вирт полагал, что город создает уникальные условия, при которых «тесный физический контакт сочетается с огромными социальными дистанциями» [10, с. 109]. На фоне повышения плотности населения усиливается ценность приватности (как некая защитная реакция индивида на каждодневное интегрирующее воздействие), происходит разделение горожан на категории, контакты между которыми затруднены из-за психологических и физических границ (стремление жить среди себе подобных). В данном случае устойчивость городской среды означает поддержание баланса в плоскости *интеграция – сегрегация*.

Чтобы понять, как именно городская среда воздействует на механизмы социально-пространственной инклюзии, следует обратиться к теории структуризации Гидденса. Согласно ей в повседневном взаимодействии индивиды руководствуются как дискурсивным (рассудочным), так и практическим (нерефлексивным) сознанием, возникающим в ответ на привычную ситуацию [4]. К примеру, регулярная практика проведения свободного времени вне дома (в парке, кафе, кино, театре, музее) побуждает горожан поддерживать контакты (пусть и визуальные) с другими индивидами,

что формирует особое образно-семантическое пространство города, отражающее восприятие горожанами своего жизненного мира и собственной роли в нем. Связывая окружающее пространство вокруг себя со значимыми событиями в личной жизни («мой двор», «наш район», «любимое кафе» и т. д.), индивид придает ему определенный смысл, фактически реорганизуя это пространство на основе своего повседневного опыта (как метко подметил П. Бурдьё, «у каждого свой Париж» [2, с. 141]). При этом горожанин не является пленником сложившихся социальных структур, поскольку жизненный мир постоянно создается и воссоздается индивидами в ходе их повседневного контакта друг с другом и с окружающей средой, зависит от их сознания и интерпретаций («локальное производство общественного порядка» [11, с. 42]). Таким образом, воображаемое не только репрезентирует социокультурную реальность, но и структурирует и осмысляет практики горожан. В этом контексте городскую среду можно обозначить как медиум социальной коммуникации, ориентированный на установление взаимопонимания.

По данным опроса, чуть менее половины респондентов (44, 9%) регулярно проводят свободное время в городских общественных пространствах, около 30,0 % – время от времени посещают городские праздники. Паттерны интеграции могут различаться в зависимости от локальной специфики. Так, исследование показало, что для минчан в большей степени характерно объединение на институциональном уровне, им присуща уверенность в наличии единомышленников, а также в возможности объединиться для решения совместных проблем. В то же время жители Гродно и Бобруйска демонстрируют более высокий уровень локальной инклюзии (на уровне малых групп и соседских сообществ), а именно доверие к соседям, готовность прийти к ним на помощь, желание проводить с ними время (табл. 1).

Таблица 1

Локальные паттерны инклюзии в зависимости от места проживания, %

Table 1

Local patterns of inclusion depending on the place of residence, %

Утверждения, с которыми респонденты согласны	Минск	Гродно	Бобруйск
Я могу найти единомышленников в своем городе	64,3	57,6	52,0
Жители нашего города могут объединяться для решения какой-либо общей проблемы	63,3	51,6	41,3

Окончание табл. 1
Ending of the table 1

Утверждения, с которыми респонденты согласны	Минск	Гродно	Бобруйск
Я ощущаю поддержку со стороны соседей в трудных жизненных ситуациях	47,5	54,4	49,3
Я доверяю людям, с которыми живу по соседству	47,3	54,8	53,3
Я готов прийти на помощь соседям в трудных жизненных ситуациях	58,3	64,4	62,0

В результате действия механизмов инклюзии формируется габитус города – социальный конструкт, который отражает «взаимосвязи между общими городскими структурами и относящимися к ним практиками городских акторов» [12, с. 115] и выступает «условием создания мыслей, восприятий и действий» [13, с. 40]. Близким данному феномену по смыслу можно назвать определение «локальная структура чувствования» – «культурный характер некой социальной формации, который проявляется через рутинные и считающиеся само собой разумеющимися социальные практики» [14, р. 103]. Взгляд на город как на отдельное социальное пространство с особенностями габитуса и специфическими эффектами поля приобрел популярность благодаря работе британского географа М. Ли. Если у П. Бурдьё габитус места фокусировался на формах образования общества в малых городских пространствах (например, в престижных районах), то в концепции габитуса большого города сам город рассматривается как выражение идентифицируемых привычек, вкусов и свойств. Обосновывая изменение своей точки зрения, М. Ли указывает на то, что город – это не просто пространство, в котором протекают социальные процессы, каждый город имеет собственную внутреннюю структуру, обуславливающую его социальное развитие [15, р. 127]. Так, под городским габитусом нужно понимать взаимозависимость социальных диспозиций (материальных, институциональных и символических ресурсов города), которая открывает одни пути развития и закрывает другие. Городской габитус – это своеобразная матрица, лежащая в основе развития общества. При этом разли-

чия между городами следует рассматривать в качестве различий между структурами воспроизводства собственных логик развития.

Как изучать (измерять) городской габитус? В ходе исследования было сделано предположение о том, что если существует структура, пронизывающая весь город, то она должна обнаруживаться в первую очередь во взаимодействии горожан и социальных групп, поскольку «выяснение социальных практик служит выяснению и социальных структур» [13, с. 27]. В ходе анкетирования респондентам задавался вопрос о том, какие именно городские праздники представляют для них особый интерес. Среди респондентов из всех городов наиболее популярны мероприятия, позволяющие узнать что-то новое, познакомиться с интересными людьми, научиться чему-то (на это указали 39,4 % опрошенных), на втором месте по востребованности находятся развлекательные мероприятия (37,0 %), затем следуют мероприятия, на которых можно сделать что-то полезное для других людей (28,9 %), и мероприятия, дающие возможность высказать свою точку зрения, обратить внимание общественности на острые социальные проблемы (20,4 %)¹. Однако в ходе сравнительного анализа результатов опроса в разных городах были выявлены различия в предпочтениях горожан. Так, жители Гродно чаще, чем респонденты из других городов, отдавали приоритет городским мероприятиям, на которых можно познакомиться с интересными людьми, высказать свою точку зрения, обратить внимание общественности на острые социальные проблемы, а также социально значимым событиям, позволяющим сделать что-то полезное для других людей (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие именно городские события представляют для Вас особенный интерес?» – в зависимости от места проживания, %

Table 2

Distribution of respondents' answers to the question: «Which city events are of particular interest to you?» – depending on the place of residence, %

Вид мероприятий	Минск	Гродно	Бобруйск
Мероприятия, на которых есть возможность весело провести время, развлечься, расслабиться	37,8	37,2	34,7
Мероприятия, на которых есть возможность узнать что-то новое, познакомиться с интересными людьми, чему-то научиться	38,0	43,6	36,0

¹Сумма ответов превышает 100 %, поскольку респонденты имели возможность выбрать несколько вариантов ответа.

Окончание табл. 2
Ending of the table 2

Вид мероприятий	Минск	Гродно	Бобруйск
Мероприятия, на которых есть возможность сделать что-то полезное для других людей	27,5	34,0	24,0
Мероприятия, на которых есть возможность высказать свою точку зрения, обратить внимание общественности на острые социальные проблемы	17,8	26,4	17,3

Кроме того, гродненцы чаще соглашались с высказыванием о том, что они чувствуют ответственность за благоустройство и привлекательность своего города. Гордость за свой город и желание передать это чувство детям они испытывают наравне с минчанами (рис. 1).

В свою очередь, жители Бобруйска значительно чаще проявляли желание участвовать в дворовых праздниках вместе с соседями (рис. 2), а также демонстрировали более высокий уровень доверия по отношению к соседям и готовности прийти к ним на помощь (см. табл. 1).

Рис. 1. Отношение респондентов к своему городу в зависимости от места проживания
Fig. 1. Attitude of respondents towards your city depending on the place of residence

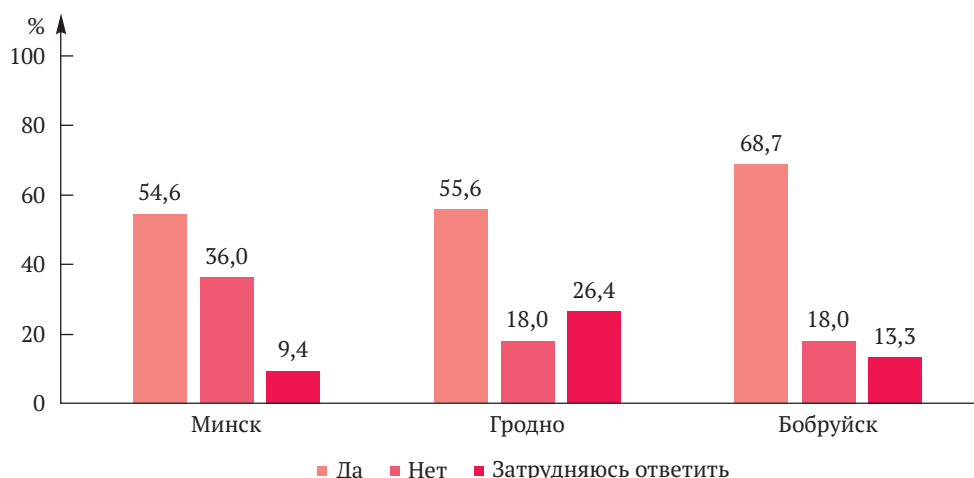

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Вы бы хотели, чтобы в Вашем дворе проходили праздники, пикники, уличные концерты и ярмарки, в которых бы Вы принимали участие совместно с соседями?» – в зависимости от места проживания

Fig. 2. Distribution of respondents' answers to the question: «Would you like holidays, picnics, street concerts, fairs to take place in your yard, in which you could take part together with your neighbours?» – depending on the place of residence

Минчане, в свою очередь, показали наиболее высокую готовность находить единомышленников и объединяться для решения общих проблем.

Особенности повседневного взаимодействия жителей каждого из изучаемых городов формируют специфический городской габитус. В этом смысле значительный интерес представляет собой детальный анализ факторов создания городского габитуса, которые определяют специфику развития города. Поскольку предметом исследования являются интегративные свойства городской среды, акцент был сделан на горизонтальных коммуникациях.

При изучении специфики горизонтального взаимодействия в границах городской среды одной из ключевых категорий стало понятие «доверие». Н. Луман предлагает рассматривать доверие как механизм редукции социальной комплексности. В условиях постоянного роста сложности и непрозрачности современного общества (особенно если речь идет о большом городе) доверие является необходимым фактором социального развития, поскольку система

вынуждена ставить «внутреннюю устойчивость на место внешней и тем самым повышать свою способность справляться с неустойчивостью во внешних связях» [16, р. 100]. Системное (абстрактное) доверие, как доверие к определенным правилам, принятым в обществе, выступает в роли символического кредита, атрибутивного условия интеракции субъектов и составляет главное содержание принципов генерализованного обмена. По мнению Э. Гидденса, абстрактное доверие – это продукт «позднего модерна», связь веры и уверенности, которая позволяет понять весь социальный порядок [17, с. 56]. В условиях города доверие представляется в качестве значимого социального ресурса, обеспечивающего возможность социально-пространственной интеграции.

Уровень доверия и отношение к своему городу взаимосвязаны: те, кто доверяет соседям, чаще испытывают гордость за свой город, готовы брать на себя ответственность за его состояние и в меньшей степени настроены на переезд (табл. 3).

Таблица 3

Взаимосвязь отношения респондентов к своему городу и их доверия соседям, %

Table 3

Relationship between the attitude of respondents to their city and their trust in neighbours, %

Утверждения, с которыми респонденты согласны	Вариант ответа на вопрос: «Доверяете ли Вы своим соседям?»		
	Да	Нет	Трудно сказать
Я люблю свой город и в ближайшем будущем не планирую переезжать	57,9	20,5	21,6
Я ощущаю ответственность за благоустройство и привлекательность своего города	74,7	11,6	13,7
Я горжусь своим городом и хотел бы передать это чувство детям	75,7	8,6	15,7

В научном дискурсе устоявшимся является мнение о том, что уровень доверия значительно влияет на экономическое и политическое развитие, рост благосостояния, функционирование структур гражданского общества. Однако как взаимосвязаны доверие населения и развитие городской среды? Переходит ли межличностное доверие (доверие своим соседям) на системный уровень (доверие горожанам в целом, местным властям, государству)?

В целях более глубокого анализа статистической связи между зависимой переменной (в данном случае ощущением внутригрупповой поддержки) и несколькими независимыми (предикторными) переменными (системное доверие, ответственность, способность объединяться, социальная активность) был использован метод дерева решений. С помощью данного метода осуществляется последовательное

расщепление выборки таким образом, чтобы можно было определить важные предикторы для зависимой переменной (ощущение внутригрупповой поддержки) и установить окончательные группы, в которых целевая категория зависимой переменной представлена наиболее развернуто. Спрогнозированным значением объявляется категория с самой высокой процентной долей. Метод был выбран по причине наглядности результатов (в виде иерархической структуры дерева) и возможности работать с большим количеством переменных. На входе были загружены все переменные, затем алгоритм отобрал наиболее значимые. Основные элементы дерева решений показаны на рис. 3 (узлы 3, 9 и 10 по варианту ответа «трудно сказать» не отображены из-за их меньшей значимости для интерпретации результатов).

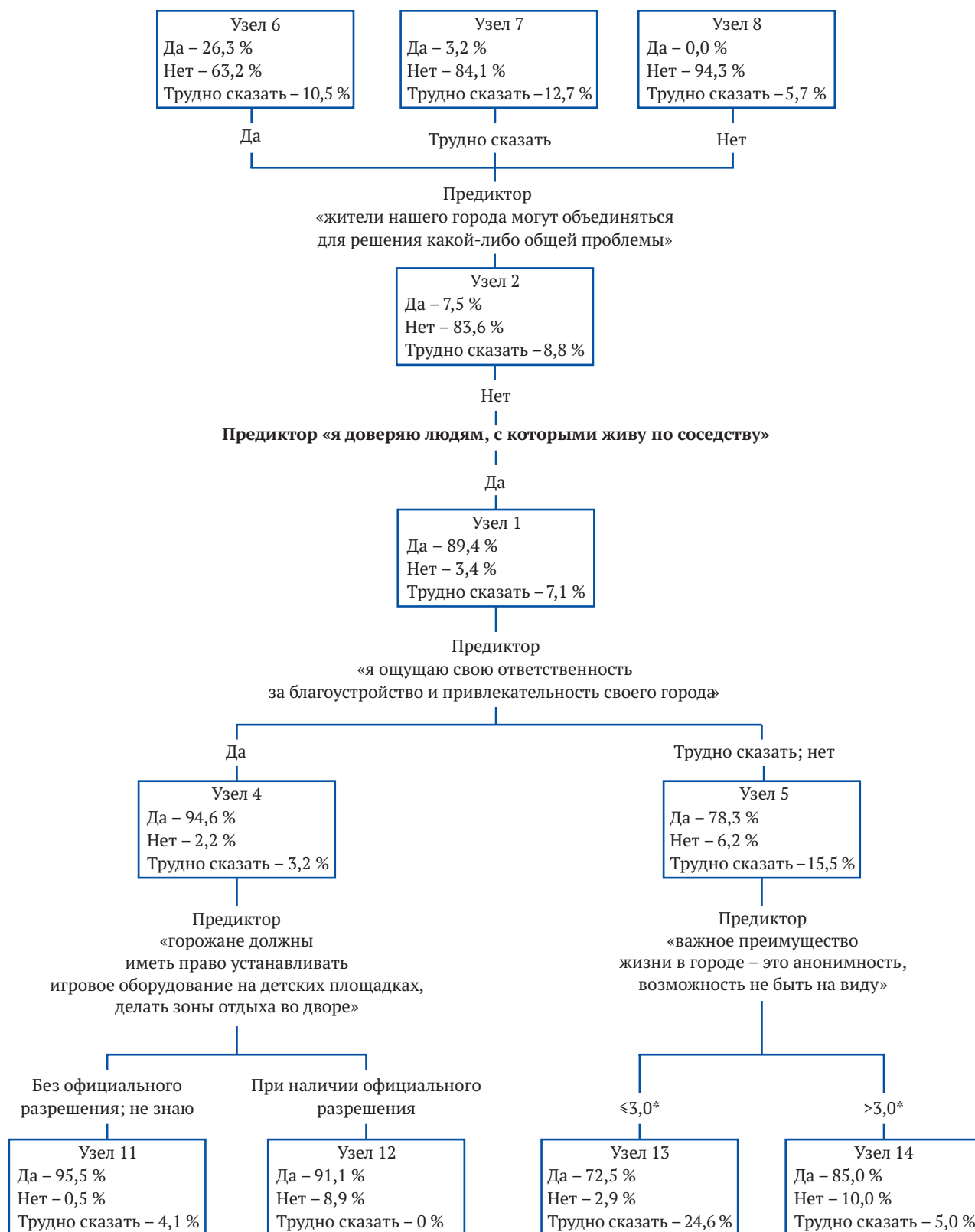

Рис. 3. Взаимосвязь внутригрупповой поддержки, доверия и общей активности горожан.

Звездочкой обозначена степень важности по шкале от 1 («совсем не важно») до 5 («очень важно»)

Fig. 3. Relationship of intra-group support, trust and general activity of citizens.

A star indicates the degree of important on a scale from 1 («not at all important») to 5 («very important»)

В качестве зависимой переменной было выбрано утверждение: «Я ощущаю поддержку со стороны соседей в трудных жизненных ситуациях». Исходная выборка содержала ответы 800 респондентов, впоследствии разделенные на три группы: «да» (так ответили 50,0 % опрошенных), «нет» (29,6 %) и «трудно сказать» (20,4 %). В ходе построения дерева классификации в зависимой переменной (см. рис. 3) была выделена категория «да», тем самым было обозначено стремление отметить тех, кто ощущает поддержку соседей. Все оставшиеся переменные, задействованные в исследовании, были отнесены к независимым. Наблюдения по категории респондентов, ощущающих поддержку, предсказываются с вероятностью 90,8 %, не ощущающих ее – с вероятностью 79,7 %. Соответственно, построенная модель лучше предсказывает тех, кто ощущает поддержку (общая точность прогноза составляет 83,3 %).

Из всех переменных, используемых в анализе, наилучшим предиктором для зависимой переменной стал показатель доверия (предиктор «я доверяю соседям»): $p = 0$, $\chi^2 = 813,332$, $df = 4$ (узлы 1 и 2 на рис. 3). В результате выборка разделилась на три группы. В группе респондентов, доверяющих соседям, сосредоточились преимущественно горожане, ощущающие внутригрупповую поддержку (89,4 %), среди не доверяющих соседям респондентов наблюдается противоположная ситуация (не ощущают внутригрупповую поддержку 83,6 % опрошенных).

В группе респондентов, доверяющих соседям, с ощущением поддержки сильнее всего связан предиктор «я ощущаю ответственность за благоустройство и привлекательность своего города» (узлы 4 и 5).

Узел 6 в большей степени связан с предиктором «жители города могут объединяться для решения какой-либо общей проблемы». Таким образом, группу с высокой долей тех, кто не ощущает внутригрупповой поддержки, составляют те, кто не доверяет соседям и не считает возможным объединяться с другими горожанами для решения какой-либо проблемы.

Узлы 11 и 12 свидетельствуют о том, что группу с большим количеством респондентов, ощущающих поддержку, составляют те, кто доверяет соседям, ощущает ответственность за городское благоустройство и, самое главное, готов проявлять активность в нем (устанавливать игровое оборудование на детских площадках, организовывать во дворе зоны отдыха). Также стоит отметить, что узел 11 содержит ответы 52,8 % респондентов, ощущающих внутригрупповую поддержку, показатель отклика в этом узле составляет 95,5 %, т. е. абсолютное большинство наблюдений в узле 11 относятся к тем, кто ощущает поддержку соседей. Показатель индекса для этого узла составляет 191,0 %, т. е. горожане, ощущающие поддержку со стороны соседей, вдвое чаще готовы активно участвовать в благоустройстве своего двора, чем все

респонденты выборки. Узлы 13 и 14 показывают, что те горожане, которые ощущают внутригрупповую поддержку и доверяют соседям, но при этом не ощущают ответственности за благоустройство, одним из важных преимуществ жизни в городе считают анонимность, а также возможность затеряться среди других и не быть на виду (см. рис. 3).

Обнаруженные закономерности иллюстрируют следующие качественно различные процессы социально-пространственной инклюзии:

- формирование доверительных отношений;
- появление чувства внутригрупповой поддержки;
- превращение пассивного горожанина в активный субъект, готовый к преобразованию городской среды.

Сочетание всех трех интегрирующих процессов образует специфический городской габитус, т. е. обеспечивает превращение среды обитания в специфическую социальную среду. П. Штомпка закономерно подчеркивал политическую значимость социального доверия, поскольку его наличие является неотъемлемым условием жизнеспособности политической системы [18, с. 117].

Если распространить эту мысль на развитие городской среды, то уровень социального доверия обеспечивает типичный для данного города (района) модус социально-пространственной инклюзии, где на одном полюсе находятся максимальная ответственность, активность и вовлеченность горожанина, а на другом – изоляция, сегрегация, эскапизм, равнодушие и апатия по отношению к окружающей среде.

Устойчивая доверительная соседская коммуникация оказывает непосредственное влияние и на чувство ответственности за свой город, и на готовность приложить коллективные усилия в случае трудностей, запуская механизмы производства пространства или собственной логики городского развития. Для городских властей самоорганизация граждан – это «шанс на экономическую разгрузку и стабилизацию существующих систем представительной демократии» [19, с. 37]. По этой причине образ активного горожанина, готового взять на себя ответственность за сообщество, легко совместим с либеральным представлением о государстве [19, с. 51] и, наоборот, преобладание вертикальных коммуникаций чаще ассоциируется с патернализмом горожан, стремлением перекладывать решение проблем на представителей власти и избегать необязательных контактов с другими горожанами. В этом смысле город можно сравнить с лабораторным конструктом, универсальной моделью общества, где происходят сложные динамические процессы и кристаллизируются устойчивые социальные структуры, при этом «результаты стратегий роста городов всегда являются политическими» [20, р. 170].

Заключение

Развитие городской среды имеет собственную логику, которая формирует специфику конкретных локально-территориальных образований. При этом основополагающее значение для развития подобной внутренней логики имеют социальные практики горожан. Фактически городская среда представляет собой механизм взаимного согласования человека и социума. Локально-специфические факторы организации городской среды влияют не только на физическое пространство города, но и на совокупность сформировавшихся в нем социальных практик и отношений. Это приводит к созданию особых паттернов солидарности, в частности городского габитуса как набора уникальных механизмов и путей социальной интеграции на материальном (встречи горожан в общественных пространствах), социальном (самоидентификация, ощущение принадлеж-

ности к группе) и институциональном (образование новых социальных структур и субъектов) уровнях. В данном случае городская среда выполняет функцию медиума социальной коммуникации, а социокультурные различия между городами выступают как различия между структурами воспроизводства собственного габитуса. Эмпирически измеряемые параметры городского габитуса находятся в плоскости взаимодействия горожан. Можно выделить такие качественно разные процессы социальной интеграции, как доверие, внутригрупповая поддержка и формирование субъекта взаимодействия. Воспроизводство латентной структуры города, как уникальное сочетание указанных процессов интеграции, означает воспроизводство структуры общества в целом, т. е. определяет специфику социального развития.

Библиографические ссылки

1. Турен А. *Возвращение человека действующего. Очерк социологии*. Грецкий МН, редактор; Самарская ЕА, переводчик. Москва: Научный мир; 1998. 204 с.
2. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть. Иванов ВИ, переводчик. *THESIS*. 1993;2:137–150.
3. Steward JH. *Evolution and ecology. Essays on social transformation*. Urbana: University of Illinois Press; 1977. 406 p.
4. Гидденс Э. *Устроение общества: очерк теории структуризации*. Москва: Академический проект; 2005. 528 с.
5. Штомпка П. *Социология социальных изменений*. Ядов ВА, переводчик. Москва: Аспект пресс; 1996. 416 с.
6. Арнасон Й. Коммунизм и модерн. Масловский МВ, переводчик. *Социологический журнал*. 2011;1:10–36.
7. Glaser BG, Strauss AL. *The discovery of grounded theory: strategies for qualitative research*. New York: Aldine de Gruyter; 1967. 271 p.
8. Фливиборг Б. Недоразумения в связи с «case-study». *Социологические исследования*. 2005;4:110–120.
9. Ольденбург Р. *Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества*. Широканова А, переводчик. Москва: Новое литературное обозрение; 2014. 456 с.
10. Вирт Л. *Избранные работы по социологии. Сборник переводов*. Гирко ЛВ, редактор; Николаев ВГ, переводчик. Москва: ИНИОН РАН; 2005. 243 с.
11. Гарфинкель Г. Исследование привычных оснований повседневных действий. Турчанинова ЮИ, Гусинский ЭН, переводчики. *Социологическое обозрение*. 2002;2(1):41–69.
12. Бократ Ф. Городской габитус и габитус города. В: Беркинг Х, Лёв М, редакторы. *Собственная логика развития городов. Новые подходы в урбанистике*. Левинсон К, переводчик. Москва: Новое литературное обозрение; 2019. с. 103–127.
13. Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения. Шматко НА, Радаев ВВ, редакторы; Кирчик ОИ, переводчик. *Экономическая социология*. 2005;6(3):25–48.
14. Williams R. *The long revolution*. Middlesex: Penguin; 1965. 399 p.
15. Lee M. Relocating location: cultural geography, the specificity of place and the city habitus. In: McGuigan J, editor. *Cultural methodologies*. London: Thousand Oaks; 1996. p. 126–141.
16. Luhman N. Familiarity, confidence, trust: problems and alternatives. In: Gambetta D, editor. *Trust: making and breaking cooperative relations*. Oxford: University of Oxford; 2000. p. 94–107.
17. Гидденс Э. *Последствия современности*. Ольховиков ГК, Кибальчич ДА, переводчики. Москва: Праксис; 2011. 352 с.
18. Штомпка П. *Доверие – основа общества*. Морозова НВ, переводчик. Москва: Логос; 2012. 445 с.
19. Кратцвальд Б. Городская совместность: диссидентские практики в эмансипаторных пространствах. В: Делленбо М, Кип М, Бьеньек М, Мюллер АК, Швигман М, редакторы. *Urban commons. Городские сообщества за пределами государства и рынка*. Безуглов Д, переводчик. Москва: Новое литературное обозрение; 2020. с. 34–55.
20. Le Galès P. Urban governance and policy networks: on the political boundedness of policy networks, the French case study. *Public Administration*. 2001;1(79):167–184.

References

1. Touraine A. *Le retour de l'acteur: Essai de sociologie* [The return of the acting man. Essay of sociology]. Paris: Librairie Arthème Fayard; 1984. 350 p.
Russian edition: Touraine A. *Vozvrashchenie cheloveka deistvuyushchego. Ocherk sotsiologii*. Gretskaa MN, editor; Samarckaya EA, translator. Moscow: Nauchnyi mir; 1998. 204 p.
2. Bourdieu P. *Les choses dites*. Paris: Éditions de Minuit; 1987. Espace social et pouvoir symbolique; p. 147–166.
Russian edition: Bourdieu P. [Social space and symbolic power]. Ivanov VI, translator. *THESIS*. 1993;2:137–150.
3. Steward JH. *Evolution and ecology. Essays on social transformation*. Urbana: University of Illinois Press; 1977. 406 p.

4. Giddens E. *Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturatsii* [The structure of society: an essay on the theory of structuration]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2005. 528 p.
5. Sztompka P. *The sociology of social change*. Oxford: Blackwell; 1993. 348 p.
Russian edition: Sztompka P. *Sotsiologiya sotsial'nykh izmenenii*. Yadov VA, translator. Moscow: Aspekt press; 1996. 416 p.
6. Arnason J. Communism and modernity. *Daedalus*. 2000;1:61–90.
Russian edition: Arnason J. Communism and modernity. Maslovskii MV, translator. *Sociological Journal*. 2011;1:10–36.
7. Glaser BG, Strauss AL. *The discovery of grounded theory: strategies for qualitative research*. New York: Aldine de Gruyter; 1967. 271 p.
8. Flivbjorg B. [Misunderstandings related to case-study]. *Sociological Research*. 2005;4:110–120. Russian.
9. Ol'denburg R. *Tret'e mesto: kafe, kofeini, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta «tusovok» kak fundament soobshchestva* [The great good place: cafes, coffe shops, bookstores, bars, hair salons and other hangouts at the heart of community]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2014. 456 p. Russian.
10. Wirth L. *Izbrannye raboty po sotsiologii. Sbornik perevodov* [Selected works in sociology. Collection of translations]. Girko LV, editor; Nikolaev VG, translator. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; 2005. 243 p.
11. Garfinkel G. *Studies in Ethnomethodology*. New Jersey: Prentice Hall; 1967. Chapter 2, Studies of the routine grounds of everyday activities; p. 35–75.
Russian edition: Garfinkel H. [An exploration of the habitual foundations of daily activities]. Turchaninova YuI, Gusinskii EN, translators. *Russian Sociological Review*. 2002;2(1):41–69. Russian.
12. Bokrat F. [Urban habitus and city habitus]. In: Berking Kh, Lev M, editors. *Sobstvennaya logika razvitiya gorodov. Novye podkhody v urbanistike* [Own logic of urban development. New approaches in urban studies]. Levinson K, translator. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2019. p. 103–127. Russian.
13. Bourdieu P. Dinstinction: a social critique of the judgement of taste. In: Grusky D, editor. *Social stratification: class, race, and gender in sociological perspective*. Boulder: Westview Press; 1994. p. 404–429.
Russian edition: Bourdieu P. *Razlichenie: sotsial'naya kritika suzhdeniya*. Shmatko NA, Radaev VV, editors; Kirchik OI, translator. *Journal of Economic Sociology*. 2005;6(3):25–48.
14. Williams R. *The long revolution*. Middlesex: Penguin; 1965. 399 p.
15. Lee M. Relocating location: cultural geography, the specificity of place and the city habitus. In: McGuigan J, editor. *Cultural methodologies*. London: Thousand Oaks; 1996. p. 126–141.
16. Luhman N. Familiarity, confidence, trust: problems and alternatives. In: Gambetta D, editor. *Trust: making and breaking cooperative relations*. Oxford: University of Oxford; 2000. p. 94–107.
17. Giddens E. *Posledstviya sovremennosti* [Implications of modernity]. Ol'khovikov GK, Kibal'chich DA, translators. Moscow: Praxis; 2011. 352 p. Russian.
18. Sztompka P. *Zaufanie – fundament spoleczenstwa*. Krakow: Wydawnictwo Znak; 2007. 420 s.
Russian edition: Sztompka P. *Doverie – osnova obshchestva*. Morozova NV, translator. Moscow: Logos; 2012. 445 p. Russian.
19. Kratzwald B. [Urban commons. Dissident practices in emancipatory spaces]. In: Dellenbo M, Kip M, B'en'ek M, Myuller AK, Shvegman M, editors. *Urban commons. Gorodskie soobshchestva za predelami gosudarstva i rynka* [Urban commons. Urban communities beyond the state and the market]. Bezuglov D, translator. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2020. p. 34–55. Russian.
20. Le Galès P. Urban governance and policy networks: on the political boundedness of policy networks, the French case study. *Public Administration*. 2001;1(79):167–184.

Статья поступила в редколлегию 04.07.2023.
Received by editorial board 04.07.2023.

УДК 141.45:291.1

НОВЫЙ АТЕИЗМ: ГЕНЕЗИС И ФОРМИРОВАНИЕ

Д. К. БЕЗНЮК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается феномен «новый атеизм» – форма современного свободомыслия, которая имеет немало сторонников в западной интеллектуальной традиции. Указывается на то, что поводом к выходу нового атеизма на культурную арену стали террористические атаки 11 сентября 2001 г. в США с участием исламских экстремистов, что привлекло внимание к проблеме религиозной мотивации мышления и поведения современного человека. Предпринимается попытка выяснить факторы формирования нового атеизма. Описываются интеллектуальные, теоретические и методологические условия возникновения данного феномена (традиция атеизма и свободомыслия в американской и европейской культурах, философские и психологические учения XVIII–XX вв.) и конкретно-исторические условия, в рамках которых он начал свое восхождение (роль протестантских групп в политической жизни США, культура пост-модерна, миграционные процессы, последствия секуляризации и др.).

Ключевые слова: религия; новый атеизм; критика; факторы; условия; религиозная вера; война; креационизм; экстремизм.

Образец цитирования:

Безнюк ДК. Новый атеизм: генезис и формирование. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2023;3:63–68.
EDN: TZEKJK

For citation:

Bezniuk DK. New atheism: genesis and formation. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;3:63–68. Russian.
EDN: TZEKJK

Автор:

Дмитрий Константинович Безнюк – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Dmitry K. Bezniuk, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

mayo-r-r@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3546-3748>

NEW ATHEISM: GENESIS AND FORMATION

D. K. BEZNIUK^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The author of the article refers to the phenomenon of new atheism, which is a form of modern free-thinking and has many supporters in the Western intellectual tradition. Attention is drawn to the fact that the reason for the entry of new atheism into the cultural arena was the terrorist attacks of 2001 September 11 in the United States of America with the participation of Islamic extremists, which drew attention to the problem of religious motivation in the thinking and behaviour of modern man. The article attempts to identify and clarify the causes of the new atheism and the factors that contributed to its formation. The author draws attention to the intellectual, theoretical and methodological conditions for the emergence of the new atheism (the tradition of atheism and freethinking in American and European cultures, philosophical and psychological teachings of the 18–20th centuries) and the specific historical conditions under which the new atheism began its ascent (the influence of Protestant groups in the political life of the USA, postmodern culture, migration processes, the consequences of secularisation, etc.).

Keywords: religion; new atheism; criticism; factors; conditions; religious faith; war; creationism; extremism.

Как известно, сила действия равна силе противодействия. Видимо, данный закон Ньютона может распространяться и на социокультурные явления. В области религиозного мировоззрения это иллюстрируется на примере своеобразного маятника в диапазоне вера – атеизм.

Под феноменом «новый атеизм» понимают современную версию свободомыслия – систему анти-теистических, антирелигиозных, антиклерикальных идей научных и общественных деятелей США и Великобритании начала XX в. Основным тезисом представителей нового атеизма выступает идея о принципиальной противоположности и несовместимости иррациональной природы религиозной веры и научного мировоззрения.

Название «новые атеисты» было присвоено группе англоязычных ученых и общественных деятелей, которые с 2004 г. стали поднимать проблему негативного влияния религии на современную цивилизацию [1, с. 108]. Так, апостолами нового атеизма принято считать британского биолога-эволюциониста Р. Докинза (род. в 1941 г.), американского публициста С. Харриса (род. в 1967 г.), американского журналиста и писателя К. Хитченса (1949–2011 гг.) и американского философа Д. Деннета (род. в 1942 г.)¹.

Профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета В. К. Шохин отмечает, что журналистский профессионализм нередко состоит в том, чтобы умело изобретать и, соответственно, продвигать бренды, которые могут содержать в себе то или иное событие и благодаря ему попасть в фокус внимания широкой публики. Ученый подчеркивает, что можно «...запеленговать и “новый атеизм”, который выставляет такие счета религиям, по которым им, привыкшим иметь дело с атеизмом “старым”, уже очень трудно будет заплатить. Новый феномен оказался конструктивен потому, что помог открыть много новых “рабочих мест”. Теисты ста-

ли с ним активно полемизировать... а соперники-атеисты стали изобретать модели уже “новейших атеизмов” – совсем как разработчики новых автомобилей, поскольку мы и здесь находимся на территории рыночной экономики, развивающейся по законам свободной конкуренции» [2, с. 50].

Новый атеизм сформировался под влиянием нескольких факторов. Идейные предпосылки его возникновения можно найти в англо-американской, что естественно для локализации данного феномена, и европейской (континентальной) традиции свободомыслия и критики религии.

Если говорить об англо-американской традиции, то здесь следует упомянуть прежде всего Т. Г. Гексли (1825–1895) – представителя британской дарвинистской традиции, английского зоолога-эволюциониста, который за бескомпромиссную защиту идей Ч. Дарвина получил прозвище Бульдог Дарвина. Кроме того, в этом ряду необходимо отметить представителей американской школы свободомыслия: политического деятеля и вдохновителя американской революции Т. Пейна (1737–1809), философа, врача и историка Дж. Дрейпера (1811–1882), а также публициста и юриста Р. Ингерсолла (1833–1899).

Будучи деистом и сторонником религиозного рационализма, Т. Пейн старался поколебать библейскую и христианскую мифологию и создать свою, очищенную от суеверий религию. Дж. Дрейпер, опираясь на идеи Ч. Дарвина и Г. Спенсера, отрицал в историческом процессе Божественное предопределение и откровение и отстаивал наличие естественных закономерностей развития природы и общества. Р. Ингерсол, будучи хорошим оратором, прославился апологией агностицизма и публичными антирелигиозными лекциями (опирался на наследие Т. Пейна и Дж. Дрейпера). Он даже был уволен из школы за пренебрежительные высказывания о баптизме и просветительскую деятельность. Мировоззрение

¹Корреспондент журнала «Wired» Г. Вольф в статье «Церковь неверующих» (2006) назвал С. Харриса, Д. Деннета и Р. Докинза новыми атеистами, а их позицию охарактеризовал как догматичную, нетерпимую и излишне агрессивную [3].

американского деятеля основывалось на агностицизме и натурализме, он высоко ценил дарвинизм, науку и критику религии и церкви.

Российский исследователь В. В. Слепцова считает, что творчество английского философа Б. Рассела (1872–1970), известного своей критикой религии и клерикализма, можно назвать источником нового атеизма. Однако некоторые исследователи (например, российский философ В. К. Шохин) отказывают новым атеистам в привилегии считаться наследниками Б. Рассела в силу недостаточной теоретичности и публицистичности своих аргументов [2, с. 151–152].

Некоторые специалисты считают, что новый атеизм уходит корнями во времена американского общественного движения «брайтс», зародившегося в 2003 г. (англ. *brights* – яркий; в переносном смысле имеет значение «умный», «сообразительный»). Его инициаторы П. Гейсерт и М. Фатрелл собрали под свои знамена сторонников натуралистического мировоззрения, т. е. тех, кто свободен от иррационализма (религии, мистицизма и всего сверхъестественного). Представители данного движения были обеспокоены тем, что нерелигиозный человек в США воспринимается с подозрением и недоверием. С 2009 г. это объединение действует под лозунгом «Просвещение и развитие натуралистического мировоззрения». Однако, например, российский религиовед Д. Узланер считает, что не движение «брайтс» вдохновило классиков нового атеизма, а новые атеисты сделали его популярным [4].

Если говорить о европейских (континентальных) предпосылках формирования нового атеизма, то в первую очередь нужно отметить богатейшую традицию критики религии в европейском Просвещении: долгий XVIII в. отказывался от религиозного мировоззрения, заменял веру разумом, возводил в культ научное мышление. В этот период была предложена вполне социологическая перспектива анализа религии, которая заключалась в подходе к религии как к социальному институту с четкими функциями, субъектами и структурами. Однако новый атеизм отдал предпочтение мыслителям с другими идеями: Ж. Мелье (1664–1729) с его идеей человеческой природы всех «божественных» законов, служащих только порабощению людей и управлению ими, Ш. Монтескье (1689–1755), полагавший, что введение в политику религиозных норм и законов пагубно сказывается на ее результатах, Ж. Ламетри (1709–1751), который был уверен в том, что религия отрывает человека от земных дел и идей прогресса и справедливости, Д. Дидро (1713–1784), кото-

рый вывел природу войн из прибыльности статуса священника, К. Гельвецию (1715–1771) с его идеей иллюзорности добра религии и реальности причиняемого ей зла, П. Гольбаху (1723–1789), сравнивавшему религию с ядом, который отравляет человека с детства², Ж. Робине (1735–1820), возводившему инстинкт в ранг морального принципа. Естественным продолжением эпохи Просвещения стал позитивизм О. Конта (1798–1857). Именно в рамках позитивизма сформировался проект социологии – подлинной науки об обществе. На смену религиозному и философскому мировоззрению пришло позитивистское (научное), была достигнута социальная гармония, «богом» стали разум и наука³.

Одним из ответвлений позитивизма (правда, очень своеобразным), следы которого можно обнаружить в новом атеизме, является марксистская критика религии, но, скорее, не в философском дискурсе, а в разрезе установки на приоритетность науки и отказ от любых форм иррационализма, веры в силу разума человека и взгляда на религию как на исторически проходящее явление, которое приносит больше зла, чем пользы.

Также в данном контексте необходимо отметить статью «Будущее одной иллюзии» (1927) австрийского психолога З. Фрейда (1856–1939), задавшую методологию еще одного подхода к критике религии.

Кроме интеллектуальных предпосылок формирования нового атеизма, присутствовали также культурные и политические факторы становления этого феномена. Террористические атаки 11 сентября 2001 г. в США обусловили объективацию нового атеизма. Погибло более 3000 человек. Организаторами и исполнителями теракта оказались члены исламской террористической организации «Аль-Каида». Одной из реакций на эти трагические события стала опубликованная в 2004 г. книга «Конец веры: религия, террор и будущее разума», написанная классиком нового атеизма С. Харрисом. Издание сразу стало бестселлером. Автор утверждал, что именно теракты 11 сентября 2001 г. подтолкнули его к созданию книги. В ответ на критику своей работы он опубликовал произведения «Письмо к христианской нации» (2006) и «Моральный ландшафт» (2010). С. Харрис указывает на то, что исламскими экстремистами движет только чувство ненависти, источником которого выступают религиозные убеждения [5, с. 14].

С. Харрису вторит К. Хитченс. В своей книге «Бог не любовь. Как религия все отравляет» американский публицист выражает обеспокоенность по поводу исламизации как Ближнего Востока, так и Западной

²В данном ключе уместно вспомнить М. Бормана – начальника партийной канцелярии Национал-социалистической немецкой рабочей партии и личного секретаря А. Гитлера. Будучи ярким нацистом и атеистом, он всячески ограждал своих детей от информации о религии.

³К концу жизни, как известно, О. Конт пересмотрел эту схему и пришел к необходимости создать собственную квазирелигиозную доктрину служения человечеству как высшему существу. За девять лет до смерти он создал организацию «Позитивистское общество» и к концу жизни провозгласил себя ее «верховным жрецом».

Европы. В основе его беспокойства и критики лежит неприятие исламом устоявшихся социальных и культурных норм современной Европы. К. Хитченс указывает и на факты отрицания некоторыми исламскими лидерами достижений науки, в частности медицины. В связи с этим он приводит пример фетвы (решение исламского религиозного деятеля или органа по какому-либо вопросу), в которой вакцинация оценивается как тайная атака США и ООН против ислама [6, с. 22]. Данная позиция близка многим исследователям, которые обращают внимание на то, что всевозрастающий поток исламских мигрантов, направляющихся в Европу, обостряет проблему культурной и мировоззренческой адаптации мусульман к порядкам и устоям светского и демократического западного общества. По мнению новых атеистов, такая ситуация свидетельствует о неприятии западной модели общественного устройства со стороны приезжих. Неприятию подвергаются прежде всего те социальные нормы и свободы, которые ислам запрещает (гендерное равенство, эгалитарная семья, либеральные ценности и т. д.).

В более принципиальном плане К. Хитченс обвиняет ислам в тоталитаризме и отрицании свободы и автономии личности, коренящихся в исламском фатализме, согласно которому Аллах все предрешил [6, с. 112].

Политизация и радикализация ислама – не единственный вопрос, который вызывает беспокойство новых атеистов. Также они обращают внимание на рост политического влияния отдельных религиозных групп в странах Запада, особенно в США. В медиапространстве ведется дискуссия о воздействии протестантизма на американскую политику, а также о школах веры в Великобритании: «Одним из часто обсуждаемых вопросов является влияние религиозных групп в странах Запада на принятие решений по вопросам введения теории разумного замысла в школах, применения аборт, клонирования, эвтанази, суррогатного материнства, легализации гомосексуальных браков и др.» [7, с. 213].

Можно утверждать, что политические лидеры США вдохновляются религиозными идеалами и материализуют их в своей сфере. Следует отметить, что речь идет не о религии в целом, а о вполне конкретной религиозной идеологии – протестантском фундаментализме эсхатологической ориентации. Н. В. Ефременко отмечает, что на формирование концепций внешней и внутренней политики США большое значение имеет религия. Политическая активность американских граждан исторически обусловлена наличием христианских вероучений. Последние оказывают сильное воздействие на электоральные предпочтения американцев [8].

Современный российский исследователь А. В. Камалдинов подчеркивает, что в современном американском протестантизме основательную позицию

занимает направление диспенсационализма. Согласно этой концепции история мира делится на семь периодов, или диспенсаций. Окончание последней диспенсации – это описанный в книге «Апокалипсис» Армагеддон, во время которого праведники будут спасены буквально путем вознесения на небеса. В 1940-х гг. в связи с испытанием ядерного оружия и основанием Израиля влияние диспенсационалистов усилилось. Данное направление приняло форму ядерного диспенсационализма, или теологии Армагеддона: ядерная война трактуется как кульминация битвы добра со злом и средство отсеивания зерен от плевел (в последний момент битвы Иисус спасает человечество от полного уничтожения, сохранив группу верных ему людей).

Помимо диспенсационализма, существуют также течения протестантизма, поддерживающие беспощадный капитализм, например движение «евангелие процветания», уходящее корнями в кальвинизм. Оно проповедует мысль о том, что Иисус хочет, чтобы все мы были богатыми и могущественными. Такие крупные корпорации, как *Tyson Foods*, *Purdue*, *Walmart* и *Sam's Club*, принимают на работу евангельских капелланов с целью повысить мотивацию работников и таким образом становятся спонсорами фундаменталистских движений. Весь западный (особенно англоязычный) медийный и публицистический дискурс наполнен проповедями сторонников маргинальной религиозности и духовности, что в условиях слабости либо отсутствия сильных традиционных конфессий вызывает к жизни другие формы борьбы с обскурантизмом. Одной из таких форм и стал новый атеизм [9, с. 234–235].

Роль и значимость протестантизма в современной культуре США рассматриваются новыми атеистами как ключевое содержание эпохи постсекулярности, когда речь идет не о росте индифферентного отношения к религии, а о попытках ее возвращения в культурный космос современности в иных, более радикализированных и популистских формах.

Еще одним фактором становления идеологии новых атеистов, тесно связанным с политическим дискурсом, стала давняя дискуссия о генезисе войн. Основатели нового атеизма пошли проторенной дорогой и свели к религиозным причинам Крестовые походы, европейские религиозные столкновения, израильско-палестинский конфликт, раздел Индии, военный конфликт конца XX в. на Балканах и другие войны. Е. Г. Стрельцов, рассматривая тезисы новых атеистов по поводу генезиса войн, обратил внимание на то, что в их работах почти не затрагиваются национальные, идеологические и экономические аспекты вооруженных столкновений, акцент же делается лишь на негативном влиянии религии на причины военных конфликтов. Впрочем, отмечает ученый, «...может встретиться и сопряжение религиозного и идеологического факторов. К. Хитченс, например,

видит религиозную подоплеку не только в немецком фашизме, но и в советском сталинизме, указывая на устоявшуюся в России политическую культуру с высокой долей авторитаризма, имеющего корни в самодержавии», которое опиралось на Русскую православную церковь [7, с. 212].

В качестве фактора становления феномена нового атеизма необходимо отметить также непрекращающуюся со времени Ч. Дарвина дискуссию в рамках креационизма и эволюционизма. После возникновения теории эволюции Дарвина атеистический блок получил достаточно четкий и весомый аргумент в споре со сторонниками учения о разумном Божественном замысле относительно природного мира. Можно утверждать, что новый атеизм вдыхает жизнь в эволюционизм как важнейший инструмент противостояния и развенчания креационистской логики. В работах новых атеистов особая роль отводится теории эволюции как противовесу теории разумного замысла. Полемика о креационизме широко освещается в медиапространстве. В интернете существует большое количество форумов, где обсуждается данная тематика, освещается множество дискуссий между сторонниками атеизма, протестантами, а также представителями ислама.

Новые атеисты открыто называют приверженцев теории разумного замысла фундаменталистами и обскурантистами. Таким образом, новый атеизм выстраивает «свою антирелигиозную концепцию с позиции эволюционизма, борьбы с христианским фундаментализмом и в противовес распространению идей креационизма» [7, с. 212–213].

Анализ генезиса и формирования нового атеизма будет неполным, если не обратиться к общим культурно-историческим условиям становления новой атеистической доктрины. Что создавало саму атмосферу этого становления, задавало его рамки и направление? А. В. Камалдинов достаточно четко описывает такие условия.

Во-первых, процессы постсекуляризма неоднозначны. Они не свелись к возврату религии (религиозный ренессанс) в поле общества и культуры после эпохи классической секуляризации, а проявили себя в специфической трансформации как религии, так и светского пространства: в постсекулярном обществе сформировался запрос на странные гибридные формы религиозно-светской природы.

Во-вторых, новый атеизм вписан в концепцию гиперреальности Ж. Бодрийара. Он выступает гиперреальной разновидностью науки, дающей обывателю яркую картину, которая потребляется без всяких критических установок.

В-третьих, благодаря интернету, цифровизации и т. д. резко изменились технические возможности преподнесения и распространения информации. Кроме того, трансформировалось восприятие информации [9].

Подводя итог, можно отметить, что феномен нового атеизма, являясь продуктом англо-американской традиции Просвещения, выступает закономерной реакцией на такие социальные и культурные процессы, как десекуляризация, политизация религии, сциентизм и расширение возможностей информационного обмена.

Библиографические ссылки

1. Слепцова ВВ. Новый атеизм как феномен современного свободомыслия. *Вестник Московского университета. Серия 7, Философия*. 2015;1:107–118.
2. Шохин ВК. В чем все-таки новизна нового атеизма? *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1, Богословие. Философия. Религиоведение*. 2016;3:149–157.
3. Kettell S. *What's really new about new atheism?* *Palgrave Communications* [Internet]. 2016 [cited 2023 June 2]. Available from: <https://www.nature.com/articles/palcomms201699>.
4. Узланер Д. Новый атеизм: можно ли бороться за науку с помощью невежества? *Гедфтер* [Интернет]. 2017 [протитировано 2 июня 2023 г.]. Доступно по: <https://gedfter.ru/archive/21225#up2>.
5. Харрис С. *Конец веры: религия, террор и будущее разума*. Завалов МИ, переводчик. Москва: Эксмо; 2011. 496 с.
6. Хитченс К. *Бог не любовь. Как религия все отравляет*. Смелый К, переводчик. Москва: Альпина нон-фикшн; 2011. 365 с.
7. Стрельцов ЕГ. Предпосылки возникновения нового атеизма. *Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина*. 2017;1:210–214.
8. Ефременко НВ. *Религиозный фактор в эволюции политической системы США (XVII – начало XXI в.)* [диссертация] [Интернет]. 2005 [протитировано 2 июня 2023 г.]. Доступно по: <https://www.dissercat.com/content/religioznyy-faktor-v-evolyutsii-politicheskoi-sistemy-ssha-xvii-nachalo-xxi-vv>.
9. Камалдинов АВ. Становление нового атеизма: предпосылки возникновения. *Социология*. 2020;6:232–239.

References

1. Sleptsova VV. New atheism as a phenomenon of modern freethinking. *Moscow University Bulletin. Series 7, Philosophy*. 2015;1:107–118. Russian.
2. Shokhin VK. What is the novelty of the new atheism? *St. Tikhon's University Review. Series 1, Theology. Philosophy. Religious Studies*. 2016;3:149–157. Russian.
3. Kettell S. *What's really new about new atheism?* *Palgrave Communications* [Internet]. 2016 [cited 2023 June 2]. Available from: <https://www.nature.com/articles/palcomms201699>.

4. Uzlaner D. [New atheism: is it possible to fight for science with the help of ignorance?]. *Gefter* [Internet]. 2017 [cited 2023 June 2]. Available from: <https://gefter.ru/archive/21225#up2>. Russian.
5. Harris S. *Konets very: religiya, terror i budushchee razuma* [The end of faith: religion, terror and the future of reason]. Zavalov MI, translator. Moscow: Eksmo; 2011. 496 p. Russian.
6. Hitchens K. *Bog ne lyubov'. Kak religiya vse otravlyayet* [God is not love. How religion poisons everything]. Smelyi K, translator. Moscow: Alpina non-fiction; 2011. 365 p. Russian.
7. Streltsov EG. The new atheism background. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*. 2017;1:210–214. Russian.
8. Efremenko NV. *Religiozniy faktor v evolyutsii politicheskoi sistemy SShA (XVII – nachalo XXI v.)* [Religious factor in the evolution of the US political system (17th – beginning of the 21st century)] [dissertation] [Internet]. 2005 [cited 2023 June 2]. Available from: <https://www.dissercat.com/content/religiozniy-faktor-v-evolyutsii-politicheskoi-sistemy-ssha-xvii-nachalo-xxi-vv>. Russian.
9. Kamaldinov AV. Formation of new atheism: the prerequisites for its emergence. *Sociology*. 2020;6:232–239. Russian.

Статья поступила в редколлегию 06.09.2023.
Received by editorial board 06.09.2023.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЕ Р. СТАРКА

В. А. МАРТИНОВИЧ¹⁾

¹⁾Минская духовная академия, ул. Зыбицкая, 27, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируется проблема идентификации новых религиозных движений в исследовательской программе известного американского социолога религии Р. Старка. В общих чертах описывается наследие ученого, его вклад в развитие социологии религии и предпринятые им методологические сдвиги в анализе религиозных организаций с поправкой на диахроническую перспективу. Особое внимание уделяется представлению теоретико-методологических оснований типологии религиозных организаций Р. Старка, а также его концепции «напряжения с обществом». С опорой на результаты исследований автора статьи выявляются проблемные стороны методологии анализа и теоретического обоснования системы отношений религиозных организаций с обществом, предлагаемой Р. Старком. Вносятся конкретные теоретико-методологические предложения по решению вскрытых проблем, в том числе с опорой на исследование социальной идентификации религиозных организаций.

Ключевые слова: социология религии; социальная идентификация; новые религиозные движения; религия и общество; церковь; отвержение общества; «напряжение с обществом».

IDENTIFICATION OF NEW RELIGIOUS MOVEMENTS IN R. STARK'S RESEARCH PROGRAMME

V. A. MARTINOVICH^a

^aMinsk Theological Academy, 27 Zybickaja Street, Minsk 220030, Belarus

This article is devoted to the problem of identification of new religious movements in the research programme of the famous American sociologist of religion Rodney Stark. The author describes in general terms the legacy, contribution of the scientist to the development of the sociology of religion and the methodological shifts he made towards the analysis of religious organisations, also adjusted for a diachronic perspective. Particular attention is paid to the presentation of theoretical and methodological foundations of R. Stark's typology of religious organisations, as well as his concept of tension with society. Based on the results of the author's research, the problematic points proposed by R. Stark are identified, both in the methodology of analysis and in the theory of the system of relations between religious organisations and society. Specific theoretical and methodological proposals are made to resolve the revealed problems, including those based on the study of the social identification of religious organisations.

Keywords: sociology of religion; social identification; new religious movements; religion and society; church; rejection of society; tension with society.

Образец цитирования:

Мартинович ВА. Идентификация новых религиозных движений в исследовательской программе Р. Старка. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;3:69–81.
EDN: OHGMZN

For citation:

Martinovich VA. Identification of new religious movements in R. Stark's research programme. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;3:69–81. Russian.
EDN: OHGMZN

Автор:

Владимир Александрович Мартинович – доктор теологии, кандидат социологических наук; заведующий кафедрой апологетики.

Author:

Vladimir A. Martinovich, doctor of science (theology), PhD (sociology); head of the department of apologetics.
nrmsect@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2516-1153>

Введение

Родни Уильям Старк (1934–2022) относится к числу наиболее влиятельных социологов религии второй половины XX – начала XXI в.¹ Вокруг его исследовательской программы сформировалась международная научная школа. Основным результатом трудов Р. Старка является дедуктивная теория религии, разработанная им в тесном взаимодействии с У. С. Бэйнбриджем². Данная теория включает 7 аксиом, 104 определения категорий и понятий, а также логически выверенную систему из 344 тезисов, охватывающих религию во всем многообразии ее проявлений в статической и динамической перспективе [1]. Указанные тезисы отвечают критерию фальсифицируемости, значительная их часть подкреплена результатами социологических исследований. Спустя годы после завершения совместной с У. С. Бэйнбриджем работы Р. Старк напишет: «...уже никто из нас с достовер-

ностью не знал, кто и что привнес в теорию»³ [2, р. 10]. С течением времени Р. Старк ввел в теорию новые утверждения, уточнил некоторые формулировки, подкорректировал терминологию, но существенных изменений в концепцию не вносил [3–5]. Р. Старк является единственным социологом религии, разработки которого могут претендовать на статус теории среднего уровня. Отечественные социологи периодически обращают внимание на отдельные сегменты его теории, но наследие ученого все еще ожидает скрупулезного исследования на постсоветском пространстве. Настоящая статья посвящается анализу одного из элементов исследовательской программы Р. Старка – идентификации новых религиозных движений (далее – НРД) и не может претендовать на полноту охвата его теоретико-методологической системы представлений о религии.

Наследие Р. Старка

В границах социологии религии Р. Старк являлся инициатором двух дополняющих друг друга методологических сдвигов. Во-первых, ученый сместил акцент с изучения верующих на изучение религиозных организаций. Он не умалял значимости анализа общественного мнения и влияния религиозности на поведение людей. Р. Старк разрабатывал критерии религиозности (совместно с Ч. Глоком) [6, р. 18–38], исследовал религиозные предпочтения населения [7], социальный портрет людей, наиболее часто уходящих в НРД [8, р. 394–424], обусловленность ухода в НРД межличностными связями [9–10], влияние конфессиональной принадлежности на готовность людей обсуждать вопросы веры и религии в ближайшем социальном окружении [11], отношение пациентов психиатрических клиник к проблематике религии [12], зависимость делинквентного поведения от религиозности [13]. Кроме того, он занимался поиском альтернативной религиозной самоидентификации методов анализа религиозности населения [14], а также созданием методологии полевых исследований НРД [15]. Однако эти изыскания были значимы для него лишь в той степени, в какой их результаты позволяли сформулировать, уточнить или подтвердить тезисы в отношении деятельности религиозных групп. В качестве основного объекта исследования конфессионального пространства, наиболее значимого для развития социологического знания о религии, позиционировались не отдельные верующие, а религиозные организации. В рамках теории

религии Р. Старк и У. С. Бэйнбридж изучали жизненный цикл религиозных организаций. Эмпирические исследования ученых преследовали ту же цель.

Вопрос возникновения религий прорабатывался в рамках следующих теорий:

- теории схизмы, выявляющей факторы отделения сект от иных религиозных организаций и моделирующей это отделение [8, р. 99–125];
- теории культовой инновации в виде предпринимательской, психопатологической и субкультурно-эволюционной моделей, описывающих внутригрупповые процессы и внешние факторы, которые влияют на создание культов без отделения от иных религиозных организаций [16].

Исследование развития религиозных организаций включало анализ следующих аспектов:

- динамики развития, а также трансформации одних типов религиозных организаций в другие (например, трансформации сект в церкви [8, р. 149–167] либо, что более интересно, церквей в секты [3, р. 259–276]);
- организационных стратегий поддержания членства в религиозных организациях [17];
- географии распространения разных типов религиозных организаций (например, в США [18–20], Канаде [21], Западной Европе [22–24] и Латинской Америке [25]), в том числе с поправкой на уровень религиозности городского и сельского населения [26];
- динамики количества членов в разных типах религиозных организаций на определенных стадиях развития, а также факторов, замедляющих, ускоряющих

¹В 1961–1971 гг. Р. Старк работал социологом – исследователем Калифорнийского университета в Беркли, в 1971–2003 гг. – профессором социологии Вашингтонского университета, в 2004–2022 гг. – заслуженным профессором общественных наук и содиректором Института изучения религий Бэйлорского университета.

²В 1975–1982 гг. У. С. Бэйнбридж работал профессором социологии в Вашингтонском университете. До середины 1990-х гг. им было издано не менее 24 книг и статей в соавторстве с Р. Старком.

³Здесь и далее перевод наш. – В. М.

и стабилизирующих рост числа последователей этих сообществ [27–29];

- социально-психологических и иных условий получения откровений и видений членами разных типов религиозных групп [30; 31];

- взаимодействия разных типов религиозности и религиозных групп [32; 33].

Изучение темы распада религиозных организаций включало исследование средней продолжительности существования их разных типов, а также анализ факторов их ослабления, кризиса и распада [20].

Р. Старк проводил также социологический анализ отдельных организаций, таких как католическая церковь [14], движение сайентологов [17] и мормонов [34; 35], секта «свидетели Иеговы» [28], течение «христианская наука» [29] и др. При этом в трудах ученого присутствует установка на поиск информации по всем действующим в стране и мире религиозным организациям, включая малые религиозные группы и общности, не имеющие института постоянного членства. Р. Старк обоснованно считал, что работу социологов религии затрудняет тот факт, что количество религиозных организаций недосчитано, поэтому большинство выборок религиозных групп нерепрезентативны [23, р. 391]. Отсюда постоянное стремление ученого работать с информацией, касающейся максимально большого количества религиозных групп. В его трудах встречаются выборки, насчитывающие 417 сект и 501 культ в США [20, р. 133] и 1317 НРД в Западной Европе [22, р. 309]. В западной социологии религии с большими выборками НРД не работал никто, а систематический анализ большего количества религиозных организаций был проведен только Г. Мелтоном [36] и некоторыми другими энциклопедистами. Р. Старк наглядно показал, как работа с крупными выборками религиозных организаций приводит к значимым корректировкам представлений о месте и роли религии в обществе.

Во-вторых, ученый раскрыл эвристический потенциал обращения социологии религии к исследованиям конфессионального пространства в рамках исторической социологии. В его теории религии существенное внимание уделялось динамике разви-

тия религиозных организаций. Подтвердить или опровергнуть некоторые ее выводы можно было, лишь применив к историческим данным методы социологического анализа. Данное обстоятельство предопределило повышенное внимание Р. Старка к разработкам в исторической социологии религии. Вначале с опорой на статистический анализ данных по количеству и составу христиан Р. Старк предпринял успешную попытку реконструировать динамику роста христианства в первые столетия нашей эры [37]. Он по крупицам собирал сведения в источниках по истории Римской империи. В другом исследовании история христианства, реформации и преследований ведьм в Европе прочитывается Р. Старком, с одной стороны, как пример стремления населения к религиозному многообразию, а с другой – как пример устойчивого противодействия государства и традиционных церквей этому импульсу [38, р. 15–120]. Динамика и вариативность религиозных исканий Европы укладываются в набор шаблонно-предсказуемого поведения населения и столь же легко просчитываемых реакций на это поведение. Далее в соавторстве с Р. Финке, У. С. Бэйнбриджем и Л. Кент ученый анализировал данные по количеству, составу и географическому распределению разных типов религиозных организаций в США с конца XVIII по начало XXI в. [39–41]. С опорой на полученные результаты ученые выявили факторы формирования конфессионального пространства на протяжении всей истории США.

В работах по социологии религии Р. Старк не погружался в описание истории, но осуществлял именно социологическую реконструкцию места, функции, социального состава и динамики развития религиозных организаций в интересовавших его странах в определенные периоды. Уникальные компоненты исторического процесса рассматривались им в качестве второстепенных (по сравнению с общими принципами развития религиозных организаций в любой общественной системе). Массив информации по сектантству прошлых тысячелетий в значительной степени помог целостно представить разнородный исторический материал в рамках социологических моделей бытования религии.

Типология религиозных организаций

Прагматический подход Р. Старка не оставлял никаких шансов на выживание любой теме и теоретической конструкции, в значимости которых для общей теории религии социолог не был бы убежден. В лучших традициях бритвы Оккама он избавлялся от собственных и чужих теорий и концептов, представлявших ему излишними⁴. В ситуациях, когда сама

логика исследования позволяла Р. Старку что-то недосказать без ущерба для общей теории религии, он не развивал тему. При наличии возможности не обращаться к теме НРД при целостном анализе религии Р. Старк, безусловно, воспользовался бы ей. Однако ученый проводил множество полевых исследований и сталкивался с большим количеством материалов

⁴В изначальной версии теории религии существовало важное понятие «компенсаторы», от которого зависело определение религии, а также различие типов религиозных организаций. На рубеже XX и XXI вв. ученые упростили концептуальную схему теории религии и отказались от этого понятия [4, р. 265].

по НРД, требующих соответствующего объяснения. Он не мог пройти мимо оригинальных внутренних документов, книг, листовок, СМИ, артефактов и прочих материалов НРД. Сам факт существования НРД, порождающих столь огромные массивы данных в общественном дискурсе, представлял серьезный вызов для науки. В итоге тема НРД представлялась достаточно значимой: из 344 утверждений теории религии 118 напрямую затрагивают проблематику нетрадиционной религиозности [1, р. 325–350].

Основания для теории религии Р. Старк и У. С. Бэйнбридж взяли в теории социального обмена Хоманса и теории рационального выбора Смита. Р. Старку и У. С. Бэйнбриджу справедливо приписывают творческую адаптацию указанных теорий к нуждам социологии религии. Ядро теории религии, из которого дедуктивно развертывается вся система утверждений, заключается в следующем.

Для людей характерно стремиться к максимизации вознаграждений и минимизации издержек [8, р. 5–7]. Материальных вознаграждений недостаточно много, и они распределены неравномерно. Их нехватка восполняется обещанием вознаграждений, не существующих в материальном мире (например, обещание рая). Ввиду недоступности или редкости вознаграждений люди склонны формулировать объяснения того, как они смогут получить эти вознаграждения в далеком будущем либо в не поддающемся немедленной верификации контексте. Принятие таких объяснений предполагает акт доверия или веры. Объяснения диверсифицируют вознаграждения по следующим критериям: по степени ценности и общности, времени ожидания их получения, степени надежности, а также по уровню затрат, необходимых для их получения [3, р. 87–88]. Религиозные объяснения отличаются от светских отсылкой к сверхъестественному источнику вознаграждений и, соответственно, чрезвычайно высокой ценностью. Религиозные организации могут предлагать вознаграждения как в потустороннем, так и в материальном мире (например, чудесное исцеление), но во всех случаях отсылка к сверхъестественному источнику будет сохраняться. В поиске вознаграждений люди не обращаются к сверхъестественному, если имеют более доступные и эффективные альтернативы в виде материальных благ. По причине характерной для любого общества неравномерности распределения последних существует постоянный спрос на получение нематериальных вознаграждений, легитимность которых доказывается отсылкой к сверхъестественному. Религия определяется как объяснение действительности, основанное на допущении существования сверхъестественного и включающее утверждения о его природе и конечных экзистенциальных значениях.

Религия может иметь разные формы организации. Все существовавшие со времен М. Вебера типологии религиозных организаций критикуются Р. Старком как несостоятельные. В качестве исключения выступает лишь концепция Джонсона, в работе которого церковь представляется «религиозной группой, принимающей социальное окружение, в котором она существует, а секта – религиозной группой, отвергающей это окружение» [42, р. 542]. В отличие от Б. Джонсона ученые говорят не об отвержении общества, а о напряжении между религиозной группой и обществом в качестве квалификационного маркера ее «сектантскости». Так, секты поддерживают высокий уровень «напряжения с обществом»⁵, а церкви – низкий. Напряжение в отношениях с окружающей средой операционализируется через следующие показатели:

- различие – неприятие группой норм, правил и стандартов общества, вера в чужеродные для общества доктрины;
- антагонизм – наличие претензий у группы на собственную исключительность, стремление к спасению погибающего мира, сочетающееся с боязнью оскверниться, подпав под его влияние;
- отделение – социальная изоляция членов и руководства группы от внешнего мира.

При этом отмечается, что источником напряжения является не только религиозная организация, но и внешняя для нее среда. Указанная позиция религиозной группы замечается обществом и порождает враждебную реакцию либо, что в данном случае практически равнозначно, стремление избегать контактов с группой. Дистанция с обществом помогает группе сохранять свои девиантные нормы и практики, а сама организация образует девиантную субкультуру. Без определения понятия нормы и источников нормообразования концепция «напряжения с обществом» теряет смысл. Ученые считают ответы на данные вопросы очевидными и лишь кратко высказывают свою позицию на этот счет. Система норм образуется при комбинации двух параметров: среднего значения позиции населения по любому релевантному для анализа вопросу в заданный период (например, отношение к употреблению алкоголя в США в 2000 г.) и системы норм, поддерживаемых властью и элитами общества [43, р. 108–113].

Церкви и секты располагаются на разных краях континуума, отражающего определенные уровни напряжения между религиозной группой и обществом. Церкви глубоко интегрированы в общество, они фактически разделяют его нормативную базу, но все же поддерживают минимальный уровень напряжения. Секты, напротив, открыто конфликтуют с обществом. Р. Старк и У. С. Бэйнбридж достаточно

⁵«Напряжение с обществом» – дословный перевод с англ. *tension with society*.

условно разделили континуум на шесть уровней напряжения (низкий, средний, отчасти высокий, высокий, очень высокий и экстремальный) с примерами для каждого из них (так, секта «свидетели Иеговы» расположена на экстремальном уровне, а пятидесятники – на очень высоком) [8, р. 135]. Однако в рамках континуума границы между уровнями достаточно условны.

Умеренное «напряжение с обществом» рассматривается в качестве основополагающего условия роста любой религиозной организации, в том числе церкви. Точка уверенного и стабильного роста находится посередине континуума напряжения и не затрагивает его полюса (статус церкви, равно как и статус секты, обрекает на постепенное уменьшение количества последователей). Поддерживать умеренное напряжение на протяжении длительного времени достаточно сложно, но, если группа справляется с этой задачей, ей обеспечен стабильный прирост до тех пор, пока она не достигнет одного из полюсов континуума. По мере увеличения количества последователей поддерживать напряжение становится тяжелее.

Вопрос об изначальном источнике напряжения восходит к социальному неравенству и дифференциации населения по множеству параметров (пол, возраст, образование, социальный класс и т. д.), которые обеспечивают неравномерность доступа людей к материальным вознаграждениям. Религиозные организации предлагают множество нематериальных вознаграждений, предполагающих разный уровень «напряжения с обществом» с его недостижимыми материальными благами. Лишь частично неудовлетворенные люди будут выбирать умеренные версии напряжения, в то время как люди, лишенные всех возможных благ, будут приобщаться к религиозным организациям, которые предлагают высокий уровень «напряжения с обществом». Таким образом, среди населения изначально существует дифференцированный запрос на членство в религиозных организациях, поддерживающих разный уровень «напряжения с обществом». С учетом специфики этого запроса, включающего огромное количество следствий для жизни человека на разных уровнях напряжения, формируется конфессиональное пространство страны. Изменения в социальном статусе населения и в специфике дифференциации общества будут влиять на соответствующие перемены в среде акторов конфессионального пространства.

Никакая религиозная организация не может поддерживать весь искомый населением диапазон вариативности напряжения (например, категорически запрещать детям учиться в государственных школах и одновременно разрешать учиться только там). Ис-

токи религиозного многообразия лежат в глубокой древности, на первых этапах развития общественной системы. Исходя из этого, социологи делают важный вывод: религиозное многообразие является естественным состоянием конфессионального пространства любого общества, к которому по умолчанию стремится при упразднении попыток силового регулирования религиозной сферы⁶. При отсутствии внешнего вмешательства некоординированные действия совокупности религиозных организаций любой страны приведут к религиозному многообразию даже в том случае, если каждая из этих организаций будет преследовать собственные цели и задачи, стремиться к монополии и уничтожению конкурентов. В естественном состоянии религиозного многообразия церкви и секты будут равномерно распределяться на континууме напряжения в соответствии с характером и спецификой дифференциации общества и степенью доступности материальных благ.

К дополнительному обоснованию данного вывода ученые пришли, исследовав уровень религиозности населения и религиозное многообразие разных стран с поправкой на диахроническую перспективу. В начале Р. Старком и У. С. Бэйнбриджем была разработана оригинальная модель секуляризации как непрерывного и самоограничивающегося процесса, который ослабляет одни религиозные организации, но стимулирует появление других [45; 46]. Спустя некоторое время Р. Старк заявил о несостоятельности термина «секуляризация», так как разработанная модель показала, что ни в каком обществе не может быть достигнуто состояние повсеместного ослабления религии и религиозности. Заявления ученых об исчезновении религии свидетельствуют о плохом владении информацией насчет масштабов распространения религиозности во всем многообразии ее форм [23], а также насчет уровня религиозности прошлых столетий [47]. Р. Старк показал, что нет оснований считать, что уровень религиозности населения в период, предшествующий XIX в., был высоким. Ученый опровергает тезис о линейном негативном влиянии на уровень религиозности таких факторов, как научно-технический прогресс, модернизм, вытеснение традиционных церквей из разных сфер жизни общества. Ученый обнаружил самостоятельные источники генезиса религиозных организаций, а в качестве наиболее значимого внешнего фактора, влияющего на уровень религиозности, определил последовательное воздержание органов государственного управления от любых попыток воздействия на конфессиональную структуру общества, т. е. соблюдение принципов свободы совести и вероисповедания. Р. Старк детально

⁶Автор настоящей статьи также в свое время обосновал неизбежность существования религиозного многообразия в любом обществе, но с совершенно иной системой доказательств и вне всякой связи с теорией религии Старка – Бэйнбриджа [44, р. 172–217].

описал механизмы, которые неизменно приводят к снижению уровня религиозности при попытках искусственного регулирования конфессиональной сферы. Вопреки ряду временных благ признание какой-либо религии в качестве государственной всегда так же ударяло по ней, как и по остальным конфессиям. Исходя из этого, можно сделать важный вывод: последствия внешнего вмешательства в сферу религии в долгосрочной перспективе не могут быть дифференцированы для разных типов религиозных организаций. Вмешательство в конфессиональную сферу ведет к ослаблению традиционных религий и НРД, а его отсутствие способствует укреплению всех типов религиозности. Без внешнего влияния конфессиональное пространство естественным образом возвращается к позиции религиозного многообразия. Естественные изменения общества не могут остановить развитие религии [38, р. 17–20]. Соответственно, рост уровня религиозности во всем мире будет наблюдаться при сохранении всеми социальными институтами тенденции к реализации принципа свободы вероисповедания.

Религиозные организации находятся в процессе постоянных изменений. Упомянутый континуум включает как застывшие позиции, представленные религиозными институтами, так и пространство постоянных перемещений, выраженное в религиозных движениях. Институты располагаются на полюсе низкого напряжения и выступают «стабильным сектором социальной структуры, кластером ролей, норм, ценностей и действий, направленных на осуществление основных социальных функций» [8, р. 23]. В противоположность им в зависимости от вектора на континууме движения могут быть двух разновидностей. К сектантским движениям относятся религиозные группы, повышающие «напряжение с обществом» и развивающиеся по типу сект, а к церковным движениям – организации, снижающие напряжение и постепенно трансформирующиеся в церкви. По словам ученых, группа долгое время может оставаться сектой, являясь при этом церковным движением, т. е. может перемещаться по континууму в сторону снижения напряжения [8, р. 24]. Движения стремятся занять позиции институтов и стать доминирующей религией в обществе, но они крайне редко понимают, что для этого надо делать (стремясь стать церковью, они рискуют стать сектой).

Проблематика высокого уровня подвижности типов религиозных организаций, выражающаяся в анализе постоянных переходов сект в церкви и наоборот, является существенной составляющей теории Старка – Бэйнбриджа. В качестве наиболее значимого объекта внимания социологов постулируются изменения не в конфессиональной

самоидентификации населения, а в позиции максимально большого количества религиозных организаций в их отношении к обществу. Действительно, что дает социологу знание об изменениях в принадлежности населения к одной и той же организации, если не зафиксированы изменения в положении этой группы на континууме «напряжения с обществом»? Фиксация преобразований типа религиозной организации и актуального вектора ее движения (в сторону сближения с обществом или отдаления от него) важна не менее, чем фиксация изменений информации о количестве ее приверженцев. Некоторое время организация способна занимать определенную позицию на континууме и никуда не двигаться. Однако социолог не может исходить из допущения о неизменности ее статуса: покой, как и движение, должен фиксироваться. При этом следует учитывать, что подвижны не только малые религиозные группы, но и традиционные религии.

Секты разделяют крайнюю позицию на континууме с культурами. Их различает характер появления: секты откалываются от иных религиозных организаций, а культуры образуются в результате радикальной инновации. Однако ученые делают два важных уточнения.

Во-первых, если в момент появления религиозной организации уровень «напряжения с обществом» минимален, то она будет относиться к типу церкви. Логически это допущение предполагает возможность образования церквей в результате откола от сект (например, если причина откола заключается в недовольстве слишком высоким уровнем напряжения, а созданная организация поддерживает крайне низкое «напряжение с обществом») [8, р. 25].

Во-вторых, акцент на «напряжении с обществом» предполагает учет специфики религиозных традиций конкретного региона: группы, считающиеся своими в одной стране, будут восприниматься как чужие в другой. Миграция иностранных НРД рассматривается в качестве разновидности радикальной инновации, так как привносит в страну принципиально новые учения вне зависимости от формата их появления на родине. Так, для исторически христианских стран любые индуистские организации, даже традиционные для Индии, будут являться культурами, так же как и любые христианские церкви будут иметь статус культуры в Индии.

Наконец, культуры имеют три степени организации: культовые движения, клиентурные культуры и аудиторные культуры. Р. Старк и У. С. Бэйнбридж не включают эти понятия в общую теорию религии, не дают им четких определений и не оперируют ими⁷. Аудиторные культуры представлены в качестве размытых общностей, не имеющих устойчивого вероучения,

⁷В изначальной версии этой типологии различия между культовыми движениями, клиентурными, а также аудиторными культурами зависели от степени общности предлагаемых ими компенсаторов. Упразднение понятия «компенсаторы» нанесло существенный урон именно этой типологии.

организации и института членства. Их аудитория состоит из не связанных между собой людей, интересующихся творчеством того или иного духовного учителя или увлеченных конкретной псевдорелигиозной идеей, например лозоходством. Клиентурные культы имеют учение, являются чуть более организованными и допускают возможность временных контактов наставника с учеником. Культурные движения имеют развитую организацию, ве-

роучение и постоянных последователей. Чем менее организован культ, тем ниже его «напряжение с обществом» и тем меньшую враждебность он вызывает. Иначе говоря, аудиторные культы находятся ближе к полюсу церквей, чем клиентурные, а серьезное напряжение характерно только для культовых движений. Соответственно, чем менее организован культ, тем более широкие слои населения он охватывает [19, р. 200].

Идентификация НРД

В фундаментальном труде Р. Старка и У. С. Бэйнбриджа «Будущее религии: секуляризация, возрождение и формирование культов» есть раздел «Идентификация сект», в котором ученые отмечают, какие из религиозных организаций США подходят под предложенное ими определение понятия «секта» [8, р. 67]. В другой работе ученые отмечают, что «идентификация группы в качестве культа» не предполагает каких-либо оценочных суждений об относимой к числу культов организации [48, р. 104]. На протяжении своего научного пути Р. Старк идентифицировал в качестве сект и культов не менее 100 религиозных организаций. Идентификация НРД присутствует также в выдержавшем 10 переизданий учебнике Р. Старка по социологии [49, р. 387–412].

Идентификация НРД для Р. Старка – часть повседневной работы социолога с материалами религиозных организаций. Она подчиняется строгим правилам, которые представлены в виде критериев отнесения какой-либо организации к числу сект или культов, и не требует дополнительных оговорок как в каждом случае идентификации НРД, так и в каждой статье или монографии. Для текстов Р. Старка характерна некоторая легкость в идентификации НРД, за которой стоит глубокое владение материалами самих НРД. В поздних работах социолога по отношению к отдельным группам проскальзывают определенные симпатии, которые, однако, никоим образом не влияют на характер их идентификации. Так, мормоны – единственное НРД, которому Р. Старк посвятил целую монографию [35], – рассматривались ученым как самая перспективная и быстрорастущая

религиозная организация в мире, первый и единственный претендент на создание новой мировой религии после ислама. Внимание ученого к мормонам получило благоприятные отклики в их среде и сделало им серьезную рекламу. Это не помешало Р. Старку на страницах разных работ отнести мормонов к числу НРД (культов), а также констатировать, что мормоны не только не протестанты, но даже не христиане [35, р. 140]. Это лишнее подчеркило как нейтральность термина в его употреблении ученым, так и жесткое следование Р. Старка собственным критериям идентификации НРД.

В данном контексте невозможно обойти вниманием тот факт, что в рамках исследования динамики религиозных организаций социолог вместе с Р. Финке пришел к выводу о сектантском характере католической церкви в США в XIX – первой половине XX в. [39, р. 143–149]. Данный вывод убедительно обоснован. Католики в США более чем на столетие заняли позицию умеренного напряжения в отношениях с окружающей средой, т. е. позицию устойчивого роста, необходимую для укрепления организации. В результате ослабление церковной формы католицизма в Европе протекало на фоне укрепления сектантской формы католицизма в США. Вместе с тем в социологии религии впервые был проиллюстрирован процесс трансформации церкви в секту (не следует путать с отколом секты от церкви) и создан достаточно серьезный прецедент научно обоснованной идентификации католической церкви в качестве секты (на уровне одной страны в рамках конкретного периода).

Теоретико-методологические проблемы концепции «напряжения с обществом»

Концепция «напряжения с обществом» обладает серьезным эвристическим потенциалом, но предлагаемую Р. Старком и У. С. Бэйнбриджем методологию анализа напряжения нельзя назвать удовлетворительной. Установление напряжения и идентификация типа религиозной организации предполагают следующие этапы:

- опрос населения в целях выявления признаваемых в обществе норм;
- опрос членов религиозных групп для выяснения степени принятия выявленных норм;

- опрос отношения населения к разным религиозным организациям [8, р. 52].

При выявлении норм ученые ссылались на исследование других авторов, посредством опроса измеряли напряжение для 16 религиозных групп [43] и для сопоставимого числа организаций выясняли отношение населения к ним [8, р. 62–66]. Социологи признали неточность инструментария, но разработку лучшей методологии оставили другим специалистам, в выводах же отмечено: «Напряжение может быть измерено» [8, р. 67]. Это действительно так, но в рамках

предлагаемой методологии это возможно по отношению только к крупным организациям. В исследованиях конфессионального пространства во всем многообразии его представителей данные методы не работают. Причины этого позволяют вскрыть проблемы, требующие корректировки не только методологии, но и концепции «напряжение с обществом», а вместе с ней и теории религии в целом.

Во-первых, составить при опросе репрезентативную выборку представителей всех религиозных организаций, действующих в стране, невозможно по следующим причинам:

- генеральная совокупность религиозных организаций и распределение в ней ключевых характеристик неизвестны ни для одной страны;
- основная масса религиозных организаций представлена малыми группами с общим количеством членов не более 100 человек. Практически невозможно добиться репрезентативной выборки членов для каждой организации, что требует предложенная методология;
- предмет исследования – испытываемый к обществу антагонизм – не даст членам многих религиозных групп принять участие в опросе.

Во-вторых, ученые измеряли напряжение, опираясь на ограниченное количество показателей, но верно заметили, что увеличение их числа будет способствовать более точному результату [8, p. 127–130]. Однако вариативность показателей для многообразия религиозных групп сама является предметом дополнительного исследования.

В-третьих, открытый вопрос об отношении населения к религиозным группам будет показателем только на примере крупных организаций. Большинство НРД представлены малыми группами, известными столь же ограниченному кругу респондентов. При этом включение в опросный инструмент полного перечня религиозных организаций (даже для Беларуси насчитывающего более тысячи позиций) технически неосуществимо.

В-четвертых, «напряжение с обществом» в концепции Старка – Бэйнбриджа предполагает не только отвержение организацией окружающей среды, но и негативную реакцию общества. Ученые исходят из допущения о том, что означенная реакция действительно есть и вопрос лишь в том, как ее корректно зафиксировать. Между тем исследования автора настоящей статьи показывают, что большинство отвергающих общество НРД не замечаются социальными институтами, т. е. со стороны последних нет реакции [50; 51]. При этом не менее 90 % этих НРД открыто транслируют о себе информацию с помощью общедоступных средств коммуникации [52]. Причины невнимания к конфессиональному пространству еще предстоит выяснить, но вне зави-

симости от них общество не относится негативно к отвергающим его религиозным группам. Чтобы наступило «напряжение с обществом», девиантные нормы поведения должны не только разделяться и активно транслироваться группой, но и быть воспринятыми именно как девиантные. Отсутствие реакции на упомянутые 90 % НРД во многом вызвано тем, что они транслируют рекламную информацию без девиантной составляющей. Таким образом, между большинством религиозных групп и их окружением не возникает напряжения (в его понимании Р. Старком и У. С. Бэйнбриджем), но имеет место лишь одностороннее, нередко хорошо скрываемое отвержение общества (в его изначальном понимании Б. Джонсоном). Не замечаемые в общественном дискурсе группы выпадают из конфессионального пространства в той его версии, о которой известно населению и социальным институтам. В лучших традициях теоремы Томаса они не определяются обществом как реально существующие, вследствие чего они никем не замечаются и не учитываются.

Р. Старк и У. С. Бэйнбридж не проводят различий между отвержением и напряжением. В результате от групп, не замечаемых обществом, ожидаются такая же динамика развития и такая же специфика работы с членами внутренней организации и реакций на раздражители, как и от организаций, находящихся в открытом затяжном конфликте с социальными институтами. Это некорректно. Теория Старка – Бэйнбриджа требует определенной доработки.

Во-первых, некий уровень отвержения общества появляется на стадии формирования учения и культурной практики организации. Отдельные группы могут десятилетиями, а порой и столетиями работать с населением, не привлекая к себе внимания⁸. Многие из них исчезают, так и не став предметом общественных дискуссий и научного анализа. Социальные институты реагируют на конфессиональное пространство в пассивном режиме, а отвержение изначально не предполагает обязательного развития до «напряжения с обществом». У населения существует запрос на организации, поддерживающие не разный уровень «напряжения с обществом», а разный уровень отвержения его.

Соответственно, основным маркером дифференциации типов религиозных организаций является не напряжение, а разный уровень отвержения общества, охватывающий все религиозные группы, располагающиеся на континууме отвержения. Возникающее у некоторых групп «напряжение с обществом» также может быть распределено на континууме, однако уровень отвержения общества религиозной организацией может не совпадать с уровнем напряжения между ними. Можно привести наиболее известный пример: движение «аум синрикё» на протяжении

⁸Например, китайская секта «хуантяньдао» просуществовала 400 лет, прежде чем была обнаружена и идентифицирована в общественном дискурсе как НРД.

длительного периода своего существования поддерживало экстремальный уровень отвержения общества, но низкий уровень напряжения. Организация готовилась к концу света, работала над производством оружия массового уничтожения, осуществляла пробные атаки химическим оружием, в результате чего были убиты и ранены сотни человек (газовая атака на стоянке в г. Матсумото), но до экстремального уровня ее напряжение выросло только после газовой атаки в токийском метро. Таким образом, японское общество заметило экстремальный уровень отвержения у движения «аум синрикё» только после того, как организация начала массово убивать население. До этого она считалась совершенно безопасной. Палитра возможных отношений религиозных организаций с обществом располагается на разных вариантах пересечения уровней отвержения и напряжения. Искажения в восприятии конфессионального пространства в целом и отдельных религиозных организаций в частности возникают при несовпадении уровней отвержения и напряжения. Например, совершенно безопасные организации с низким уровнем отвержения воспринимаются как экстремально опасные и имеющие высокий уровень напряжения либо наоборот (как в случае с движением «аум синрикё»).

Во-вторых, существуют две релевантные для социологического анализа области, в которых представляется значимым отвержение, не переходящее в «напряжение с обществом». Первая область связана с анализом специфики деятельности религиозных организаций, не затронутых общественным вниманием в сравнении с группами тех же уровней отвержения, но одновременно испытывающих разные уровни напряжения. В теории Старка – Бэйнбриджа есть несколько десятков обоснованных утверждений о влиянии разных уровней «напряжения с обществом» на развитие религиозных организаций и конфессионального пространства в целом. Однако возможность их применения к группам, только отвергающим общество, требует отдельного анализа. Подобные исследования осложняются тем, что открыто декларируемый научный интерес к таким группам вызовет хоторнский эффект и сведет усилия специалистов на нет. Изучение этих групп, включая измерение уровня отвержения ими общества, представляет собой достаточно сложную научно-исследовательскую задачу.

Вторая область доступнее для анализа. Она сопряжена с изучением влияния недостатка информации о конфессиональном пространстве на формирование общественных представлений и иллюзий о религиозности. В качестве примера можно рассматривать рекламацию Р. Старка о том, что заявления ученых об умирании религии свидетельствуют лишь об их провале в изучении многообразия действующих религиозных организаций. Можно лишь уточнить: нечувствительность ряда ученых к религиозному многообразию является только частью

более масштабной нечувствительности общества, замечаящего не более трети от всех акторов конфессионального пространства.

Можно предположить, что нечувствительность к религиозному многообразию так же естественна для общества, как и религиозное многообразие. Социальная идентификация НРД не является схоластическим самодостаточным упражнением, но нацелена на решение периодически возникающих проблем и вопросов. Обществу нужны общие ориентиры в конфессиональном пространстве, делающие его чуть более понятным для решения конкретных задач. Например, никому не нужно знать наименования всех действующих в стране НРД восточной ориентации. Достаточно следующих знаний: в стране существуют некие НРД, некоторые из них могут иметь восточную ориентацию. В этом контексте аномалией представляется научный анализ религиозного многообразия, предполагающий попытку выйти за ситуативный интерес и исследовать все НРД вне зависимости от степени внимания к ним со стороны общества.

В-третьих, необратимый переход из состояния отвержения общества к разным уровням напряжения с ним осуществляется после социальной идентификации религиозной организации с любым типом религиозной организации (необязательно с НРД), заметной для самой группы. Организация становится объектом общественного внимания и, планируя свою деятельность, делает поправку на возможную реакцию общества. Более того, она начинает предпринимать шаги, целью которых является исключительно работа с собственным общественным имиджем с поправкой на потенциальную критику. В организации происходит перераспределение ресурсов, могут появиться новые структурные подразделения, отвечающие, например, за работу со СМИ. Рядовые члены группы могут получить дополнительные инструкции по поведению в обществе и реакциям на ситуации, когда они будут узнаны как члены группы. Организация будет стремиться получить благоприятные отзывы о своей работе и нейтрализовать критику в свой адрес. Что наиболее важно, под влиянием внешней рефлексии и критики она может корректировать свою деятельность в сторону повышения либо снижения уровня напряжения в отношениях с обществом.

В-четвертых, анализ социальной идентификации НРД представляется наиболее точным инструментом выявления религиозных групп, находящихся в напряженных отношениях с обществом в целом либо с социальными институтами в частности. В связке с исследованием религиозного многообразия он дает возможность определить также религиозные организации, отвергающие общество. Анализ рекурсивности и частотности социальной идентификации позволяет установить уровень напряжения и его изменения в диахронической перспективе.

Заключение

Д. Симпсон определяет теорию религии Старка – Бэйнбриджа как модернистскую, позитивистскую, герменевтически замкнутую систему [53]. Однако в начале XXI в., на фоне появления новых парадигм, поворотов и сдвигов в социологии, она отличается удивительной жизнеспособностью. Десятки именитых социологов издавали труды в соавторстве с Р. Старком, сотни ученых апробировали и дорабатывали его теорию самостоятельно. Работа в этом направлении продолжается. Десятки тысяч специалистов цитировали работы Р. Старка (по данным наукометрической платформы *Google Scholar* на 1 августа 2023 г., труды ученого были процитированы 50 204 раза). При этом, несмотря на достаточно внушительное число критиков теории Старка – Бэйн-

бриджа, в социологии религии отсутствуют альтернативные теории, столь же целостно охватывающие все релевантные для социологического анализа религии темы, которые имеют сопоставимый эвристический и прогностический потенциал. Многие слагаемые теории Старка – Бэйнбриджа представляются недостаточно обоснованными и весьма сомнительными, но в целом теория выдерживает большую часть эмпирических проверок и для многих социологов религии де-факто является парадигмой, референтной базой и точкой отсчета в самостоятельных исследованиях. Анализ социальной идентификации НРД в Республике Беларусь позволяет вскрыть некоторые проблемные стороны этой теории, что в итоге будет способствовать лишь ее подтверждению.

Библиографические ссылки

1. Stark R, Bainbridge WS. *A theory of religion*. New Brunswick: Rutgers University Press; 1996. 386 p.
2. Stark R. Bringing theory back in. In: Young LA, editor. *Rational choice theory and religion*. New York: Routledge; 1997. p. 3–22.
3. Stark R, Finke R. *Acts of faith. Explaining the human side of religion*. Berkley: University of California Press; 2000. 343 p.
4. Stark R. Micro foundations of religion: a revised theory. *Sociological Theory*. 1999;17(3):264–289.
5. Stark R. Reconceptualizing religion, magic, and science. *Review of Religious Research*. 2001;43(2):101–120. DOI: 10.2307/3512057.
6. Glock CY, Stark R. *Religion and society in tension*. Chicago: Rand McNally; 1965. 316 p.
7. Stark R, Glock CY. *American piety: the nature of religious commitment*. California: University of California Press; 1968. 230 p.
8. Stark R, Bainbridge WS. *The future of religion. Secularization, revival and cult formation*. Berkeley: University of California Press; 1985. 571 p.
9. Lofland J, Stark R. Becoming a world-saver: a theory of conversion to deviant perspective. *American Sociological Review*. 1965;30(6):862–874. DOI: 10.2307/2090965.
10. Stark R, Bainbridge WS. Networks of faith: interpersonal bonds and recruitment to cults and sects. *American Journal of Sociology*. 1980;85(6):1376–1395.
11. Bainbridge WS, Stark R. Friendship, religion, and the occult: a network study. *Review of Religious Research*. 1981;22(4):313–327. DOI: 10.2307/3509765.
12. Stark R. Psychopathology and religious commitment. *Review of Religious Research*. 1971;12(3):165–176. DOI: 10.2307/3510420.
13. Stark R. Religion as context: hellfire and delinquency one more time. *Sociology of Religion*. 1996;57(2):163–173. DOI: 10.2307/3711948.
14. Stark R. Do Catholic societies really exist? *Rationality and Society*. 1992;4(3):261–271.
15. Pitchford S, Bader C, Stark R. Doing field studies of religious movements: an agenda. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2001;40(3):379–392. DOI: 10.1111/0021-8294.00064.
16. Bainbridge WS, Stark R. Cult formation: three compatible models. *Sociological Analysis*. 1979;40(4):283–295. DOI: 10.2307/3709958.
17. Bainbridge WS, Stark R. Scientology: to be perfectly clear. *Sociological Analysis*. 1980;41(2):128–136. DOI: 10.2307/3709904.
18. Stark R, Bainbridge WS, Doyle DP. Cults of America: a reconnaissance in space and time. *Sociological Analysis*. 1979;40(4):347–359. DOI: 10.2307/3709963.
19. Bainbridge WS, Stark R. Client and audience cults in America. *Sociological Analysis*. 1980;41(3):199–214. DOI: 10.2307/3710398.
20. Bainbridge WS, Stark R. American-born sects: initial findings. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1981;20(2):130–149. DOI: 10.2307/1385611.
21. Bainbridge WS, Stark R. Church and cult in Canada. *Canadian Journal of Sociology*. 1982;7(4):351–366. DOI: 10.2307/3339889.
22. Stark R. *Europe's receptivity to religious movements*. New York: Paragon House; 1985. Religious movements: genesis, exodus, and numbers; p. 301–343.
23. Stark R. Europe's receptivity to new religious movements: round two. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1993;32(4):389–397. DOI: 10.2307/1387179.
24. Stark R, Iannaccone LR. Response to lechner: recent religious declines in Quebec, Poland, and the Netherlands. A theory vindicated. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1996;35(3):265–271. DOI: 10.2307/1386557.
25. Stark R, Smith BG. Pluralism and the churching of Latin America. *Latin American Politics and Society*. 2012;54(2):35–50. DOI: 10.1111/j.1548-2456.2012.00152.

26. Finke R, Stark R. Religious economies and sacred canopies: religious mobilization in American cities, 1906. *American Sociological Review*. 1988;53(1):41–49. DOI: 10.2307/2095731.
27. Stark R, Roberts L. The arithmetic of social movements: theoretical implications. *Sociological Analysis*. 1982;43(1):53–67. DOI: 10.2307/3711418.
28. Stark R, Iannaccone LR. Why the Jehovah's witnesses grow so rapidly: a theoretical application. *Journal of Contemporary Religion*. 1997;12(2):133–157. DOI: 10.1080/13537909708580796.
29. Stark R. The rise and fall of Christian science. *Journal of Contemporary Religion*. 1998;13(2):189–214. DOI: 10.1080/13537909808580830.
30. Stark R. How sane people talk to the gods: a rational theory of revelations. In: Williams MA, Cox C, Jaffee MS, editors. *Innovation in religious traditions. Essays in the interpretation of religious change*. Berlin: Mouton de Gruyter; 1992. p. 19–34.
31. Stark R. A theory of revelations. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1999;38(2):287–308. DOI: 10.2307/1387795.
32. Stark R, Finke R. Religions in context: the response of non-Mormon faiths in Utah. *Review of Religious Research*. 2004;45(3):293–298. DOI: 10.2307/3512266.
33. Mencken C, Bader C, Stark R. Conventional Christian belief's and experimentation with the paranormal. *Review of Religious Research*. 2008;50(2):194–205.
34. Stark R. Modernization and Mormon growth: the secularization thesis revisited. In: Cornwall M, Heaton TB, Young LA, editors. *Contemporary Mormonism: social science perspectives*. Chicago: University of Illinois Press; 1994. p. 13–23.
35. Stark R. *The rise of Mormonism*. New York: Columbia University Press; 2005. 173 p.
36. Melton GJ. *Encyclopedia of American religions. Volume 1*. Detroit: Gale; 2016. 1720 p.
37. Stark R. *The Churching of America, 1776–2005. Winners and losers in our religious economy*. New Brunswick: Rutgers University Press; 2014. 246 p.
38. Stark R. *For the glory of God. How monotheism led to reformations, science, witch-hunts, and the end of slavery*. Princeton: Princeton University Press; 2003. 488 p.
39. Finke R, Stark R. *The churching of America, 1776–2005. Winners and losers in our religious economy*. New Brunswick: Rutgers University Press; 2014. 347 p.
40. Stark R, Bainbridge WS, Kent L. Cult membership in roaring twenties: assessing local receptivity. *Sociological Analysis*. 1981;42(2):137–162. DOI: 10.2307/3710591.
41. Finke R, Stark R. How the Upstart Sects Won America: 1776–1850. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1989;28(1):27–44. DOI: 10.2307/1387250.
42. Johnson B. On Church and Sect. *American Sociological Review*. 1963;28(4):539–549. DOI: 10.2307/2090070.
43. Bainbridge WS, Stark R. Sectarian tension. *Review of Religious Research*. 1980;22(2):105–124. DOI: 10.2307/3510654.
44. Мартинович ВА. *Сектантство: возникновение и миграция. Том 1. Материалы к изучению нетрадиционной религиозности*. Москва: Познание; 2018. 552 с.
45. Stark R, Bainbridge WS. Secularization, revival, and cult formation. *Annual Review of the Social Sciences of Religion*. 1980;4:85–119.
46. Stark R, Bainbridge WS. Secularization and cult formation in the Jazz Age. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1981;20(4):360–373. DOI: 10.2307/1386184.
47. Stark R. Secularization, R.I.P. *Sociology of Religion*. 1999;60(3):249–273. DOI: 10.2307/3711936.
48. Stark R, Bainbridge WS. *Religion, deviance, and social control*. New York: Routledge; 1997. 205 p.
49. Stark R. *Sociology. 10th edition*. Belmont: Thomson Higher Education; 2007. 660 p.
50. Мартинович ВА. Идентификация новых религиозных движений в печатных СМИ Беларуси. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;4:56–65.
51. Мартинович ВА. Восприятие новых религиозных движений религиозными организациями Республики Беларусь. *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2023;23(4):74–88. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-74-88.
52. Мартинович ВА. Средства коммуникации новых религиозных движений в Республике Беларусь. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2021;3:75–83.
53. Simpson JH. The Stark – Bainbridge theory of religion in «The work of Rodney Stark: a review panel». *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1990;29(3):367–371.

References

1. Stark R, Bainbridge WS. *A theory of religion*. New Brunswick: Rutgers University Press; 1996. 386 p.
2. Stark R. Bringing theory back in. In: Young LA, editor. *Rational choice theory and religion*. New York: Routledge; 1997. p. 3–22.
3. Stark R, Finke R. *Acts of faith. Explaining the human side of religion*. Berkley: University of California Press; 2000. 343 p.
4. Stark R. Micro foundations of religion: a revised theory. *Sociological Theory*. 1999;17(3):264–289.
5. Stark R. Reconceptualizing religion, magic, and science. *Review of Religious Research*. 2001;43(2):101–120. DOI: 10.2307/3512057.
6. Glock CY, Stark R. *Religion and society in tension*. Chicago: Rand McNally; 1965. 316 p.
7. Stark R, Glock CY. *American piety: the nature of religious commitment*. California: University of California Press; 1968. 230 p.
8. Stark R, Bainbridge WS. *The future of religion. Secularization, revival and cult formation*. Berkeley: University of California Press; 1985. 571 p.
9. Lofland J, Stark R. Becoming a world-saver: a theory of conversion to deviant perspective. *American Sociological Review*. 1965;30(6):862–874. DOI: 10.2307/2090965.
10. Stark R, Bainbridge WS. Networks of faith: interpersonal bonds and recruitment to cults and sects. *American Journal of Sociology*. 1980;85(6):1376–1395.

11. Bainbridge WS, Stark R. Friendship, religion, and the occult: a network study. *Review of Religious Research*. 1981;22(4): 313–327. DOI: 10.2307/3509765.
12. Stark R. Psychopathology and religious commitment. *Review of Religious Research*. 1971;12(3):165–176. DOI: 10.2307/3510420.
13. Stark R. Religion as context: hellfire and delinquency one more time. *Sociology of Religion*. 1996;57(2):163–173. DOI: 10.2307/3711948.
14. Stark R. Do Catholic societies really exist? *Rationality and Society*. 1992;4(3):261–271.
15. Pitchford S, Bader C, Stark R. Doing field studies of religious movements: an agenda. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2001;40(3):379–392. DOI: 10.1111/0021-8294.00064.
16. Bainbridge WS, Stark R. Cult formation: three compatible models. *Sociological Analysis*. 1979;40(4):283–295. DOI: 10.2307/3709958.
17. Bainbridge WS, Stark R. Scientology: to be perfectly clear. *Sociological Analysis*. 1980;41(2):128–136. DOI: 10.2307/3709904.
18. Stark R, Bainbridge WS, Doyle DP. Cults of America: a reconnaissance in space and time. *Sociological Analysis*. 1979; 40(4):347–359. DOI: 10.2307/3709963.
19. Bainbridge WS, Stark R. Client and audience cults in America. *Sociological Analysis*. 1980;41(3):199–214. DOI: 10.2307/3710398.
20. Bainbridge WS, Stark R. American-born sects: initial findings. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1981;20(2):130–149. DOI: 10.2307/1385611.
21. Bainbridge WS, Stark R. Church and cult in Canada. *Canadian Journal of Sociology*. 1982;7(4):351–366. DOI: 10.2307/3339889.
22. Stark R. *Europe's receptivity to religious movements*. New York: Paragon House; 1985. Religious movements: genesis, exodus, and numbers; p. 301–343.
23. Stark R. Europe's receptivity to new religious movements: round two. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1993; 32(4):389–397. DOI: 10.2307/1387179.
24. Stark R, Iannaccone LR. Response to lechner: recent religious declines in Quebec, Poland, and the Netherlands. A theory vindicated. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1996;35(3):265–271. DOI: 10.2307/1386557.
25. Stark R, Smith BG. Pluralism and the churching of Latin America. *Latin American Politics and Society*. 2012;54(2):35–50. DOI: 10.1111/j.1548-2456.2012.00152.
26. Finke R, Stark R. Religious economies and sacred canopies: religious mobilization in American cities, 1906. *American Sociological Review*. 1988;53(1):41–49. DOI: 10.2307/2095731.
27. Stark R, Roberts L. The arithmetic of social movements: theoretical implications. *Sociological Analysis*. 1982;43(1):53–67. DOI: 10.2307/3711418.
28. Stark R, Iannaccone LR. Why the Jehovah's witnesses grow so rapidly: a theoretical application. *Journal of Contemporary Religion*. 1997;12(2):133–157. DOI: 10.1080/13537909708580796.
29. Stark R. The rise and fall of Christian science. *Journal of Contemporary Religion*. 1998;13(2):189–214. DOI: 10.1080/13537909808580830.
30. Stark R. How sane people talk to the gods: a rational theory of revelations. In: Williams MA, Cox C, Jaffee MS, editors. *Innovation in religious traditions. Essays in the interpretation of religious change*. Berlin: Mouton de Gruyter; 1992. p. 19–34.
31. Stark R. A theory of revelations. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1999;38(2):287–308. DOI: 10.2307/1387795.
32. Stark R, Finke R. Religions in context: the response of non-Mormon faiths in Utah. *Review of Religious Research*. 2004; 45(3):293–298. DOI: 10.2307/3512266.
33. Mencken C, Bader C, Stark R. Conventional Christian belief's and experimentation with the paranormal. *Review of Religious Research*. 2008;50(2):194–205.
34. Stark R. Modernization and Mormon growth: the secularization thesis revisited. In: Cornwall M, Heaton TB, Young LA, editors. *Contemporary Mormonism: social science perspectives*. Chicago: University of Illinois Press; 1994. p. 13–23.
35. Stark R. *The rise of Mormonism*. New York: Columbia University Press; 2005. 173 p.
36. Melton GJ. *Encyclopedia of American religions. Volume 1*. Detroit: Gale; 2016. 1720 p.
37. Stark R. *The Churching of America, 1776–2005. Winners and losers in our religious economy*. New Brunswick: Rutgers University Press; 2014. 246 p.
38. Stark R. *For the glory of God. How monotheism led to reformations, science, witch-hunts, and the end of slavery*. Princeton: Princeton University Press; 2003. 488 p.
39. Finke R, Stark R. *The churching of America, 1776–2005. Winners and losers in our religious economy*. New Brunswick: Rutgers University Press; 2014. 347 p.
40. Stark R, Bainbridge WS, Kent L. Cult membership in roaring twenties: assessing local receptivity. *Sociological Analysis*. 1981;42(2):137–162. DOI: 10.2307/3710591.
41. Finke R, Stark R. How the Upstart Sects Won America: 1776–1850. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1989; 28(1):27–44. DOI: 10.2307/1387250.
42. Johnson B. On Church and Sect. *American Sociological Review*. 1963;28(4):539–549. DOI: 10.2307/2090070.
43. Bainbridge WS, Stark R. Sectarian tension. *Review of Religious Research*. 1980;22(2):105–124. DOI: 10.2307/3510654.
44. Martinovich VA. *Sektantstvo: vzniknovenie i migratsiya. Tom 1. Materialy k izucheniyu netraditsionnoi religioznosti [Sectarianism: emergence and migration. Volume 1. Materials for the study of non-traditional religiosity]*. Moscow: Poznanie; 2018. 552 p. Russian.
45. Stark R, Bainbridge WS. Secularization, revival, and cult formation. *Annual Review of the Social Sciences of Religion*. 1980;4:85–119.
46. Stark R, Bainbridge WS. Secularization and cult formation in the Jazz Age. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1981;20(4):360–373. DOI: 10.2307/1386184.
47. Stark R. Secularization, R.I.P. *Sociology of Religion*. 1999;60(3):249–273. DOI: 10.2307/3711936.

48. Stark R, Bainbridge WS. *Religion, deviance, and social control*. New York: Routledge; 1997. 205 p.
49. Stark R. *Sociology. 10th edition*. Belmont: Thomson Higher Education; 2007. 660 p.
50. Martinovich VA. Identification of new religious movements in printed media in the Republic of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017;4:56–65. Russian.
51. Martinovich VA. Perception of new religious movements by the religious organizations of the Republic of Belarus. *RUDN Journal of Sociology*. 2023;23(4):74–88. Russian. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-74-88.
52. Martinovich VA. Means of communication of new religious movements in the Republic of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2021;3:75–83. Russian.
53. Simpson JH. The Stark – Bainbridge theory of religion in «The work of Rodney Stark: a review panel». *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1990;29(3):367–371.

Статья поступила в редколлегию 19.06.2023.
Received by editorial board 19.06.2023.

СОЦИОЛОГИЯ МЕДИЦИНЫ

SOCIOLOGY OF MEDICINE

УДК 316.344:61(091')(476)

ГРОДНЕНСКАЯ ШКОЛА СОЦИОЛОГИИ МЕДИЦИНЫ: НАУЧНОЕ ПОЛЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

М. Ю. СУРМАЧ¹⁾

¹⁾Гродненский государственный медицинский университет,
ул. Максима Горького, 80, 230009, г. Гродно, Беларусь

Кратко описана история формирования социологии медицины как научной специальности в Беларуси. Представлено содержание дисциплины, а также ее специфика в нашей стране. Рассмотрена роль Гродненского государственного медицинского университета в становлении социологии медицины. Описаны аспекты научного сотрудничества белорусских специалистов с российскими коллегами. Показаны направления исследований, выполняемых в настоящее время гродненской школой социологии медицины, очерчены сферы практического применения результатов исследований.

Ключевые слова: социология медицины; история формирования научной школы; Гродненский государственный медицинский университет; научная специальность; направления исследований.

Образец цитирования:

Сурmach МЮ. Гродненская школа социологии медицины: научное поле исследований. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;3:82–88.
EDN: WMBMDH

For citation:

Surmach MYu. Grodno school of sociology of medicine: scientific field of research. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;3:82–88. Russian.
EDN: WMBMDH

Автор:

Марина Юрьевна Сурmach – доктор медицинских наук, профессор; заведующий кафедрой общественного здоровья и здравоохранения.

Author:

Marina Yu. Surmach, doctor of science (medicine), full professor; head of the department of public health and health services.

marina_surmach@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3653-8385>

GRODNO SCHOOL OF SOCIOLOGY OF MEDICINE: SCIENTIFIC FIELD OF RESEARCH

M. Yu. SURMACH^a

^a*Grodno State Medical University, 80 Maksima Gorkaga Street, Grodna 230009, Belarus*

The article briefly outlines the history of the formation of the sociology of medicine as a scientific specialty in Belarus, the content of the specialty is presented and its specificity in Belarus is shown. The article considers the role of the Grodno State Medical University, scientific cooperation with the professional community of Russian sociologists. The main milestones in the formation of the scientific school of sociology of medicine in Belarus are revealed, the directions of research currently being carried out by the young Grodno school of sociology of medicine, the spheres of practical application of research results are outlined.

Keywords: sociology of medicine; history of the formation of a scientific school; Grodno State Medical University; scientific specialty; research directions.

Формирование социологии медицины в Республике Беларусь

Научная специальность «социология медицины» вошла в номенклатуру специальностей научных работников в начале 2000-х гг., получив шифр 14.02.05 и уникальную двойную принадлежность (к медицинским и социологическим наукам). Толчком к окончательному становлению дисциплины послужил концептуальный переход от понимания здоровья как биологического понятия к его восприятию как социального явления. Здравоохранение стало рассматриваться как социальный институт, призванный обеспечить максимальный потенциал здоровья населения. Достижение целей медицины стало невозможным без социологического осмысления охраны здоровья в жизни социума, взаимоотношений общества и индивидуума, с одной стороны, и системы здравоохранения, с другой.

В 2003 г. в Москве проходил II Всероссийский социологический конгресс «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы». Автору настоящей статьи, молодому исследователю из Гродненского государственного медицинского университета (ГрГМУ), посчастливилось представить на мероприятии свой доклад. На конгрессе был презентован первый выпуск журнала «Социология медицины», а также первое в России руководство по этой дисциплине, подготовленное доктором социологических и медицинских наук, профессором А. В. Решетниковым [1]. Материалы конгресса были привезены в ГрГМУ, а спустя годы сотрудники университета заложили основы научной школы социологии медицины. В последующем в Гродно был издан ряд монографий в рамках указанного проблемного поля [2–6].

В Беларуси социология медицины преподается в рамках учебной программы «Социология медицины и здравоохранения»¹. В медицинских университетах учебные планы включают изучение дисциплины

«Социология здоровья» в качестве специализированного модуля. Социология медицины развивается также в рамках научных проектов, финансируемых Центром социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, а также Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований.

Паспорт специальности был утвержден Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в 2015 г., когда состоялась первая защита докторской диссертации по данной специальности. В России к этому времени были заложены фундаментальные основы социологии медицины.

Среди отечественных ученых, принимавших активное участие в разработке белорусского паспорта специальности, следует назвать заведующего кафедрой социологии факультета философских и социальных наук БГУ доктора социологических наук, профессора, члена-корреспондента Национальной академии наук Беларуси А. Н. Данилова, профессора кафедры общественного здоровья и здравоохранения Белорусской медицинской академии последипломного образования доктора медицинских наук, профессора Э. А. Вальчука, научного консультанта первой диссертационной работы по социологии медицины доктора медицинских наук, профессора Е. М. Тищенко, а также первого соискателя ученой степени по специальности, ныне доктора медицинских наук, профессора М. Ю. Сурмач.

В 2021 г. Министерство образования и науки Российской Федерации произвело укрупнение научных специальностей, в результате чего в группе специальностей «профилактическая медицина» были объединены такие направления, как общественное здоровье и организация здравоохранения, социология и история медицины. В Республике Беларусь в 2022 г. паспорт специальности «социология медицины» был

¹Сурмач М. Ю. Социология медицины и здравоохранения : учеб. прогр. для спец. 1-23 01 05 «Социология». Минск : БГУ, 2011. 11 с.

актуализирован, дисциплина сохранена как самостоятельная.

Социология медицины – это область медицинско-го знания, предметом которой являются механизмы и закономерности социальной (социально-экономической, социокультурной, политико-правовой) детерминации поведения пациента, профессиональной

деятельности медицинских работников, функционирования системы здравоохранения как социального института, а также общественное мнение, ценностные ориентации, социальные представления и установки индивидов, социальных групп, медицинских работников и других объектов в отношении здоровья, заболеваний, событий в области здравоохранения.

Содержание специальности «социология медицины» в Республике Беларусь

Формирование паспорта специальности «социология медицины» в нашей стране не являлось копированием российского эквивалента. Версии документа имеют идентичную основу, однако области исследований различаются, что обусловлено медико-социальной и медико-организационной спецификой в двух государствах, имеющих разные модели финансирования здравоохранения.

В отечественном паспорте специальности «социология медицины» представлены следующие области исследования:

- медицина как социальный институт, социологический анализ медицины как целостной системы, социальные функции медицины;
- социальная регуляция отношений в области здравоохранения и взаимодействие с другими социальными институтами, влияние социальных процессов на медицину, организационная и корпоративная культура в здравоохранении, имидж здравоохранения;
- научное обоснование социальной роли медицинского работника, модели поведения медицинских работников и пациентов как результат действия социальных норм и правил, социальная ответственность врача и пациента;
- общественное мнение и установка определенного социального поведения населения в отношении здоровья, социальные предпосылки стигматизации (дискриминации);
- социология медицинского работника и пациента: изучение представлений индивидов о медицине и здоровье, оценка социальных предпосылок в отношении факторов формирования региональных различий в состоянии здоровья и уровне потребности в медицинских услугах;
- социальный статус пациента и его отношения с социальными институтами вне системы здравоохранения, обоснование мер управления здоровьем посредством социологического анализа потребностей, мотивов поведения пациентов, ценностей личности, особенности социального функционирования пациентов с заболеваниями и без них, специфика поведения лиц с заболеваниями в зависимости от условий медико-социального окружения.

Особенности российского паспорта специальности связаны с принципиальными изменениями в финансировании системы здравоохранения в начале 2000-х гг. Были выделены некоторые направле-

ния медико-социологических исследований, например по вопросам гармонизации интересов субъектов и участников обязательного медицинского страхования, а также по вопросам, обусловленным переходом от медицинской помощи к услугам системы здравоохранения.

Сегодня особую актуальность приобрели исследования качества и доступности медицинской помощи, институционального аспекта развития системы здравоохранения, влияния реформ на здоровье населения, воздействия процесса глобализации на социальную защиту населения и общественное здоровье.

Смежными специальностями для социологии медицины являются, по сути, все специальности, относящиеся к группе «медицинские науки». Объектами исследования социологии медицины выступают пациенты с различными заболеваниями (как и в смежных специальностях, относящихся к группе «клиническая медицина»). К области исследований социологии медицины следует отнести такие темы, как социальные предпосылки возникновения заболеваний, взаимосвязи социального функционирования пациентов и их социальной поддержки, особенности социально обусловленного компонента качества жизни, аспекты социального самочувствия, роли, ответственности и статуса медицинских работников, корпоративная культура, вопросы доверия и лояльности пациентов, общественное мнение и стереотипные представления населения в отношении медицины, предпосылки стигматизации и дискриминации пациентов и медицинских работников, имидж системы здравоохранения и взаимодействие медицины с другими сферами жизни общества.

Вопросы социально-психологического благополучия медицинских работников и пациентов непосредственно или косвенно связаны с медицинской психологией. В социологии медицины рассматриваются социальные предикторы поведения пациентов и врачей, общественное мнение и стереотипы в области здравоохранения, а также предпосылки стигматизации пациентов и медицинских работников. Социология медицины изучает социальные явления, факты, проблемы и закономерности, относящиеся к сфере медицины, а также аспекты поведения личности, социальных групп и человеческой популяции в контексте медико-социального окружения.

Формирование гродненской научной школы социологии медицины и современные направления исследований в данной области

В 2020 г. в ГрГМУ была открыта первая в стране аспирантура по специальности «социология медицины». Сегодня в университете выполняются диссертационные исследования на соискание ученой степени кандидата медицинских наук на темы «Социологическое обоснование внедрения системы мониторинга качества экспорта медицинских услуг», «Особенности формирования общественного мнения по вопросу применения экстракорпорального оплодотворения в Республике Беларусь», «Взаимодействие институтов образования, здравоохранения и семьи в формировании здоровьеориентированной модели поведения подростков: медико-социологический анализ», «Медико-социальные аспекты связанного со здоровьем качества жизни лиц возраста 60 лет и старше», а также диссертационное исследование на соискание ученой степени доктора медицинских наук на тему «Социальная ответственность института здравоохранения».

В рамках научной специальности «социология медицины» в ГрГМУ выполнены финансируемые Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований научные проекты «Самосохранительное поведение молодежи Беларуси как регулятор позитивного изменения репродуктивного потенциала», «Социальная ответственность как часть корпоративной культуры здравоохранения и фактор управления качеством медицинской помощи (на примере организаций кардиологического профиля)».

Исследования гродненской школы направлены на решение медико-социальных проблем здоровья населения Беларуси. Одной из самых обсуждаемых проблем является демографическая безопасность страны.

Согласно проекту новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь стратегические интересы государства, как концептуальные ориентиры для ее долгосрочного развития, включают в себя укрепление духовно-нравственных норм, сохранение традиционных семейных ценностей, преемственность поколений, обеспечение благополучия граждан, создание комфортных условий для жизнедеятельности и развития потенциала личности. Основными национальными интересами в демографической сфере являются стабилизация численности населения, создание предпосылок для его устойчивого роста на основе последовательного увеличения рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни и снижения смертности, повышение общего уровня здоровья народа, охрана здоровья матери и ребенка, укрепление института семьи как социального института, наиболее благоприятного для реализации потребности в детях, развитие системы поддержки семей с детьми.

По данным Национального статистического комитета, в Республике Беларусь только за 2000–2022 гг.

доля лиц моложе трудоспособного возраста в общей численности населения снизилась с 20,0 до 17,8 %, доля же лиц старше трудоспособного возраста выросла с 21,3 до 23,5 %, несмотря на повышение возрастной границы трудоспособности. Почти треть женщин – старше трудоспособного возраста, в то время как среди мужчин доля лиц старше трудоспособного возраста составляет всего 14,6 %. Данные цифры подтверждают медико-социальную проблему так называемого вдовьего одиночества.

Учитывая суженный тип воспроизводства населения, вероятность благоприятного демографического прогноза, возможного при условии увеличения рождаемости и достижения естественного прироста населения, невысока. Для решения проблемы требуется изменение установок детности, что является трудноосуществимой задачей. Наряду с обеспечением безопасного материнства и здорового начала жизни приоритетами государственной политики в области здравоохранения выступают меры по формированию активного долголетия.

Инвестирование в здоровье человека на всех этапах его жизни является ключевым принципом политики здравоохранения. В качестве одного из основных средств снижения заболеваемости населения, укрепления ресурсов экономики и развития государства рассматривается охрана здоровья подростков. Реализация этой задачи отвечает достижению целей в области устойчивого развития человечества. Исследования в странах ближнего и дальнего зарубежья свидетельствуют о нехватке у подростков знаний о позитивных моделях поведения в отношении здоровья. Среди подростков наблюдается отсутствие готовности к самосохранению. Это связано со спецификой оценки ими своего здоровья [7].

За 2010–2020 гг. в Республике Беларусь численность лиц подросткового возраста сократилась на 13,7 %. Удельный вес подростков в возрастной структуре населения поступательно снижается. Так, в 2020 г. он составил 9,9 % (по сравнению с 11,5 % в 2010 г.). Особенностью современного периода является устойчивый рост заболеваемости детей и подростков практически по всем классам болезней, а также рост детской инвалидности.

Наиболее масштабным и авторитетным исследованием факторов, детерминирующих здоровье в подростковом возрасте, считается проект «Поведение детей школьного возраста в отношении здоровья», реализуемый Всемирной организацией здравоохранения с 1982 г. В настоящее время он охватывает около 50 стран. В отчете проекта за 2017–2018 гг. представлены данные о подростках из 45 государств (Республика Беларусь не включена). Результаты исследования свидетельствуют о том, что основными причинами роста заболеваемости среди подростков

выступают неправильное питание, недостаток физической активности и рискованное поведение. Следствием указанных практик является высокая распространенность лишнего веса и ожирения (наблюдается у 21 % подростков). Эксперты ВОЗ отмечают, что укреплению психического и физического здоровья и уменьшению случаев рискованного поведения способствуют позитивные социальные связи в семье и школе.

В ходе общенациональных исследований, проведенных в 2016–2017 гг. под эгидой ВОЗ, было выявлено, что более 40 % населения Беларуси в возрасте 18–69 лет имеют не менее трех факторов риска для здоровья из пяти основных (ежедневное табакокурение, низкий уровень потребления овощей и фруктов, гиподинамия, избыточный вес и повышенное артериальное давление). Наблюдается положительная тенденция по снижению распространенности поведенческих факторов риска для здоровья. В общей популяции регистрируется рост уровня глюкозы и холестерина. Значительно вырос риск развития болезней системы кровообращения у лиц в возрасте 40–69 лет. Можно предположить, что именно эти поведенчески обусловленные (и потенциально модифицируемые) факторы риска приводят к снижению качества жизни старших возрастных групп.

Задачи первичной профилактики заболеваний и формирования индивидуальной ответственности за здоровье населения по-прежнему не решены. В настоящее время в Беларуси внедряется концепция электронного здравоохранения с последующей интеграцией в общегосударственную автоматическую идентификационную систему. Очевидно, что анализ информации о тенденциях в изменении состояния здоровья населения, а также изучение медико-демографических процессов способны существенно повысить эффективность организационных решений. Вместе с тем еще не завершена комплексная информатизация лечебно-диагностического процесса в организациях здравоохранения, не реализован полный переход к ведению медицинской документации в электронном виде, что не позволяет осуществлять персонифицированный учет риска и внедрять методы персонифицированного информирования пациентов. Государство затрачивает значительные средства для диспансеризации населения, включая предоставление оплачиваемых свободных от работы дней, обеспечение кадрами, оборудованием и др. В то же время необязательный характер диспансеризации населения при отсутствии сформированной ответственности за собственное здоровье становится фактором риска эффективности принимаемых мер.

Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь и Фонд ООН в области народонаселения подписали информационную стратегию по активному долголетию (ИС 65+) на 2023–2025 гг.,

которая стала частью национальной стратегии «Активное долголетие – 2030». ИС 65+ основывается на двух тезисах: особую роль в жизни людей в возрасте старше 65 лет играет информационная повестка; к 2030 г. каждый 5-й гражданин Беларуси достигнет возраста старше 65. Следовательно, необходимо учитывать потребности пожилых граждан и рассматривать старение населения не только как вызов, но и как новые возможности для развития общества. Стратегия предполагает системный подход и охватывает целый спектр задач: от обучения журналистов принципам преподнесения информации о пожилых людях до реализации социальных программ в отношении этой категории населения. Вместе с тем стратегия ИС 65+, как и национальная стратегия «Активное долголетие – 2030», не учитывает необходимость персонифицированного, или как минимум целевого, медицинского информирования граждан посттрудопособного возраста.

Развитие науки невозможно без сотрудничества, обмена мнениями и идеями. Белорусские специалисты в области социологии медицины тесно сотрудничают с российскими коллегами в рамках Российского общества социологов. В структуре общества созданы исследовательские комитеты «Социология медицины» (руководитель – академик А. В. Решетников) и «Социология здоровья и здравоохранения» (руководитель – доктор социологических наук, профессор И. В. Журавлёва).

В конце 2009 г. под эгидой Российского общества социологов в 10 регионах России и Беларуси было проведено исследование «Здоровье студентов». На основании опроса 4053 студентов из 10 российских и белорусских городов выявлены наиболее значимые жизненные проблемы молодежи, связанные со здоровьем, проанализирована структура ценностных ориентаций студентов и место здоровья в ней, исследованы типы и факторы риска проблемного поведения. По результатам исследования опубликована коллективная монография [8].

Только за последние три года представители гродненской школы социологии медицины были задействованы в организационных и научных комитетах нескольких научных конференций. Автор настоящей статьи являлась сопредседателем секции «Цифровая трансформация медицинского вуза в условиях пандемии: новые образовательные подходы» в рамках научно-практической конференции «Медицинское образование в условиях пандемии COVID-19: векторы цифровой трансформации» (Москва, 2021 г.), а также сопредседателем секции «Здоровье населения и его обеспечение» на V Международной научно-практической конференции «Социальная динамика населения и человеческий потенциал» (Москва, 2023 г.). Кафедра общественного здоровья и здравоохранения ГрГМУ инициировала проведение Международной научно-практической конференции «Исторические основы профессиональной культуры в здравоохранении»

в 2022 г. в Гродно. ГрГМУ неоднократно становился организатором международных конференций, проблемное поле которых включало область исследований социологии медицины. С представленными докладами можно ознакомиться как в сборниках трудов [8; 9], так и на сайте университета.

В современных условиях наука должна быть практико-ориентированной. Социология медицины призвана помочь здравоохранению увидеть ситуацию изнутри, изменить самосознание врача, актуализировать проблемы в медицинской сфере. Результаты научных исследований широко применяются в ГрГМУ в процессе подготовки управленческих ка-

дров. На кафедре общественного здоровья и здравоохранения ГрГМУ проводятся повышение квалификации и переподготовка руководителей организаций здравоохранения и их заместителей, преподавателей учреждений образования системы здравоохранения. Вопросы социологии медицины включены в программы повышения квалификации «Социальный менеджмент в здравоохранении», «Управленческие технологии в системах здравоохранения», «Менеджмент сестринского дела» для главных и старших медицинских сестер, подготовлено учебное пособие². Издан ряд практико-ориентированных монографий по социологии медицины [10–12].

Библиографические ссылки

1. Решетников АВ. *Социология медицины (введение в научную дисциплину)*. Москва: Медицина; 2002. 976 с.
2. Сурмач МЮ. *Здоровье молодой семьи. Социокультурные основы*. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing; 2012. 273 с.
3. Сурмач МЮ. *Качество жизни подростков Республики Беларусь: связь со здоровьем*. Гродно: ГрГМУ; 2013. 228 с.
4. Сурмач МЮ. *Медицинские и социологические аспекты репродуктивного здоровья молодежи*. Гродно: ГрГМУ; 2008. 268 с.
5. Сурмач МЮ. *Поведение молодежи: от демографических угроз к национальной безопасности*. Минск: Право и экономика; 2009. 266 с.
6. Сурмач МЮ. *Социология медицины: предмет, методология и сферы применения в Республике Беларусь*. Гродно: ГрГМУ; 2016. 316 с.
7. Журавлёва ИВ, Петренко ЕС. Ответственность индивида за здоровье: паттерны поведения. *Социологическая наука и социальная практика*. 2023;2:80–103. DOI: 10.19181/snsp.2023.11.2.5.
8. Журавлёва ИВ, редактор. *Здоровье студентов: социологический анализ*. Москва: ИНФРА-М; 2014. 272 с.
9. Сурмач МЮ, редактор. *Исторические основы профессиональной культуры в здравоохранении. Сборник статей Международной научно-практической конференции; 20 мая 2022 г.; Гродно, Беларусь*. Гродно: ГрГМУ; 2022. 347 с.
10. Бойко СЛ. *Имидж здравоохранения: формирование и методология оценки*. Гродно: ГрГМУ; 2020. 203 с.
11. Сурмач МЮ, Бойко СЛ. *Организационная культура и социальная ответственность в здравоохранении*. Гродно: ГрГМУ; 2020. 152 с.
12. Трус ЕИ, Сурмач МЮ. *Формирование здорового образа жизни у студентов медицинского университета*. Гродно: ГрГМУ; 2018. 160 с.

References

1. Reshetnikov AV. *Sotsiologiya meditsiny (vvedenie v nauchnyuyu distsiplinu)* [Sociology of medicine (introduction to the scientific discipline)]. Moscow: Meditsina; 2002. 976 p. Russian.
2. Surmach MYu. *Zdorov'e molodoi sem'i. Sotsiokul'turnye osnovy* [The health of a young family. Socio-cultural foundations]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing; 2012. 273 p. Russian.
3. Surmach MYu. *Kachestvo zhizni podrostkov Respubliki Belarus': svyaz' so zdorov'em* [Quality of life of teenagers of the Republic of Belarus: connection with health]. Grodna: Grodno State Medical University; 2013. 228 p. Russian.
4. Surmach MYu. *Meditsinskie i sotsiologicheskie aspekty reproduktivnogo zdorov'ya molodezhi* [Medical and sociological aspects of youth reproductive health]. Grodna: Grodno State Medical University; 2008. 268 p. Russian.
5. Surmach MYu. *Povedenie molodezhi: ot demograficheskikh ugroz k natsional'noi bezopasnosti* [Youth behaviour: from demographic threats to national security]. Minsk: Pravo i ekonomika; 2009. 266 p. Russian.
6. Surmach MYu. *Sotsiologiya meditsiny: predmet, metodologiya i sfery primeneniya v Respublike Belarus'* [Sociology of medicine: subject, methodology and scope of application in the Republic of Belarus]. Grodna: Grodno State Medical University; 2016. 316 p. Russian.
7. Zhuravleva IV, Petrenko ES. Individual responsibility for health: patterns of behavior. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2023;2:80–103. Russian. DOI: 10.19181/snsp.2023.11.2.5.
8. Zhuravleva IV, editor. *Zdorov'e studentov: sotsiologicheskii analiz* [Students' health: a sociological analysis]. Moscow: INFRA-M; 2014. 272 p. Russian.
9. Surmach MYu. *Istoricheskie osnovy professional'noi kul'tury v zravookhraneni. Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 20 maya 2022 g.; Grodna, Belarus'* [Historical foundations of professional culture in healthcare. Collection of articles of the International scientific and practical conference; 2022 May 20; Grodna, Belarus]. Grodna: Grodno State Medical University; 2022. 347 p. Russian.

²Практикум по психологии и управлению конфликтом : учеб.-метод. пособие для студентов учреждений высшего образования, обучающихся по спец.: 1-79 01 01 «Лечебное дело», 1 – 79 01 02 «Педиатрия» / М. Ю. Сурмач, С. Л. Бойко, Е. В. Воронко, Ю. Л. Кузмицкая, Т. И. Спасюк, В. И. Филипович, Н. В. Нерад; под общ. ред. М. Ю. Сурмач. Гродно : ГрГМУ, 2020. 196 с.

10. Boiko SL. *Imidzh zdavookhraneniya: formirovanie i metodologiya otsenki* [Image of healthcare: formation and methodology of assessment]. Grodna: Grodno State Medical University; 2020. 203 p. Russian.

11. Surmach MYu, Boiko SL. *Organizatsionnaya kul'tura i sotsial'aya otvetstvennost v zdavookhraneni* [Organisational culture and social responsibility in healthcare]. Grodna: Grodno State Medical University; 2020. 152 p. Russian.

12. Trus' EI, Surmach MYu. *Formirovanie zdorovogo obraza zhizni u studentov meditsinskogo universiteta* [Formation of a healthy lifestyle among medical university students]. Grodna: Grodno State Medical University; 2018. 160 p. Russian.

*Статья поступила в редколлегию 19.07.2023.
Received by editorial board 19.07.2023.*

УДК [61:316]:618.177-089.888.11(476)

ИНФОРМИРОВАННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ОБ ЭКСТРАКОРПОРАЛЬНОМ ОПЛОДОТВОРЕНИИ

А. В. САЛМИНА¹⁾

¹⁾Гродненский государственный медицинский университет, ул. Максима Горького, 80, 230009, г. Гродно, Беларусь

Путем социологического опроса оценивается осведомленность жителей Беларуси о проблеме распространенности бесплодия и применении экстракорпорального оплодотворения. Репрезентативная республиканская выборка составила 1805 респондентов. Анализ результатов свидетельствует о высоком уровне информированности белорусов о распространенности бесплодия и регламентации применения вспомогательных репродуктивных технологий. При этом почти треть респондентов полагают, что проблема бесплодия и способы его лечения не освещаются в полном объеме. Делается вывод о том, что основным источником информации о новых видах вспомогательных репродуктивных технологий являются организации здравоохранения. Почти каждый второй респондент считает, что в нашей стране не оказывается финансовая поддержка бесплодным парам. Это свидетельствует о недостаточной осведомленности населения о проведении экстракорпорального оплодотворения в Республике Беларусь за счет средств государственного бюджета.

Ключевые слова: вспомогательные репродуктивные технологии; экстракорпоральное оплодотворение; информированность населения; демографическая политика; социологическое исследование.

Благодарность. Работа выполнена в рамках научно-исследовательской работы «Медико-социологические аспекты репродуктивного здоровья и организационные технологии профилактики его нарушений» (№ гос. регистрации 20190514).

PUBLIC AWARENESS ABOUT IN VITRO FERTILISATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS

A. V. SALMINA^a

^aGrodno State Medical University, 80 Maksima Gorkaga Street, Grodna 230009, Belarus

Through a sociological survey, the awareness of Belarusian residents about the problem of the prevalence of infertility and the use of in vitro fertilisation is assessed. The representative republican sample consisted of 1805 respondents. An analysis of the results indicates a high level of respondents' awareness of the prevalence of infertility and the regulation of the use of assisted reproductive technologies. However, a third of the population believes that the problem of infertility and methods of its treatment are not covered in full. The main provider of information about new types of in vitro fertilisation for respondents is healthcare organisations. Almost every second person thinks that there is no financial support for infertile couples in Belarus. This fact indicates insufficient awareness of the population about the in vitro fertilisation procedure in the Republic of Belarus at the expense of the state budget and may become an economic barrier to its use.

Keywords: assisted reproductive technologies; in vitro fertilisation; public awareness; demographic policy; sociological research.

Acknowledgements. The work was carried out within the framework of the research project «Medical and sociological aspects of reproductive health and organisational technologies for the prevention of its violations» (state registration No. 20190514).

Образец цитирования:

Салмина АВ. Информированность населения Республики Беларусь об экстракорпоральном оплодотворении. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;3:89–96.
EDN: SSWLJS

For citation:

Salmina AV. Public awareness about in vitro fertilisation in the Republic of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;3:89–96. Russian.
EDN: SSWLJS

Автор:

Анастасия Владимировна Салмина – ассистент кафедры общественного здоровья и здравоохранения.

Author:

Anastasiya V. Salmina, assistant at the department of public health and healthcare.
salminaa904@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-3466-1993>

Введение

Обеспечение национальной безопасности страны напрямую связано с воспроизводством населения. Новый стиль репродуктивного поведения (откладывание рождения детей на поздний репродуктивный период, ориентация на малолетность, повышение осознанности родительства) осложняется ростом мужского и женского бесплодия. Республика Беларусь, как и большинство развитых стран, столкнулась с тенденцией снижения рождаемости [1, с. 123]. Недостаток человеческого потенциала, безусловно, ведет к сокращению населения [2, с. 44]. На современном этапе поиск ресурсов демографического развития страны является одним из приоритетных направлений. Частью мировой стратегии по решению данной проблемы являются вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ). Согласно материалам конгресса Европейского общества репродукции человека и эмбриологии сегодня в мире насчитывается около 12 млн детей, рожденных с помощью экстракорпорального оплодотворения (ЭКО)¹. Сегодня почти половина всех проведенных протоколов ЭКО в мире приходится на Китай и Японию, которые намного опережают бывших лидеров в области лечения бесплодия – США, Испанию, Францию и Германию. В 2017 г. лидирующую позицию по количеству протоколов ЭКО, завершившихся рождением детей, заняла Беларусь (27,6 %) [3, с. 111]. Однако вклад ВРТ в воспроизводство населения остается небольшим (в Беларуси и России он едва превышает 2 %)².

Первый ребенок, зачатый с помощью ЭКО, родился 45 лет назад. Несмотря на это, вплоть до 2000-х гг. проблема внедрения ВРТ была предметом обсужде-

ния только в медицинском сообществе. Такая тенденция связана с позиционированием новых технологий как метода лечения бесплодия. Расширение области применения ВРТ от медицинской помощи (лечение бесплодия) до медицинской услуги (выбор пола, генетических и фенотипических особенностей, места и времени рождения) инициировало научные исследования различных аспектов ЭКО. Первые немедицинские публикации описывали историю и динамику развития ВРТ. Затем появились работы, посвященные биологическим, экологическим, информационным, социальным, экономическим и культурным факторам применения репродуктивных технологий [4, с. 10; 5, с. 38]. В связи с внедрением в социальную жизнь программ вспомогательной репродукции актуальной стала оценка их влияния на репродуктивное поведение населения, показатели рождаемости и др. [6, с. 34]. Тематика публикаций расширилась за счет анализа психологических проблем пациентов [7, с. 94; 8, с. 47]. Отдельным направлением исследований стали морально-этические аспекты ВРТ [9, с. 78]. Расширение клинической практики использования ЭКО и развитие методов прогнозирования в этой области знаний содействовали росту популярности математического моделирования репродуктивных технологий. Использование математических моделей подтвердило эффективность ВРТ как элемента демографической политики, а также целесообразность государственного финансирования ЭКО [10, с. 627]. Неадекватный спрос на использование ВРТ является следствием ряда причин, одной из которых может выступать низкий уровень информированности населения.

Материалы и методы исследования

На первом этапе исследования были изучены результаты эмпирического анализа использования ЭКО в Республике Беларусь. Была создана авторская анкета, состоящая из паспортной части, блока вопросов и экспертной оценки. Вопросы касались таких тем, как распространенность бесплодия, осведомленность населения о методах ВРТ, соответствующие источники информации, регламентация применения ВРТ в Беларуси, оценочное отношение респондента и его ближайшего окружения к ЭКО, государственная поддержка бесплодных пар в нашей стране, стереотипное отношение к детям, родившимся с помощью ЭКО.

Выборка включала 1805 респондентов в возрасте 18–65 лет, среди них были 954 женщины (53 %) и 851 мужчина (47 %). Из них в Минске проживают 400 человек (213 женщин и 187 мужчин), в Минской области – 284 человека (146 женщин и 138 мужчин), в Брестской области – 251 человек (132 женщины и 119 мужчин), в Витебской области – 217 человек (115 женщин и 102 мужчины), в Гомельской области – 264 человека (143 женщины и 121 мужчина), в Гродненской области – 192 человека (102 женщины и 90 мужчин), в Могилёвской области – 197 человек (103 женщины и 94 мужчины). Выборка сформирована таким образом, чтобы количество человек

¹European Society of Human Reproduction and Embryology [Electronic resource]. URL: https://www.focusonreproduction.eu/article/ESHRE-News-COP23_adamson (date of access: 18.07.2023).

²Регистр ВРТ РАРЧ. Отчет за 2020 год // Рос. ассоц. репродукции человека [Электронный ресурс]. URL: https://rahr.ru/d_registr_otchet/RegistrVRT_2020.pdf (дата обращения: 18.07.2023) ; Будет ли беби-бум? Как бесплатное ЭКО повлияет на демографию в Беларуси // «Минск-Новости» – информ. агентство [Электронный ресурс]. URL: <https://house.gov.by/ru/interview-ru/view/budet-li-bebi-bum-kak-besplatnoe-eko-povlijaet-na-demografiju-v-belarusi-6542/> (дата обращения: 18.07.2023).

в группе было пропорционально численности населения по полу, возрасту и месту проживания (сельское, городское) для каждой области³. Опрос осуществлялся в учреждениях здравоохранения Республики Беларусь на протяжении 2022–2023 гг. после получения согласия на проведение исследования.

Для обработки и анализа данных использовалось программное обеспечение *Microsoft Excel*. Статистическая обработка информации проводилась с помощью программы *Statistica 10*. Для полученных частот (в виде долей единицы) применялась поправка Йетса. Для каждой частоты рассчитывалось значение ϕ – вспомогательной переменной Фишера – в радианной мере. Для каждого полученного значения ϕ посредством двустороннего *t*-критерия рассчитывался 95-процентный доверительный интервал (далее – ДИ 95 %). Границы полученного ДИ 95 % для ϕ – вспомогательной переменной Фишера – пересчитывались в пределах ДИ 95 % исходной переменной – частоты. Достоверность различия частот оце-

нивалась с помощью критерия Фишера в радианной мере и статистики двустороннего *t*-критерия. Результат оценивался как статистически значимый на уровне ошибки первого рода ($p \leq 0,05$). Множественные сравнения осуществлялись с применением поправки Холма – Бонферрони.

Целью настоящей статьи является оценка осведомленности жителей Республики Беларусь о проблеме распространенности бесплодия и применении ЭКО. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи:

- определен уровень информированности населения о ВРТ и распространенности бесплодия в Республике Беларусь;
- выявлена оценка респондентами полноты объема медицинского освещения проблемы бесплодия и способов его лечения в нашей стране;
- установлены приоритетные для населения источники информации о ВРТ;
- определена осведомленность респондентов о государственном финансировании ЭКО.

Результаты и их обсуждение

Исследование показало, что 369 респондентов (20,4 %) считают, что прекрасно осведомлены о ВРТ [18,6; 22,3], 1417 опрошенных (78,5 %) знают о ВРТ в общих чертах [76,6; 80,4], 19 человек (менее 1 %) ответили, что не знакомы с данной формулировкой, или затруднились ответить. Для изучения структуры ответов вся выборка была разделена по критериям (на основании вопросов паспортной части анкеты) и нормирована. Получены следующие статистически значимые результаты ($p \leq 0,05$). Среди респондентов, которые хорошо осведомлены о ВРТ, в 1,2 раза чаще встречаются женщины, чем мужчины, в 1,9 раза чаще – лица с высшим образованием, чем лица со средним специальным образованием, в 1,8 раза чаще – городские жители, чем сельчане, в 2,6 раза чаще – работающие респонденты, чем безработные, в 2,9 раза чаще – учащиеся респонденты, чем те, которые занимаются домашним хозяйством, в 1,3 раза чаще – бездетные лица, чем лица, имеющие детей, в 3,8 раза чаще – лица с опытом использования ВРТ, чем те, у которых такого опыта нет. Среди опрошенных, которые знают о ВРТ в общих чертах, в 1,1 раза больше человек со средним специальным образованием, чем с общим средним или высшим образованием, в 1,1 раза больше сельских жителей, чем горожан, в 1,2 раза больше тех, кто занимается домашним хозяйством, чем работающих или учащихся, в 1,6 раза больше респондентов, имеющих детей, чем бездетных, и в 3 раза больше тех, кто не имеет опыта использования ВРТ, чем тех, у кого

такой опыт был. При этом среди затруднившихся ответить в 5 раз чаще встречались мужчины, чем женщины, и в 6 раз чаще – лица с общим средним образованием, чем лица с высшим образованием.

На вопрос о регламентации применения ЭКО в Республике Беларусь 1618 респондентов (89,6 %) ответили, что оно разрешено [88,2; 91,0]. Среди них респондентов со средним специальным образованием в 1,1 раза больше, чем респондентов с общим средним образованием, а респондентов с высшим образованием в 1,1 раза больше, чем респондентов со средним специальным образованием. При этом среди них в 1,2 раза чаще встречались работающие респонденты, чем пенсионеры, в 1,04 раза чаще – бездетные лица, чем лица, имеющие детей, в 1,04 раза чаще – опрошенные, состоящие в браке, чем несемейные, в 1,05 раза чаще – респонденты, считающие себя нерелигиозными, чем считающие себя религиозными. Также 45 человек (2,49 %) полагают, что ЭКО в Республике Беларусь запрещено [1,82; 3,26]. Среди них в 3,6 раза больше респондентов в возрасте 45–65 лет, чем респондентов в возрасте 18–44 лет, в 4 раза больше лиц с общим средним и средним специальным образованием, чем лиц с высшим образованием, в 2,7 раза больше жителей районных центров, чем жителей столицы и областных городов, в 4,8 раза больше сельских жителей, чем горожан, в 2 раза больше опрошенных, состоящих в браке, чем несемейных, в 3,2 раза больше религиозных респондентов, чем нерелигиозных. При этом 142 респондента

³Половозрастная структура населения Республики Беларусь на 1 января 2021 г. и среднегодовая численность населения за 2020 г. // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/naselenie-i-migratsiya/naselenie/statisticheskie-izdaniya/index_28471/ (дата обращения: 02.05.2021).

(7,87 %) затруднились ответить на вопрос о регламентации применения ЭКО в Беларуси [6,67; 9,15]. Среди них чаще всего встречаются люди с общим средним образованием, несемейные, бездетные и не имеющие постоянной работы. Больше половины опрошенных – 1000 человек (55,4 %) – считают, что искусственная инсеминация разрешена [53,1; 57,7], 254 респондента (14,1 %) полагают, что она запрещена [12,5; 15,7], а 551 респондент (30,5 %) затруднился ответить [28,4; 32,7]. По вопросу применения интрацитоплазматической инъекции сперматозоидов получены следующие результаты: 630 ре-

спондентов (34,9 %) считают, что этот вид ВРТ разрешен [32,7; 37,1], 306 опрошенных (17,0 %) полагают, что он запрещен [15,3; 18,7], 869 человек (48,5 %) затруднились ответить [45,8; 50,5]. Неоднозначно распределились ответы на вопросы о суррогатном материнстве: 840 респондентов (46,5 %) полагают, что оно разрешено [44,2; 48,8], 389 опрошенных (21,6 %) считают, что оно запрещено [19,7; 23,5], 576 респондентов (31,9 %) затруднились ответить [29,8; 34,1].

Анализ полученных результатов показал высокий уровень информированности населения о бесплодии среди семейных пар (рис. 1).

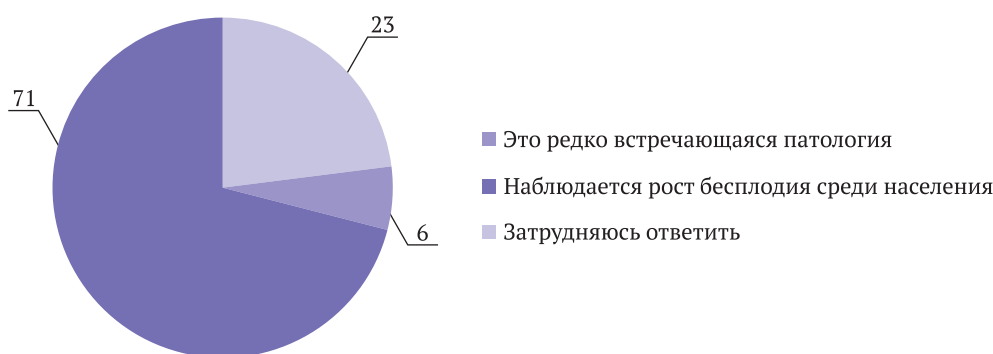

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Насколько, по Вашему мнению, распространено бесплодие?»

Fig. 1. Distribution of respondents' answers to the question: «How widespread is infertility in your opinion?»

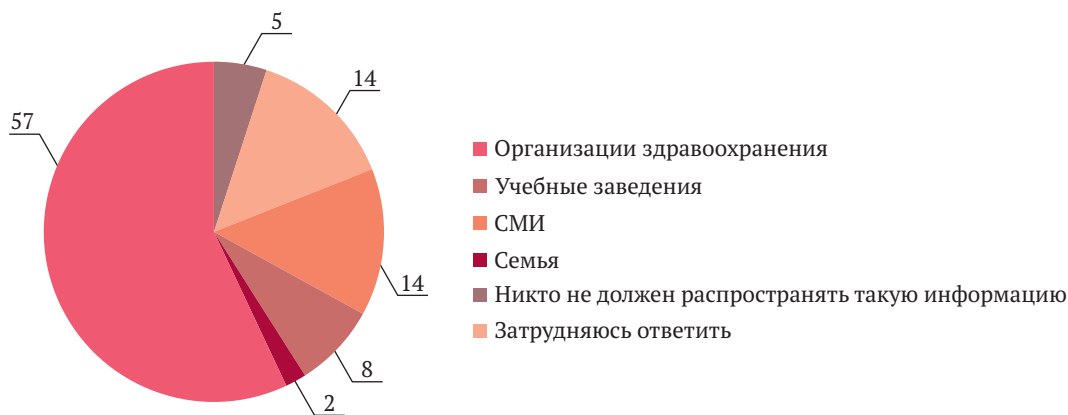

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Из каких источников население может узнавать о новых видах ВРТ, по Вашему мнению?»

Fig. 2. Distribution of respondents' answers to the question: «From what sources can the population learn about new types of assisted reproductive technologies, in your opinion?»

Наименее информированными по вопросу распространенности бесплодия оказались мужчины в возрасте старше 49 лет, имеющие общее среднее или среднее специальное образование, проживающие в сельской местности, религиозные.

По вопросу распространенности бесплодия слабо информированы чаще мужчины, чем женщины, чаще лица в возрасте старше 49 лет, чем лица в возрасте 18–44 лет, чаще опрошенные с общим средним или средним специальным образованием, чем опрошенные с высшим образованием, чаще

сельские жители, чем горожане, чаще религиозные респонденты, чем нерелигиозные.

Полноту объема медицинского просвещения в Беларуси респонденты оценили невысоко. Только 211 респондентов (11,7 %) считают, что проблемы бесплодия и способы его лечения освещаются в официальных СМИ и организациях здравоохранения в полном объеме [10,2; 13,2], 369 опрошенных (20,4 %) полагают, что соответствующая информация в достаточном объеме представлена в интернете [18,6; 22,3], 523 человека (29,0 %) считают, что

в нашей стране проблема бесплодия и способы его лечения не освещаются в полном объеме [26,9; 31,1], при этом 708 респондентов (38,9 %) затруднились ответить [36,7; 41,2]. Среди респондентов, которые не удовлетворены полнотой объема получаемой информации, встречаются чаще лица в возрасте 18–45 лет, чем лица старше 49 лет, респонденты с высшим или общим средним образованием, чем респонденты со средним специальным образованием, жители Минска, чем жители областного или районного центра или поселка, опрошенные, проживающие в областном центре, чем опрошенные, проживающие в районном центре или поселке. В данной категории больше учащих респондентов,

чем тех, которые работают, занимаются домашним хозяйством или находятся на пенсии, больше работающих людей, чем людей, занимающихся домашним хозяйством. При этом чаще встречаются несемейные респонденты, чем респонденты, состоящие в браке, чаще – бездетные лица, чем лица, имеющие детей. Предпочтительными источниками информации о новых видах ВРТ для населения являются организации здравоохранения: на это указали 1032 респондента [54,9; 59,4] (рис. 2).

Белорусы по-разному относятся к проведению ЭКО. Мнение респондентов о том, какие категории граждан могут иметь право на использование ВРТ, представлено в таблице.

Общественное мнение о категориях граждан, имеющих право на использование ВРТ

Public opinion on the categories of citizens who have the right to use assisted reproductive technologies

Категория граждан	Мнение респондентов по поводу применения ВРТ той или иной категорией граждан	Описательная статистика			Результаты попарных сравнений				
		Количество, чел.	Доля выборки, %	ДИ 95 %	1	2	3	4	5
Семейные пары, имеющие репродуктивные проблемы	1. Да	1469	81,4	[79,6; 83,1]	-	+	+	+	+
	2. Скорее да, чем нет	220	12,2	[10,7; 13,7]	+	-	+	+	+
	3. Скорее нет, чем да	56	3,10	[2,35; 3,95]	+	-	-	+	+
	4. Нет	32	1,77	[1,22; 2,43]	+	+	+	-	-
	5. Затрудняюсь ответить	28	1,55	[1,03; 2,17]	+	+	+	-	-
	<i>Всего</i>	<i>1805</i>	<i>100</i>	<i>-</i>	<i>-</i>	<i>-</i>	<i>-</i>	<i>-</i>	<i>-</i>
Одинокие люди	1. Да	604	33,5	[31,3; 35,7]	-	+	+	+	+
	2. Скорее да, чем нет	314	17,4	[15,7; 19,2]	+	-	-	+	+
	3. Скорее нет, чем да	317	17,6	[15,8; 19,4]	+	-	-	+	+
	4. Нет	436	24,2	[22,2; 26,2]	+	+	+	-	+
	5. Затрудняюсь ответить	134	7,42	[6,26; 8,68]	+	+	+	+	-
	<i>Всего</i>	<i>1805</i>	<i>100</i>	<i>-</i>	<i>-</i>	<i>-</i>	<i>-</i>	<i>-</i>	<i>-</i>
Пары, не зарегистрированные в браке	1. Да	387	21,4	[19,6; 23,4]	-	+	-	+	+
	2. Скорее да, чем нет	275	15,2	[13,6; 16,9]	+	-	+	+	+
	3. Скорее нет, чем да	399	22,1	[20,2; 24,0]	-	+	-	+	+
	4. Нет	609	33,7	[31,6; 35,9]	+	+	+	-	+
	5. Затрудняюсь ответить	135	7,48	[6,31; 8,74]	+	+	+	+	-
	<i>Всего</i>	<i>1805</i>	<i>100</i>	<i>-</i>	<i>-</i>	<i>-</i>	<i>-</i>	<i>-</i>	<i>-</i>
Здоровые семейные пары (по желанию)	1. Да	352	19,5	[17,7; 21,4]	-	+	+	+	+
	2. Скорее да, чем нет	213	11,8	[10,4; 13,3]	+	-	+	+	+
	3. Скорее нет, чем да	420	23,3	[21,3; 25,2]	+	+	-	+	+
	4. Нет	683	37,8	[35,6; 40,1]	+	+	+	-	+
	5. Затрудняюсь ответить	137	7,59	[6,41; 8,86]	+	+	+	+	-
	<i>Всего</i>	<i>1805</i>	<i>100</i>	<i>-</i>	<i>-</i>	<i>-</i>	<i>-</i>	<i>-</i>	<i>-</i>

Примечание. Всем вариантам ответа присвоены порядковые номера. В соответствии с ними пронумерованы столбцы в графе «Результаты попарных сравнений». Знаком «+» обозначены достоверные различия между частотой ответов, которые имеют номера, соответствующие номерам пересекающихся строки и столбца.

Наибольшую толерантность респонденты проявили к использованию ВРТ семейными парами, имеющими репродуктивные проблемы (на это указали 1469 респондентов (81,4 %) [79,6; 83,1]), и одинокими людьми (604 опрошенных (33,5 %) [31,3; 35,7]). Среди респондентов, выбравших вариант ответа «семейные пары, имеющие репродуктивные проблемы», встречаются чаще лица в возрасте 18–34 лет, чем лица в возрасте 35–65 лет, респонденты с высшим образованием, чем респонденты со средним специальным образованием, жители столицы, чем жители районных центров или поселков, жители областных центров, чем жители поселков, учащиеся или работающие, чем те, которые занимаются домашним хозяйством, бездетные лица, чем лица, имеющие детей, нерелигиозные опрошенные, чем религиозные. Среди выбравших вариант ответа «одинокие люди» больше женщин, чем мужчин, больше респондентов в возрасте 18–34 лет, чем респондентов в возрасте 35–65 лет, больше лиц с высшим образованием, чем лиц с общим средним или средним специальным образованием, больше жителей столицы, чем жителей районных центров или поселков, больше учащихся опрошенных, чем тех, кто работает или занимается домашним хозяйством, больше бездетных лиц, чем лиц, имеющих детей, больше нерелигиозных респондентов, чем религиозных, больше опрошенных, имеющих опыт обращения к ВРТ, чем тех, которые такого опыта не имеют. Данная позиция характеризует отношение населения к репродуктивным технологиям как к методу лечения различных форм бесплодия, в том числе социального. Общемировая тенденция перехода ВРТ от медицинской помощи к медицинской услуге не вошла в разряд доминирующей стратегии на данном этапе развития белорусского общества.

По результатам некоторых исследований высокая стоимость ВРТ является основным барьером при использовании данных услуг [11, с. 34]. Мнения белорусов по поводу участия государства в финансировании программ ВРТ разделились: 616 опрошенных (34,1 %) считают, что государство должно в полной мере участвовать в финансировании таких программ [32,0; 36,3], 683 респондента (37,8 %) полагают, что частичного участия государства в этих вопросах достаточно [35,6; 40,1], при этом 256 опрошенных (14,2 %) выступили против государственной поддержки такого рода программ [12,6; 15,8], а 250 респондентов (13,9 %) затруднились ответить [12,3; 15,5]. Среди опрошенных, которые поддерживают абсолютное финансирование ВРТ со стороны государства, в 1,3 раза чаще встречаются женщины, чем мужчины, в 2,2 раза чаще – лица в возрасте 18–34 лет, чем в возрасте 45–49 лет, в 1,6 раза чаще – лица в возрасте 18–34 лет, чем лица старше 49 лет, в 2,4 раза чаще – опрошенные с высшим, чем

опрошенные со средним специальным образованием, в 2,7 раза чаще – жители столицы и областных центров, чем жители сельской местности, в 1,4 раза чаще – жители столицы и областных центров, чем жители районных центров, в 1,9 раза чаще – респонденты с высоким доходом, чем респонденты с низким доходом, в 1,8 раза чаще – нерелигиозные, чем религиозные, в 1,3 раза чаще – бездетные опрошенные, чем лица, имеющие детей, в 2,3 раза чаще – респонденты, прибегавшие к использованию ВРТ, чем респонденты, не имеющие такого опыта. Среди выступающих против государственной поддержки программ ЭКО в 1,5 раза больше мужчин, чем женщин, в 2,3 раза больше лиц в возрасте 45–65 лет, чем лиц в возрасте 18–34 лет, в 1,6 раза больше лиц в возрасте 49–65 лет, чем лиц в возрасте 35–44 лет, в 1,8 раза больше лиц со средним специальным образованием, чем лиц с общим средним образованием, в 3 раза больше лиц со средним специальным образованием, чем лиц с высшим образованием, в 1,4 раза больше опрошенных, имеющих детей, чем бездетных, в 4,7 раза больше религиозных респондентов, чем нерелигиозных, в 3,3 раза больше жителей сельской местности, чем жителей столицы, в 3,5 раза больше сельчан, чем жителей областных центров, в 1,7 раза больше жителей сельской местности, чем жителей районных центров, в 2,4 раза больше лиц с низким доходом, чем лиц с высоким доходом, в 1,7 раза больше опрошенных с низким доходом, чем опрошенных со средним доходом, в 5 раз больше лиц без опыта использования ВРТ, чем лиц, имеющих такой опыт.

Экономическая доступность репродуктивных технологий может положительно повлиять на рост их демографического значения. В связи с этим в Республике Беларусь принят Указ Президента Республики Беларусь «О социальной поддержке отдельных категорий граждан»⁴, который предоставляет супружеским парам право на одну бесплатную попытку ЭКО. В ходе исследования было выявлено, что только 430 респондентов (23,8 %) осведомлены о данном новшестве законодательства [21,9; 25,8]. Среди них в 1,6 раза чаще встречаются женщины, чем мужчины, в 1,8 раза чаще – лица в возрасте 18–34 лет, в 1,7 раза чаще – лица 35–44 лет, в 1,6 раза чаще – лица 45–49 лет, чем лица в возрасте 49–65 лет, в 1,6 раза чаще – опрошенные с высшим образованием, чем опрошенные с общим средним образованием, в 2,4 раза чаще – респонденты с высшим образованием, чем респонденты со средним специальным образованием, в 3 раза чаще – лица, имеющие опыт использования ВРТ, чем лица, не имеющие такого опыта. Почти половина опрошенных (43,5 %) считают, что в Беларуси не оказывается финансовая поддержка бесплодным парам [41,3; 45,8], 589 респондентов (32,6 %) затруднились ответить [30,5; 34,8].

⁴Указ Президента Республики Беларусь от 18 мая 2020 г. № 171 «О социальной поддержке отдельных категорий граждан» [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.

Заключение

Результаты исследования демонстрируют высокий уровень информированности респондентов о распространенности бесплодия, а также о регламентации применения ВРТ в нашей стране. Однако почти треть респондентов полагают, что проблема бесплодия и способы его лечения не освещаются в полном объеме. Основным источником информации о новых видах ВРТ для большей части населения являются организации здравоохранения. Белорусы недостаточно информированы по вопросу финансовой поддержки бесплодных пар: почти каждый второй респондент считает, что финансовая поддержка бесплодным парам в нашей стране не оказывается. Наиболее лояльно респонденты относятся к использованию ВРТ семейными парами, имеющими репродуктивные проблемы, а также одинокими людьми. На взгляд автора статьи, данная консервативная позиция общества (восприятие ВРТ в качестве методов лечения при установленном диагнозе) не ограничи-

вает совершенствование и расширение использования (освоение новых методик) ВРТ. Возможно, такая позиция выступает индикатором осмысленного отношения к репродуктивным технологиям не как «модного» способа зачатия, а как специализированной адресной помощи по преодолению различных видов бесплодия.

Информирование населения о проведении процедуры ЭКО за счет средств государственного бюджета, а также преобладание рационального подхода к использованию ВРТ создают благоприятный фон для дальнейшего развития репродуктивной медицины в Беларуси. Однако небольшой суммарный вклад ВРТ в общую рождаемость населения при неуклонном росте бесплодия подтверждает наличие в обществе стереотипов о проведении ЭКО. Перспективным направлением социологического анализа является изучение причин неготовности семейных пар, имеющих репродуктивные проблемы, прибегнуть к ВРТ.

Библиографические ссылки

1. Титаренко ЛГ. Молодая белорусская семья: между государственной социальной политикой и влиянием ценностей демографического перехода. *Женщина в российском обществе*. 2022;3:118–130.
2. Ростовская ТК, Шимановская ЯВ. Брачно-семейные отношения современной молодежи. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*. 2017;3:41–47.
3. Нацун ЛН, Калачникова ОН. Вклад вспомогательных репродуктивных технологий в воспроизводство населения России и социальные аспекты его применения. *Экономическая социология*. 2022;23(3):109–128. DOI: 10.17323/1726-3247-2022-3-109-128.
4. Русанова НЕ. Вспомогательные репродуктивные технологии в России: медицинские прорывы и общественные проблемы. *Население и экономика*. 2020;4(4):5–18. DOI: 10.3897/popecon.4.e58271.
5. Исупова ОГ. Вспомогательные репродуктивные технологии: новые возможности. *Демографическое обозрение*. 2017;4:35–64. DOI:10.17323/demreview.v4i1.6987.
6. Москалёва АА. Эффект от включения вспомогательных репродуктивных технологий в программу государственного медицинского страхования в России. *Население и экономика*. 2020;4(4):19–42. DOI: 10.3897/popecon.4.e59062.
7. Тювина НА, Николаевская АО. Бесплодие и психические расстройства у женщин. Сообщение 2. *Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика*. 2020;12(1):93–99. DOI: 10.14412/2074-2711-2020-1-93-99.
8. Исупова ОГ. Делегирование родительства и язык репродукции: эксперты и пациенты о рождении ВРТ-детей. *Население и экономика*. 2020;4(4):43–56. DOI: 10.3897/popecon.4.e57400.
9. Бронфман СА. Новая нормативность и репродуктивный выбор: попытка осмысления. *Население и экономика*. 2020;4(4):74–83. DOI: 10.3897/popecon.4.e58814.
10. Connolly M, Gallo F, Hoorens S, Ledger W. Assessing long-run economic benefits attributed to an IVF-conceived singleton based on projected lifetime net tax contributions in the UK. *Human Reproduction*. 2009;24(3):626–632. DOI: 10.1093/humrep/den435.
11. Исупова ОГ, Русанова НЕ. Восприятие вспомогательных репродуктивных технологий российской студенческой молодежью. *Народонаселение*. 2021;24(4):34–46. DOI: 10.19181/population.2021.24.4.3

References

1. Titarenko LG. The young Belarusian family: between the state social policy and the influence of the values of demographic transition. *Woman in Russian Society*. 2022;3:118–130. Russian.
2. Rostovskaya TK, Shimanovskaya IaV. Marital and family relationships of today's youth. *Belgorod State University. Scientific Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Law*. 2017;3:41–47. Russian.
3. Natsun LN, Kalachikova ON. Contribution of assisted reproductive technologies to the reproduction of the Russian population and social aspects of their application. *Journal of Economic Sociology*. 2022;23(3):109–128. Russian. DOI: 10.17323/1726-3247-2022-3-109-128.
4. Rusanova NE. Assisted reproductive technologies in Russia: medical breakthroughs and social problems. *Population and Economics*. 2020;4(4):5–18. Russian. DOI: 10.3897/popecon.4.e58271.
5. Isupova OG. Assisted reproductive technologies: new opportunities. *Demographic Review*. 2017;4:35–64. Russian. DOI: 10.17323/demreview.v4i1.6987.
6. Moskaleva AA. Effect of inclusion of assisted reproductive technologies in the state health insurance programme in Russia. *Population and Economics*. 2020;4(4):19–42. Russian. DOI: 10.3897/popecon.4.e59062.

7. Tyuvina NA, Nikolaevskaya AO. Infertility and mental disorders. Communication 2. *Neurology, Neuropsychiatry, Psychosomatics*. 2020;12(1):93–99. Russian. DOI: 10.14412/2074-2711-2020-1-93-99.
8. Isupova OG. Delegation of parenthood and language of reproduction: experts and patients on the birth of ART-children. *Population and Economics*. 2020;4(4):43–56. Russian. DOI: 10.3897/popecon.4.e57400.
9. Bronfman SA. New normativity and reproductive choice: an attempt at comprehension. *Population and Economics*. 2020;4(4):74–83. Russian. DOI: 10.3897/popecon.4.e58814.
10. Connolly M, Gallo F, Hoorens S, Ledger W. Assessing long-run economic benefits attributed to an IVF-conceived singleton based on projected lifetime net tax contributions in the UK. *Human Reproduction*. 2009;24(3):626–632. DOI: 10.1093/humrep/den435.
11. Isupova OG, Rusanova NE. Reception of assisted reproductive technologies by Russian student youth. *Population*. 2021;24(4):34–46. Russian. DOI: 10.19181/population.2021.24.4.3.

Статья поступила в редколлегию 23.08.2023.
Received by editorial board 23.08.2023.

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 316.334.23:338.1:36

СТРАТЕГИИ ТРУДОВОГО ПОВЕДЕНИЯ БЕЛОРУСОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ НА ЗАГРЯЗНЕННЫХ РАДИОНУКЛИДАМИ ТЕРРИТОРИЯХ

И. В. ЛАШУК¹⁾, Е. В. КАРГАПОЛОВА²⁾

¹⁾Белорусский государственный экономический университет, пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь

²⁾Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, пер. Стремянный, 36, 115054, г. Москва, Россия

Анализируются стратегии трудового поведения белорусов, проживающих на территориях, пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС. Результаты исследования свидетельствуют о том, что каждый пятый респондент в указанных регионах опасается потери работы и сомневается в том, что сможет найти равноценный вариант в своем населенном пункте. В Гомельской и Могилёвской областях в этом отношении наблюдается более тяжелая обстановка, чем в Брестской области. Делается вывод о том, что такая тенденция способна вызвать рост социальной напряженности и миграционных настроений на указанных территориях. В этих условиях развитие малого и среднего бизнеса

Образец цитирования:

Лашук ИВ, Каргаполова ЕВ. Стратегии трудового поведения белорусов, проживающих на загрязненных радионуклидами территориях. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;3:97–103.

EDN: CHGYQZ

For citation:

Lashuk IV, Kargapolova EV. Strategies of labour behaviour of Belarusians living in territories contaminated with radionuclides. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;3:97–103. Russian.

EDN: CHGYQZ

Авторы:

Ирина Валерьевна Лашук – кандидат социологических наук, доцент; заведующий кафедрой экономической социологии и психологии предпринимательской деятельности Института социально-гуманитарного образования, руководитель Центра социально-гуманитарных исследований.

Екатерина Владимировна Каргаполова – доктор социологических наук, доцент; профессор кафедры политического анализа и социально-психологических процессов Высшей школы социально-гуманитарных наук.

Authors:

Iryna V. Lashuk, PhD (sociology), docent; head of the department of economic sociology and psychology of entrepreneurship, Institute of Social Science and Humanities Education and head of the Centre for Social and Humanitarian Studies. lashuki1974@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3011-0561>

Ekaterina V. Kargapolova, doctor of science (sociology), docent; professor at the department of political analysis and socio-psychological processes, Higher School of Social Sciences and Humanities.

k474671@list.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2892-3953>

может выступать эффективной мерой по повышению уровня жизни местных жителей и способствовать росту экономических показателей. Подчеркивается необходимость создания условий, при которых трудовой потенциал населения на пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС территориях может быть реализован.

Ключевые слова: стратегии трудового поведения; территории, пострадавшие от аварии на ЧАЭС; малый и средний бизнес.

Благодарность. Работа выполнена в рамках Государственной программы по преодолению последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС на 2021–2025 гг. (задание «Провести социологическую оценку факторов, механизмов и условий развития малого и среднего бизнеса на территориях, пострадавших от аварии на ЧАЭС», № гос. регистрации 20213172).

STRATEGIES OF LABOUR BEHAVIOUR OF BELARUSIANS LIVING IN TERRITORIES CONTAMINATED WITH RADIONUCLIDES

I. V. LASHUK^a, E. V. KARGAPOLOVA^b

^aBelarusian State Economic University, 26 Partyzanski Avenue, Minsk 220070, Belarus

^bRussian University of Economics named after G. V. Plekhanov, 36 Stremyanniy Lane, Moscow 115054, Russia

Corresponding author: I. V. Lashuk (lashuki1974@gmail.com)

The purpose of this work is to identify the specifics of labour behaviour strategies of residents of territories affected by the Chernobyl accident. The results of the study show that every fifth respondent in the studied regions is afraid of losing his job and doubts that he can find an equivalent job in his locality. In Gomiel and Mogiliov regions, the situation in this regard is more tense than in Brest. This can lead to an increase in social tension and migration sentiment in the studied territories. In these conditions, the development of small and medium-sized businesses is an effective step to improve the level and quality of life of residents, which will subsequently lead to an increase in economic indicators in these regions. It is necessary to step up efforts to create conditions under which the labour potential could be realised within the affected regions.

Keywords: strategies of labour behaviour; territories affected by the Chernobyl accident; small and medium-sized businesses.

Acknowledgements. The research was prepared within the framework of the state programme for overcoming the consequences of the Chernobyl disaster for 2021–2025 (assignment «To conduct a sociological assessment of the factors, mechanisms and conditions for the development of small and medium-sized businesses in the territories affected by the Chernobyl accident», state registration No. 20213172).

Сегодня проблематика малого и среднего бизнеса является самой актуальной в вопросе развития экономики Беларуси. Стратегия развития малого и среднего предпринимательства «Беларусь – страна успешного предпринимательства» на период до 2030 г. утверждена постановлением Совета Министров от 17 октября 2018 г. № 743. Цель стратегии – формирование динамично развивающегося сектора малого и среднего предпринимательства, способного существенно улучшить структуру белорусской экономики, повысить ее конкурентоспособность, а также обеспечить эффективную занятость населения и рост его доходов. Основными задачами стратегии выступают создание благоприятных административно-правовых и экономических условий для качественного развития бизнеса и формирование эффективной специализированной структуры государственной поддержки малого и среднего предпринимательства.

Планируется, что к 2023 г. при согласованных действиях государственных органов и субъектов бизнеса реализация указанной стратегии позволит повысить долю субъектов малого и среднего пред-

принимательства до 50 % в общем объеме валовой добавленной стоимости. Для эффективного развития малого и среднего бизнеса в Республике Беларусь недостаточно проведения законодательных реформ, население должно проявлять предпринимательскую активность и обладать соответствующими компетенциями. Именно малый и средний бизнес способен обеспечить занятость белорусов и, соответственно, повысить уровень их жизни.

Как показали результаты социологических исследований, проблема занятости населения является особенно актуальной для регионов, пострадавших от аварии на Чернобыльской атомной электростанции. В связи с этим изучение стратегий трудового поведения местных жителей вызывает особый исследовательский интерес.

Исследования территорий, пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС, проводятся в Беларуси на постоянной основе. Так, в 2017–2019 гг. Институтом социологии НАН Беларуси выполнена научно-исследовательская работа в рамках рекомендаций по формированию установок самореализации и закрепления

молодежи в районах, наиболее пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС [1]. В 2019–2020 гг. Институтом социологии НАН Беларуси совместно с Белорусским государственным экономическим университетом (БГЭУ) выполнен социологический мониторинг, показавший, как население оценивает эффективность реализации целей устойчивого развития, в том числе возможностей трудоустройства в районах, пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС.

Социологическое исследование поведения населения актуализируется в теории социального действия, разработанной М. Вебером. Ученый определяет действие как поведение, с которым действующий индивид связывает субъективный смысл. Социальное действие становится только тогда, когда по предполагаемому действующим лицом смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него. Значит, социальное действие не просто самоориентировано – оно ориентировано прежде всего на других. Ориентацию на других М. Вебер называет ожиданием, без которого действие не может считаться социальным. К другим М. Вебер относит не только индивидов, но и социально общие структуры, такие как государство, право, организации, союзы, т. е. структуры, на которые может ориентироваться индивид в своих действиях, рассчитывая на их определенную реакцию. Таким образом, социальное действие, по Веберу, включает два компонента:

- субъективную мотивацию индивида;
- ориентацию на других, без чего действие не может рассматриваться как социальное.

Социальное действие, по убеждению М. Вебера, выступает в четырех идеальных типах: целерациональном, ценностно-рациональном, аффективном и традиционном [2, с. 38].

В данной работе внимание сосредоточено на трудовых стратегиях поведения, которые в конкрет-

ном эмпирическом исследовании представляют собой совокупность следующих социологических индикаторов: наличие работы в настоящее время, официальная регистрация, сроки заключения трудовых договоров (контрактов), трудовая мобильность, причины смены места работы, наличие угрозы потери работы в настоящее время, возможность найти равноценную работу в своем населенном пункте.

Эмпирической базой статьи выступили результаты сбора данных, проведенного Центром социально-гуманитарных исследований БГЭУ совместно с Институтом социологии НАН Беларуси. Генеральную совокупность исследования составили 2200 белорусов в возрасте 16–59 лет, которые проживают в городских и сельских населенных пунктах Брестской, Могилёвской и Гомельской областей. Выбор указанных областей обоснован тем, что подавляющее большинство (98 %) населения загрязненных радионуклидами территорий Беларуси проживает именно здесь. Маршрут включал 29 районов (4 района Брестской области, 8 районов Могилёвской области, 17 районов Гомельской области).

Опрос показал, что официально и на постоянной основе работают 67,3 % респондентов (наибольшее их число – в Гомельской области). Работают официально, но не постоянно 5,6 % опрошенных (больше всего – в Могилёвской области). Работают неофициально 5,1 % респондентов, временно не работают 11,0 % опрошенных (меньше всего – в Могилёвской области). Распределение ответов респондентов на вопрос: «Работаете ли Вы в настоящее время?» – в зависимости от региона представлен в табл. 1. В категории временно не работающих входят 7,6 % респондентов в возрасте 16–29 лет, 10,5 % опрошенных в возрасте 30–44 лет, 14,4 % респондентов в возрасте 45–59 лет. Никогда не работали 11,2 % респондентов (меньше всего – в Гомельской области).

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Работаете ли Вы в настоящее время?» – в зависимости от региона, %

Table 1

Distribution of respondents' answers to the question:
«Do you currently work?» – depending on region, %

Вариант ответа	Область			Всего
	Брестская	Гомельская	Могилёвская	
Работаю официально и на постоянной основе	62,8	68,4	64,1	67,3
Работаю официально, но не на постоянной основе	7,3	5,0	8,9	5,6
Работаю, но неофициально	4,5	5,0	6,2	5,1
Временно не работаю	13,4	11,4	5,4	11,0
Никогда не работал	12,0	10,5	15,9	11,2

Среди респондентов, работающих официально, срочный контракт заключен у 72,9 % человек, причем больше всего таких ответов в Гомельской области, а меньше всего – в Могилёвской области, где практически каждый 3-й человек работает по бессрочному контракту (табл. 2). По всей выборке по бессрочному контракту работают 16,2 % опрошен-

ных. По договору подряда или краткосрочному контракту трудится каждый 10-й респондент (меньше всего таких респондентов в Брестской области, больше всего – в Могилёвской области). Среди работающих по договору подряда и бессрочному контракту молодежи меньше, чем лиц других возрастных категорий, а мужчин больше, чем женщин.

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Если Вы работаете официально, то на каких условиях?» – в зависимости от региона, %

Table 2

Distribution of respondents' answers to the question: «If you work officially, then for how long is the employment contract concluded?» – depending on region, %

Вариант ответа	Область			Всего
	Брестская	Гомельская	Могилёвская	
Договор подряда, краткосрочный контракт	7,1	10,2	13,2	10,2
Бессрочный контракт	19,9	13,6	31,2	16,2
Срочный контракт	71,3	75,8	53,7	72,9
Другое	2,5	1,3	1,9	1,5

Каждый 4-й опрошенный из числа работающих менял официальное место работы трижды (больше всего таких в Гомельской области, меньше всего – в Могилёвской области), каждый 5-й – дважды. При этом 1 раз меняли место работы 13,9 % респондентов, 4 раза – 14,1 % опрошенных, 5 раз – 7,2 % ре-

спондентов. Каждый 10-й либо вообще не менял работу, либо менял ее 6 и более раз. Таким образом, чем старше опрошенные, тем больше мест работы они сменили. По совокупности ответов в региональном разрезе несколько чаще это наблюдается среди могилевчан и гомельчан (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Сколько раз в жизни Вам приходилось менять официальное место работы?» – в зависимости от региона, %

Table 3

Distribution of respondents' answers to the question: «How many times in your life have you had to change your official place of work?» – depending on region, %

Вариант ответа	Область			Всего
	Брестская	Гомельская	Могилёвская	
Никогда	17,2	7,9	9,4	9,1
1 раз	11,5	13,8	17,2	13,9
2 раза	26,6	18,9	21,1	20,0
3 раза	22,2	26,6	19,5	25,3
4 раза	10,0	14,7	14,1	14,1
5 раз	6,7	7,2	8,1	7,2
6 раз и более	5,9	11,0	10,6	10,4

Из числа трудоустроенных более трети работают или работали на последнем месте работы более 7 лет. В этой категории женщин больше, чем мужчин. Чем старше возрастная группа, тем больше в ней тех, кто работает в одной организации более 7 лет. Ситуация по регионам существенно различается: в Брестской области представители данной

категории составляют более половины опрошенных, тогда как в двух других областях только каждый 3-й респондент трудится на последнем месте работы более 7 лет. Около 40 % опрошенных трудятся на последнем месте работы 1–4 года, 12 % – менее 1 года, 12 % опрошенных работают более 5–6 лет (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Сколько времени Вы трудитесь (трудились) на последнем месте работы?» – в зависимости от региона, %

Table 4

Distribution of respondents' answers to the question: «How long did you work (work) at your last job?» – depending on region, %

Вариант ответа	Область			Всего
	Брестская	Гомельская	Могилёвская	
Менее 1 года	11,0	11,9	13,5	12,0
1–2 года	11,9	22,5	16,9	20,7
3–4 года	15,2	20,5	19,8	19,9
5–6 лет	10,8	11,8	15,5	12,1
7 лет и более	51,1	33,2	34,3	35,3

Среди причин смены места работы респонденты чаще всего называли низкую оплату труда (на это указали 43,2 % опрошенных из числа работающих). В этой категории мужчин больше, чем женщин, лиц в возрасте 30–44 лет больше, чем лиц в возрасте 45–59 и 16–29 лет. Реже всего неудовлетворенность оплатой труда высказывали брестчане – на эту причину сослались менее трети опрошенных из Бреста (табл. 5).

Почти треть (30,0 %) опрошенных по всей выборке в качестве причины смены места работы указали возможность перейти на более интересную работу (в данной категории гомельчан меньше, чем брестчан и могилевчан, а молодежи меньше, чем представителей других возрастных групп). Для 17,2 % опрошенных причиной смены места работы стало сокращение в их организации. В этой категории брестчан меньше, чем представителей других областей, муж-

чин больше, чем женщин, лиц в возрасте 45–59 лет больше, чем лиц других возрастных категорий.

Примерно по 12,0 % опрошенных в качестве причин смены места работы выбрали варианты «возможность профессионально реализоваться на новой работе» (в этой категории меньше всего брестчанок) и «смена места жительства» (несколько больше брестчанок). Примерно каждый 10-й выбрал варианты ответа «ликвидация организации» и «отсутствие работы по моей специальности» (больше всего гомельчан, причем мужчин). Примерно по 7,0 % опрошенных отметили варианты «получение нового профессионального (дополнительного) образования» и «непрестижность работы» (брестчан меньше, чем представителей других областей). Около 5,0 % респондентов выбрали варианты ответа «неприятный морально-психологический климат в коллективе» и «карьерный рост».

Таблица 5

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Если Вам приходилось менять работу, то по каким причинам?» – в зависимости от региона, %

Table 5

Distribution of respondents' answers to the question: «If you had to change job, then for what reasons?» – depending on region, %

Вариант ответа	Область			Всего
	Брестская	Гомельская	Могилёвская	
Низкая оплата труда	31,4	45,3	40,0	43,2
Возможность перейти на более интересную работу	39,7	27,6	37,5	30,0
Сокращение в организации	10,1	18,4	16,3	17,2
Возможность профессионально реализоваться на новой работе	6,9	13,5	14,7	12,9
Смена места жительства	15,0	11,9	11,1	12,2
Ликвидация организации	8,7	10,7	9,7	10,4
Отсутствие работы по моей специальности	3,4	11,2	5,3	9,6
Получение нового профессионального (дополнительного) образования	2,5	8,4	6,1	7,5
Непрестижность работы	1,9	7,0	10,3	6,8
Неприятный морально-психологический климат в коллективе	2,0	5,6	7,8	5,5

Окончание табл. 5
Ending of the table 5

Вариант ответа	Область			Всего
	Брестская	Гомельская	Могилёвская	
Карьерный рост	2,2	4,2	5,7	4,2
Другое	11,2	4,4	4,6	5,2

При ответе на вопрос: «Насколько реальна для Вас в ближайший год угроза потери работы (сокращения, увольнения)?» – наибольшее число респондентов выбрали вариант ответа «трудно сказать определенно». Чаще всего среди них встречаются гомельчане. Примерно каждый 3-й ответил, что ему не угрожает потеря работы. В этой категории не-

сколько больше женщин. Каждый 4-й считает, что потеря работы для него в ближайший год вполне вероятна. В этой категории мужчин больше, чем женщин, респондентов в возрасте 30–44 лет больше, чем молодежи. Причем больше всего опасаются потерять работу гомельчане, а меньше всего – могилевчане (табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Насколько реальна для Вас в ближайший год угроза потери работы (сокращения, увольнения)?» – в зависимости от региона, %

Table 6

Distribution of respondents' answers to the question: «How real is the threat of job loss (layoffs) for you in the coming year?» – depending on region, %

Вариант ответа	Область			Всего
	Брестская	Гомельская	Могилёвская	
Такое вполне возможно	20,0	24,8	15,9	23,3
Мне это не угрожает	44,7	28,3	44,5	31,8
Трудно сказать определенно	35,3	46,9	39,6	44,9

При моделировании ситуации потери работы только 13,1 % работающих опрошенных уверены в том, что легко смогут найти равноценный вариант. У респондентов из Брестской области уверенность гораздо выше, чем у респондентов из Гомельской и Могилёвской областей (табл. 7). Примерно каждый 4-й считает, что сможет найти равноценную работу, приложив небольшие усилия (в этой категории больше всего лиц в возрасте 30–44 лет), каждый 4-й отмечает, что работу в его населенном пункте можно найти с большим трудом (мужчин больше, чем женщин, лиц 30–44 лет больше, чем лиц других возрастных категорий). В данной категории больше всего

могилевчан, а меньше всего – брестчан. В том, что найти равноценную работу невозможно, уверены 11,0 % опрошенных. Чем выше возраст респондента, тем выше его уверенность в этом. Обращает на себя внимание то, что значительное число опрошенных (каждый 4-й) не смогли ответить на данный вопрос (среди них больше всего гомельчан, меньше всего – могилевчан). Таким образом, пессимистичнее всего оценивают свои шансы на поиск равноценной работы в своем населенном пункте жители Могилёвской области. В Гомельской области значительная доля респондентов затруднились ответить, т. е. не смогли оценить свои шансы.

Таблица 7

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы думаете, в случае потери работы Вы легко найдете равноценный вариант в Вашем населенном пункте (районе)?» – в зависимости от региона, %

Table 7

Distribution of respondents' answers to the question: «Do you think, in case of job loss, you will easily find an equivalent option in your locality (district)?» – depending on region, %

Вариант ответа	Область			Всего
	Брестская	Гомельская	Могилёвская	
Да, я легко смог(ла) бы найти равноценную работу	23,4	11,5	14,6	13,1
Думаю, что с небольшими усилиями нашел(ла) бы равноценную работу	25,8	26,2	28,9	26,4

Окончание табл. 7
Ending of the table 7

Вариант ответа	Область			Всего
	Брестская	Гомельская	Могилёвская	
Думаю, что равноценную работу мне удастся найти с большим трудом	18,7	24,2	30,0	24,2
Это в целом невозможно	14,4	10,0	14,6	11,0
Затрудняюсь ответить	17,6	28,1	11,9	25,3

Результаты исследования свидетельствуют о том, что каждый 5-й респондент в регионах, пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС, боится потерять работу и сомневается в том, что сможет найти равноценный вариант в своем населенном пункте. В Гомельской и Могилёвской областях в этом отношении наблюдается более напряженная обстановка, чем в Брестской области. Среди опасющихся потерять работу больше мужчин, чем женщин, причем больше мужчин именно в возрасте 30–44 лет. Такая тенденция может привести к росту социальной напряженности и появлению миграционных настроений на указанных территориях. В этих условиях развитие малого и среднего бизнеса может выступать эффективной мерой по повышению уровня жизни местных жителей и способствовать росту экономических показателей. Подчеркивает-

ся необходимость создания условий, при которых трудовой потенциал населения на пострадавших от ЧАЭС территориях может быть реализован. Решению данной проблемы могла бы помочь разработка программного обеспечения (с привлечением психологов) для профориентационного тестирования населения с учетом потребностей рынка труда загрязненных территорий. Местным органам власти можно было бы организовать среди жителей загрязненных регионов онлайн-тестирование на предмет владения предпринимательскими знаниями. Таким образом белорусы смогли бы адекватно оценить свои знания и компетенции, а также выявить наличие профессиональных пробелов. По итогам тестирования можно было бы организовать курсы дополнительного образования (в том числе на платной основе).

Библиографические ссылки

1. Шавель СА, Лашук ИВ, Мартищенко ЕВ, Назарова ДВ, Мицкевич ОН. *Рекомендации по формированию установок самореализации и закрепления молодежи в районах, наиболее пострадавших от аварии на ЧАЭС*. Минск: Ковчег; 2019. 44 с.
2. Лашук ИВ. *Социокультурная трансформация современного белорусского общества*. Минск: РИВШ; 2022. 243 с.

References

1. Shavel' SA, Lashuk IV, Martishchenkova EV, Nazarova DV, Mitskevich ON. *Rekomendatsii po formirovaniyu ustanovok samorealizatsii i zakrepleniya molodezhi v raionakh, naibolee postradavshikh ot avarii na ChAES* [Recommendations on the formation of attitudes of self-realisation and consolidation of youth in the areas most affected by the Chernobyl accident]. Minsk: Kovcheg; 2019. 44 p. Russian.
2. Lashuk IV. *Sotsiokul'turnaya transformatsiya sovremennogo belorusskogo obshchestva* [Socio-cultural transformation of modern Belarusian society]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2022. 243 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 24.08.2023.
Received by editorial board 24.08.2023.

УДК 314 316.3

ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ ТРАНСФОРМАЦИИ БЕЛОРУССКОЙ СЕМЬИ

А. Г. БОБРОВА¹⁾

¹⁾Институт экономики НАН Беларуси,
ул. Сурганова, д. 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Через призму системообразующих признаков рассматривается эволюция семьи как социального института. Отмечается, что трансформация института семьи тесно связана с демографической безопасностью и обусловлена появлением новых ценностей и ослаблением старых. Выделяются основные этапы изменений в структуре белорусской семьи в связи с тенденциями демографического развития общества. Определяется точка невозврата к многопоколенной многодетной сельской семье. Подчеркивается роль государственных органов в укреплении института семьи и поддержке материнства. Выявляется риск ослабления функции заботы о потомстве как основополагающем факторе сохранения института семьи, а также риск снижения потребности населения в детях. Делается вывод о том, что в условиях высокой смертности низкая рождаемость не может обеспечить демографическую безопасность. Вместе с тем укрепление межпоколенных связей, развитие ответственного отцовства и в целом родительства свидетельствуют о перспективах модернизации семьи.

Ключевые слова: семейная структура; трансформация семьи; брачность; разводимость.

HISTORICAL AND SOCIOLOGICAL STAGES OF THE TRANSFORMATION OF THE BELARUSIAN FAMILY

A. G. BOBROVA^a

^aInstitute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surganova Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

The article considers the evolution of the family as a social institution through the prism of system-forming features. The transformation of the family is closely connected with demographic security and represents a change in the structure and functions of the family institution due to the emergence of new values and weakening of old ones. Five main stages of changes in the structure of the Belarusian family with a linkage to the trends of demographic development are highlighted. The point of no return to a multi-generational rural family with many children is defined. The role of state institutions in strengthening the institution of family and supporting motherhood is emphasised. The risk of reducing the function of caring for offspring as fundamental to the preservation of the family as a social institution and, most importantly, the risk of reducing the need for children was revealed. Under conditions of high mortality, low birth rate does not allow to ensure demographic security. At the same time, the strengthening of intergenerational ties, further development of responsible fatherhood and parenthood in general, allows us to talk about the modernisation of the family, the expansion of its concept and functions.

Keywords: family structure; family transformation; marriage rate; divorce rate.

Образец цитирования:

Боброва АГ. Историко-социологические этапы трансформации белорусской семьи. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;3:104–111.
EDN: SGIFUQ

For citation:

Bobrova AG. Historical and sociological stages of the transformation of the Belarusian family. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;3:104–111. Russian.
EDN: SGIFUQ

Автор:

Анастасия Григорьевна Боброва – кандидат экономических наук, доцент; руководитель Центра человеческого развития и демографии.

Author:

Anastacia G. Bobrova, PhD (economics), docent; head of the Center for Human Development and Demography.
nastasiabobrova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5054-2156>

Введение

Сегодня Республика Беларусь пребывает в затаившемся демографическом кризисе, который обостряется под влиянием геополитических факторов. В середине XX в. ежегодный прирост численности населения достигал 150 тыс. человек. Сокращение рождаемости и увеличение смертности в 1980-х гг. привели к депопуляции населения. В 2006 г. положительные сдвиги в демографическом развитии наблюдались, но они не позволили преодолеть депопуляцию [1]. Такая тенденция является следствием трансформации социума в целом и института семьи в частности. Сегодня изменились выполняемые семьей общественные функции, кроме того, произошло перераспределение обязанностей внутри нее.

Рассмотрение демографического кризиса через призму трансформации семейных структур пред-

ставляет собой новую научную парадигму и является особенно актуальным в прикладном аспекте. Основными демографическими характеристиками современного общества выступают рост числа одиноких людей, сокращение числа семей, а также уменьшение среднего размера семьи. Анализ трансформационных процессов в рамках института семьи позволяет спрогнозировать дальнейшие траектории его развития. Чтобы понять, насколько опасны изменения семейной структуры с точки зрения демографической безопасности, их нужно рассматривать не изолированно, а в широкой сравнительно-исторической перспективе. В данной статье исследуются историко-социологические этапы трансформации семьи на основе анализа обширного фактологического материала¹.

Основная часть

По мнению советского семьевода А. Г. Харчева, семья – это «исторически конкретная система взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, это малая социальная группа, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью и социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения» [2, с. 75]. На институт семьи оказывают влияние общественный строй, экономические, политические и религиозные отношения. В то же время семья обладает относительной самостоятельностью. Под воздействием социально-экономических и геополитических условий она может претерпевать существенные изменения, но при этом играть значительную роль в трансформации общественных отношений.

В трудах Е. М. Бабосова семья предстает как специфический социальный институт, формирование которого предшествовало появлению всех других социальных институтов и который выполняет функцию воспроизводства населения². Его главная роль заключается в регулировании демографического развития общества.

Социально-демографическое преобразование семьи трактуется с разных позиций, в основе которых лежит множество социологических, экономических и демографических теорий [3]. Трансформация

данного института представляет собой естественный процесс модернизации общества, вызванный снижением контроля за демографическим поведением населения, повышением социального статуса женщины, установлением гендерного равноправия, либерализацией поведенческих норм и ценностей. Современное понятие семьи все больше отдалается от советского определения «ячейка общества». Анализ трансформации института семьи предполагает детальное изучение его типов, функций, структуры, а также семейных ценностей.

Ряд исследователей отмечают, что особенности эволюции демографических и семейных отношений обусловлены переходом от аграрного общества к промышленному, урбанизацией, а также ценностными переориентациями социума³ [4–8]. Переход к постиндустриальному обществу разнообразил семейные связи и типы семей, смешал гендерные роли и перераспределил функции внутри семьи.

Результат подобных перемен описал известный демограф А. Г. Вишневский: «Они [перемены] совершались на “микроуровне”, то есть на уровне каждого человека и каждой семьи, затрагивали глубинные, экзистенциальные пласты человеческого бытия, отношение людей к вопросам жизни, продолжения рода, любви, смерти. Эти перемены непосредственно сказались на частной жизни людей, на их брачном, прокреативном, сексуальном, семейном, жизнеохранительном поведении» [5, с. 112].

¹Естественное движение населения БССР за 1927 г. : стат. сб. Минск : Госиздат, 1930. 120 с. ; Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года. Белорусская СССР : стат. сб. М. : Госиздат, 1963. 146 с. ; Итоговые данные переписей населения Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: https://census.belstat.gov.by/saiku/?guest=true&lang=ru&default_view_state=edit#query/open/public/F705N_ru.saiku (дата обращения: 06.12.2022) ; Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/bazy-dannyh/informatsionno-analiticheskaya-sistema-rasprostraneniya-ofitsialnoy-statisticheskoy-informatsii/> (дата обращения: 10.12.2022).

²Бабосов Е. М. Социология. Ч. 1. Общая социологическая теория. Минск : Дизайн ПРО, 1998. 384 с.

³Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи : учебник. М. : Изд-во МГУ, 1996. 304 с.

Одним из основных факторов трансформации семейной структуры является экономическое развитие, сопровождающееся научно-техническим прогрессом и ростом образовательного уровня населения. Сокращение числа детей в семье стало ответной реакцией на фундаментальные сдвиги в жизненном цикле человека: увеличение продолжительности жизни, расширение свободы выбора форм совместной жизни, повышение эффективности планирования сроков рождения детей с помощью вспомогательных репродуктивных технологий [9].

Сегодня семья становится все более зависимой от других социальных институтов. Многие функции родителей перешли к системам здравоохранения, образования и т. д., что существенно изменило характер детско-родительских отношений. Вместе

с тем сохраняется значимость семейной саморегуляции [10]. Именно она обеспечивала демографическую безопасность в самые сложные периоды истории – в годы войн, бедности и голода.

Главным фактором демографической безопасности в нашей стране является прирост численности населения. В идеале он должен обеспечиваться за счет естественного движения и расширенного воспроизводства населения. В условиях низкой рождаемости и высокой смертности одним из факторов компенсации потерь становится миграционный прирост населения. С демографической безопасностью тесно связана трансформация института семьи. Изменение его структуры и функций обусловлено появлением новых ценностей и ослабеванием старых. Этапы трансформации белорусской семьи представлены в таблице.

Этапы трансформации белорусской семьи

Stages of transformation of Belarusian family

Этап	Название	Период	Демографическая тенденция
1	Традиционный	До конца XIX в.	Высокий прирост населения
2	Аграрный	Конец XIX в. – 1954 г.	Высокий прирост населения (несмотря на значительные потери из-за войн, голода и репрессий)
3	Индустриальный	1955–1993 гг.	Стабильный умеренный прирост населения
4	Постиндустриальный	1994–2019 гг.	Убыль населения
5	Инновационный	2020 г. и далее	Стремительная убыль населения

Этап 1. На начальных этапах институт семьи выполнял прежде всего хозяйственно-бытовые функции. Низкая производительность труда и высокая детская смертность обусловили утверждение жизненного уклада, при котором производственная и семейная сфера еще не разделились, а моногамные брачные отношения внутри семьи еще не оформились. Работа и жизнь составляли неразрывное целое, поэтому не было необходимости в четкой дифференциации мужских и женских обязанностей, а также ролевых позиций отца, матери и ребенка.

Распределение хозяйственных функций между мужчиной и женщиной было обусловлено исторически. Мужчина отвечал за материальное обеспечение и защиту, женщина заботилась о детях и вела домашнее хозяйство. Непрерывное рождение детей исключало возможность участия женщины в любой другой форме трудовой деятельности.

На формирование института отцовства повлияли не только филогенетические, но и психологические факторы. Отец проявлял заботу и любовь к ребенку, испытывая эти же чувства к его матери. В последующем понятие отцовства расширилось.

Хотя точные статистические сведения за этот период отсутствуют⁴, можно утверждать, что он характеризуется высокой рождаемостью и смертностью. Семья данного этапа была патриархальной, с большим числом детей. О многопоколенности семей говорить не приходится по причине низкой продолжительности жизни населения.

Этап 2. На данном этапе зафиксированы большие демографические потери вследствие голода в 1933 г., репрессий в 1937 г. и Великой Отечественной войны.

Сильные репродуктивные установки населения на втором этапе способствовали приросту населения. В 1910–1930 гг. рождаемость достигала в среднем 40 ‰. После Великой Отечественной войны показатели рождаемости снизились, но продолжали обеспечивать расширенное воспроизводство населения. Высокая рождаемость сопровождалась высокой младенческой смертностью (в 1926 г. было зафиксировано 98,9 умершего до 1 года в расчете на 1000 родившихся). Вместе с тем средний размер семьи был большим и, по результатам переписи 1939 г., составлял 4,2 человека (3,7 – в городе, 4,4 – в сельской местности).

⁴Регистрация демографических событий на территории Беларуси начала осуществляться с 1918 г., причем подучетные границы постепенно расширялись. Более детальная демографическая статистика доступна начиная с 1926 г.

Активное вовлечение женщин в развитие экономики началось уже в довоенное время. Соотношение занятости женщин и мужчин изменилось. Так, в 1939 г. в экономике были заняты 43 % женщин и 55 % мужчин. Таким образом, наблюдался высокий уровень занятости женщин. Согласно законодательству того времени женщина могла не работать только в течение 8 недель до родов и 8 недель после родов. На период 9 месяцев после родов рабочий день для кормящей матери был сокращен до 6 часов⁵. Кроме того, для этой категории женщин был установлен перерыв через каждые 3 часа.

Формирование экономически независимого домохозяйства и необходимость обеспечения его жизнедеятельности усилили роль мужчины в семье. Именно он являлся главой семьи, давал фамилию детям и нес правовую ответственность за семью. Для женщины работа и домашнее хозяйство почти не разделялись. Функция ребенка заключалась в помощи родителям. С самого раннего возраста дети выполняли любую работу, в том числе в тяжелых условиях, что становилось причиной высокой детской смертности.

В послевоенный период, когда начали набирать темпы индустриализация и урбанизация, семейная структура претерпевала изменения. Был принят ряд мер по повышению рождаемости: в 1944 г. увеличена помощь беременным, многодетным и одиноким матерям, введено почетное звание «Мать-героиня», учреждены ордена «Материнская слава» и «Медаль материнства». В 1945 г. был упрощен порядок оформления детей, рожденных вне брака.

На природу численности населения в это время оказал влияние высокий уровень брачности. Регистрировались новые браки, легализовались союзы, заключенные в военных условиях. В 1950 г. уровень брачности достиг 9,6 % при уровне разводимости 0,2 %. В 1950–1954 гг. средний уровень рождаемости составлял 25 ‰ и не снижался до конца десятилетия.

Совместное ведение хозяйства требовало объединения усилий трех-четырёх поколений. Этот период по праву может считаться благоприятным в плане демографического развития и укрепления института семьи. Семья второго этапа была многопоколенной, патриархальной, с большим числом детей.

Этап 3. Социальные, политические, демографические и другие изменения в жизни общества во многом обусловлены экономическим развитием института семьи [3; 5; 9; 11; 12]. Так, на данном этапе, характеризовавшемся развитием производства, семья стала единицей хозяйственного механизма общества. Проникновение рыночных отношений в социальную сферу повлияло на структуру функций семьи. Произ-

шло отделение профессиональной деятельности от ведения домашнего хозяйства [13]. Распределение гендерных ролей в выполнении трудовых и семейных обязанностей стало более выраженным. Начал оформляться новый тип семьи – нуклеарная, или малая, семья. Она включала два поколения, а именно родителей и детей [14].

Демографическое поведение населения в советский период в значительной мере было обусловлено социальными нормами: семья была ячейкой общества, государство оказывало определенное влияние на уклад семейной жизни. Из позитивных тенденций данного этапа можно назвать только достаточно высокий уровень брачности (8–11 %) в течение длительного периода (1959–1991 гг.). В 1992 г. уровень брачности впервые опустился ниже 8 %.

Вследствие эволюции ценностей (от традиционных групповых ценностей приоритет перешел к ценностям самореализации) в этот период была пересмотрена роль семьи. Увеличилась значимость равноправия в браке, все большее внимание придавалось интимной связи между супругами. Оформился институт детства. Ребенок воспринимался как человек, совершенно отличный от взрослого. Он не допускался в мир взрослых знаний (они касались прежде всего тем сексуального поведения, власти, смерти и др.).

В регулировании рождаемости на данном этапе произошел прорыв: появление противозачаточных средств предоставило человеку свободу выбора. Новые жизненные приоритеты и возможности самореализации привели к сокращению числа детей в семье. Уровень рождаемости упал с 25 ‰ в 1955 г. до 16 ‰ в 1980 г.

Для повышения рождаемости советское правительство внесло ряд изменений в законодательство. В 1981 г. для работающих матерей (в том числе для женщин-колхозниц), имеющих общий трудовой стаж не менее года, а также для женщин, обучающихся с отрывом от производства, был введен частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до достижения им 1 года и дополнительный отпуск без сохранения заработной платы до достижения ребенком 1,5 года. С 1 декабря 1989 г. дополнительный отпуск без сохранения заработной платы увеличился с 1,5 до 3 лет. С 1 декабря 1990 г. отпуск по беременности и родам увеличился со 112 до 126 календарных дней, в случаях осложненных родов или рождения двоих и более детей предусматривался отпуск сроком 140 дней⁶. Указанные меры позволили сохранить рождаемость на уровне 16–17 ‰ до 1989 г. и, кроме того, обеспечить высокий уровень рождаемости в 2007–2017 гг.

⁵Декрет ВЦИК о страховании на случай болезни // Электронная библиотека исторического факультета МГУ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/17-12-22.htm> (дата обращения: 24.05.2023).

⁶О порядке назначения и выплаты некоторых пособий и об изменении и дополнении решений Правительства СССР о государственной помощи семьям, имеющим детей // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_17641.htm (дата обращения: 30.06.2023).

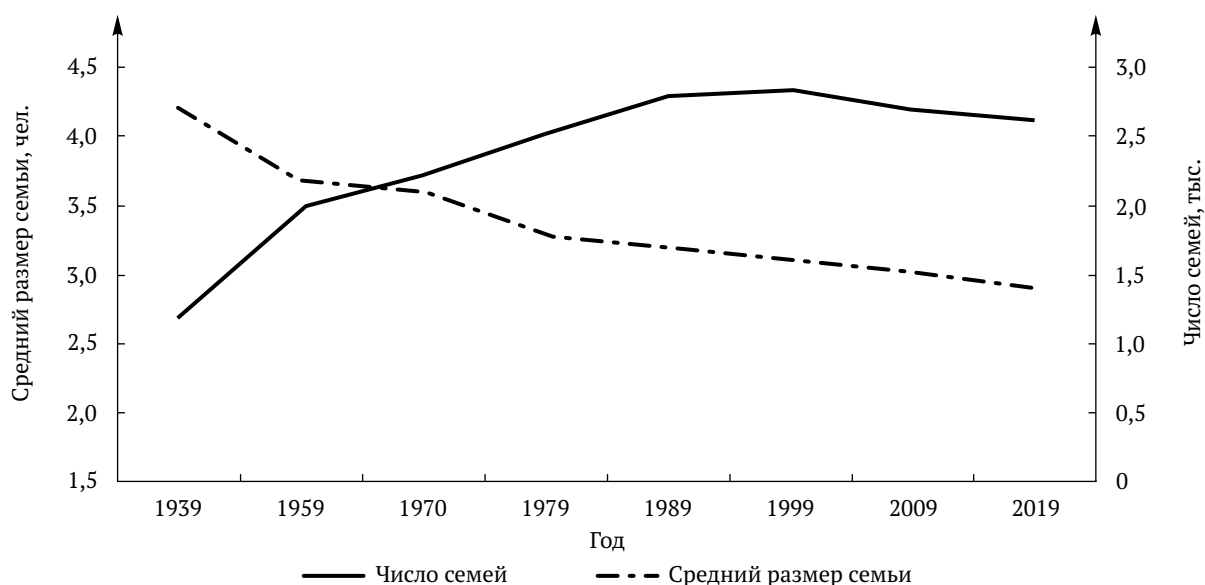
На данном этапе наблюдался рост разводимости. К 1980 г. этот показатель увеличился более чем в 5 раз по сравнению с 1959 г. и составлял 3,2 %, продолжая расти (в 1993 г. он составил 4,4 %). Часто после разводов заключались повторные браки. Количество семей увеличивалось, но их структура смещалась в сторону двухдетных семей. Средний размер семьи сократился с 3,7 человека в 1959 г. до 3,2 человека в 1989 г.

Конец третьего этапа характеризовался стремительным сокращением рождаемости. Это было обусловлено социально-экономической турбулентностью постсоветского периода. Семья третьего этапа была нуклеарной, двухдетной.

Этап 4. На данном этапе институт семьи столкнулся с определенными проблемами, особенно в вопросах бытовых условий жизни и отношения партнеров друг к другу и к детям. Внешние социальные

связи расширялись. В вопросах воспитания детей, ухода за больными и стариками все больше участвовали государственные институты. Актуальной становилась тема кризиса института семьи. В качестве его причин рассматривались перемены в ценностных ориентирах, сокращение числа семей, рост количества неполных семей (если в 2009 г. неполной была каждая пятая семья, то в 2019 г. – уже каждая четвертая). Впервые наметилась демографическая тенденция, при которой уменьшение размера семьи сопровождалось сокращением абсолютного числа семей (см. рисунок).

На сокращение числа семей и падение рождаемости повлияло повышение возраста вступления в брак. В 2019 г. возраст вступления в первый брак, по сравнению с 1990 г., увеличился почти на 4 года: до 28,3 года у мужчин и до 26,1 года у женщин.

Динамика числа семей и среднего размера семьи согласно данным 1939–2019 гг. (данные за 1939 г. указаны в границах до 17 сентября 1939 г.)⁷

Dynamics of the number of families and average family size according to the data of 1939–2019 (the data for 1939 are indicated within the boundaries up to 17 September 1939)

Если на прежних этапах фундаментом семьи выступало общее социальное происхождение, то теперь браки заключались на основе единства интересов. Так, многие исследователи подчеркивают значимость партнерских отношений в укреплении института семьи [15–22]. Причем под партнерством понимается равенство как между партнерами, так и между детьми и родителями.

Экономическая независимость женщин и гендерное равноправие привели к смешению сугубо «мужских» и сугубо «женских» функций: женщины все реже стали регистрировать брак, период актив-

ного материнства стал короче, так как дети потеряли свое экономическое значение. Средний возраст женщины при рождении ребенка наиболее существенно увеличился в 2019 г. и достиг 29,6 года, что на 4,3 года больше, чем в 1990 г.

На данном этапе сохранилась, но ослабла одна из основных функций семьи – воспитательная. Родители стремились установить эмоциональные отношения со своими детьми и подготовить их к жизни во взрослом мире. Элементом воспитательного процесса стало материальное стимулирование. Можно сказать, что в семью вошли рыночные отношения.

⁷Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года. Белорусская ССР : стат. сб. М. : Госиздат, 1963. 148 с. ; Шахотько Л. П. Домохозяйство, семья и семейная политика в Беларуси. Минск : Беларус. навука, 2018. С. 126 ; Итоговые данные переписей населения Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: https://census.belstat.gov.by/saiku/?guest=true&lang=ru&default_view_state=edit#query/open/public/F705N_ru.saiku (дата обращения: 06.12.2022).

Брак, основанный на общности интересов, в том числе материальных, был уязвимым. Семья стала терять автономность, передавая некоторые свои функции государству. Происходил процесс растворения семьи в государстве, в частности изменения ее функциональных границ посредством подключения большого числа несемейных институтов. Развивалась система финансовой помощи малоимущим семьям, которая включала не только денежное вспоможение, но и другие формы дотаций семьям.

Наблюдался рост числа людей, предпочитающих не связывать себя семейными отношениями. За 2009–2019 гг. прирост одиноких был таким же, как за 1959–2009 гг. В 2019 г. число одиноких превысило 1,6 млн человек, из них более 1 млн человек – женщины.

Стремление к одиночеству стало результатом замены реального общения виртуальным. Развитие информационных технологий сформировало новый тип культуры и изменило содержание детства. Общество характеризовалось высоким уровнем жизни и предлагало множество вариантов самореализации.

Основной причиной снижения рождаемости в Беларуси на данном этапе стала низкая мотивация населения к деторождению. По данным переписи 2019 г., 57,5 % женщин в возрасте 18–49 лет (1193,3 тыс.) не планировали рождение детей.

Поддерживать уровень рождаемости позволяет низкая младенческая смертность, что является безусловным демографическим достижением XXI в. Благодаря развитию здравоохранения уже в 1999 г. показатель младенческой смертности в Беларуси стал ниже значения «10 смертей на 1000 родившихся». В 2019 г. показатель достиг рекордно низких значений в международном сравнении – 2,4 умершего до 1 года на 1000 родившихся.

Несмотря на благоприятную демографическую структуру, этот период характеризовался низким уровнем рождаемости при высоком уровне брачности. Женщины, посвящая себя карьерному росту, часто откладывали рождение детей или вовсе отказывались от него. Даже будучи в браке, молодые женщины не всегда реализовывали репродуктивные установки, отдавая предпочтение профессиональной самореализации. На этапе 4 мужчины с большим пониманием стали относиться к профессиональным притязаниям своих жен, но это не изменило распределения домашних обязанностей между мужчинами и женщинами. Результаты масштабного социологического исследования показали, что проблема неравномерного участия супругов в выполнении работы по дому и распределения обязанностей по уходу за детьми в белорусских семьях сохраняется⁸.

На данном этапе можно говорить об активном вовлечении отца в процесс ухода за ребенком. Институт отцовства укреплялся посредством расширения функций, которые ранее выполняли только матери. Укрепление роли отца положительно сказалось и на развитии института семьи. Одной из позитивных тенденций стало преодоление роста разводимости (в 1995 г. этот показатель составлял 4,1 %, в 2000 г. – 4,4 %, в 2019 г. – 3,7 %).

В целом четвертый этап представляет собой сложный период трансформации семьи в сторону одиодетности и откладывания деторождения. Как следствие, низкий уровень рождаемости на фоне высокой смертности не смог обеспечить воспроизводство и естественный прирост населения. Семья четвертого этапа – нуклеарная семья с одним-двумя детьми, в том числе с одним родителем.

Этап 5. Современный период демографического развития и трансформации института семьи находится под влиянием непредвиденных кризисных факторов. Пандемия, геополитическая обстановка и социально-экономические проблемы негативно сказались на структуре семей, а также на их количестве.

Рекордным по низкому уровню брачности стал 2020 г. (5,4 %). Как результат, уровень рождаемости упал ниже самых пессимистичных показателей 1997 г. (8,7 %). Уровень разводимости остается стабильным и составляет 3,7 %, что в определенной степени связано с тенденцией распространения незарегистрированных браков и, соответственно, расставаний.

Все больше обостряется проблема социальной старости. Изменяется соотношение фаз жизненного цикла женщины. Для нее важно совмещать трудовую и семейную активность, ведь после взросления детей женщина-домохозяйка рискует оказаться в кризисной ситуации.

Тенденция к равноправию и изоляции женщин определяет особенности их профессиональной активности. Растет количество работающих женщин: их доля превысила 50 % в 2022 г.⁹ Наибольшее количество работающих женщин приходится на возрастную группу 30–49 лет (54,6 %).

Сегодня у женщины есть возможность работать практически в любом виде деятельности. Ее профессиональная активность прерывается лишь на период рождения ребенка и ухода за ним. При этом позиция женщин на рынке труда усиливается. В результате исследования 2022 г. было выявлено, что уровень занятости среди женщин 20–49 лет, имеющих детей, выше уровня занятости бездетных женщин (91,1 и 86,9 % соответственно). Причем у многодетных

⁸Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение / ред.: О. Терещенко, Т. Кучера. Минск : Белсэс, 2018. 189 с. Т. 2: Анализ результатов исследования «Поколения и гендер».

⁹Занятость населения в Республике Беларусь в 2022 году (по материалам выборочного обследования) : стат. бюл. Минск : Белстат, 2023. 152 с.

матерей уровень занятости также высокий – 83,2 %. Растет число женщин, которые возвращаются к работе до достижения ребенком 3 лет. Такая тенденция связана в том числе с организацией гибкого режима труда и частичной занятостью. Так, среди женщин 20–49 лет, имеющих детей до 2 лет, уровень занятости составляет 85,4 %.

Большинство исследователей указывают на возрастающую независимость членов семьи. Снижение количества совместно проживающих поколений приво-

дит к уменьшению размера семьи. Уже в 2019 г. средний размер семьи составил всего 2,9 человека, что позволяет говорить о нарастании тенденции даже не однодетности, а бездетности. Отсутствие детей в структуре семьи лишает ее статуса социального института.

Этап 5 может назвать кризисным периодом в демографическом плане: усиливается депопуляция, семья все больше утрачивает признаки социального института. Семья данного этапа – бездетная или однодетная, но в перспективе многопоколенная.

Заключение

Таким образом, за столетний период белорусская семья трансформировалась из многодетной многопоколенной сельской в двухдетную нуклеарную городскую. На разных этапах на устойчивость института семьи оказывали влияние различные социальные структуры. Сегодня роль государственных институтов, позволяющих семье расширить свои функции, существенно возросла. Однако опасение вызывает ослабление функции заботы о потомстве как об основополагающем факторе сохранения института семьи, а также снижение потребности населения в детях.

Анализ изменения функций, типов и ценностей семьи позволяет сделать вывод о том, что процесс трансформации данного социального института имеет амбивалентный характер. Помимо тенденции функционального и экономического растворения семьи в государстве, наблюдается и тенденция все большей изоляции семьи от общества, что проявля-

ется в сокращении количества совместно проживающих поколений.

Сегодня буржуазный тип семьи постепенно изживает себя и утрачивает свои ключевые характеристики. К последним относятся свободный выбор партнеров, их близкий возраст, отказ от добрачной сексуальности, заключение брака и последующее рождение ребенка, экономическая независимость, совместный быт, взаимная готовность к помощи и уходу за детьми, включенность всех половозрелых мужчин и женщин в брачные отношения. С учетом отмеченных тенденций прогноз функционирования семьи как социального института усложняется. Траектория ее изменения зависит от социальных, идеологических, экономических и политических трансформаций общества. Вместе с тем укрепление межпоколенных связей, развитие ответственного отцовства и в целом родительства свидетельствуют о перспективах модернизации семьи.

Библиографические ссылки

1. Боброва А. Профилактика заболеваний – приоритет Беларуси на пути к долголетию. *Наука и инновации*. 2021; 1:65–69.
2. Харчев АГ. *Брак и семья в СССР*. Москва: Мысль; 1979. 367 с.
3. Шахотько ЛП. *Домохозяйство, семья и семейная политика в Беларуси*. Минск: Беларуская навука; 2018. 400 с.
4. Тоффлер Э. *Третья волна*. Гуревич ПС, редактор. Москва: АСТ; 1999. 781 с.
5. Вишневецкий АГ. *Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР*. Москва: ОГИ; 1998. 432 с.
6. Доброхлеб ВГ, Гузанова АК. Городское население и семья в современной России. *Народонаселение*. 2016;2:75–84.
7. Голод СИ. *Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты*. Ленинград: Наука; 1984. 136 с.
8. Римашевская НМ, Доброхлеб ВГ, Баллаева ЕА, редакторы. *Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире. Том 2*. Москва: Экономическое образование; 2018. 216 с.
9. Вишневецкий АГ, Захаров СВ, Иванова ЕИ. Эволюция российской семьи. *Экология и жизнь*. 2008;9:4–9.
10. Куфтяк ЕВ. Жизнеспособность семьи: теория и практика. *Медицинская психология в России* [Интернет]. 2014 [протитировано 20 августа 2023 г.];5. Доступно по: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2014_5_28/nomer/nomer09.php.
11. Хилл Р. Современные тенденции в теории семьи. *Социологические исследования*. 1970;4:56–62.
12. Саркисян ГС, Кузнецова НП. *Потребности и доход семьи*. Москва: Экономика; 1967. 176 с.
13. Lehr U. Beruf und Familien: Zur Vereinbarkeit Zweier Lebensbeieiche. In: Weigelt K, Redakteur. *Familier und Familienpolitik. Zur situation in der Bundesrepublik Deutschland*. Melle: Knoth; 1985. S. 125–133.
14. Grieswelle D. Probleme Heutiger Familie und Familienpolitik. In: Weigelt K, Redakteur. *Familier und Familienpolitik. Zur situation in der Bundesrepublik Deutschland*. Melle: Knoth; 1985. S. 21–36.
15. Егорова НЮ. Современное супружество: модели отношений. *Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2013;4:20–26.
16. Саралиева ЗХ, Балабанов СС. Партнерские отношения в большом городе. *Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2012;1:84–89.
17. Вавакина ТС. Субъективная оценка опыта партнерства и ценность партнерских взаимоотношений. *Человеческий фактор: социальный психолог*. 2020;1:153–159.
18. Голод СИ. Современная семья: плюрализм моделей. *Социологический журнал*. 1996;3–4:99–108.

19. Панфилова ЮМ. Представления о партнерстве в незарегистрированном браке. *Семья и личность: проблемы взаимодействия*. 2020;18:56–62.

20. Gerschwer S. Conflicts over intimacy within mature, happy marriages reliance and reliability in intimate relationships: an interpretive phenomenological analysis. *Conflict Resolution* [Internet]. 2021 [cited 2023 June 30]. Available from: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/crq.21321>. DOI:10.1002/crq.21321.

21. Quari S. Marriage, adaptation and happiness: are there long-lasting gains to marriage? *Journal of Behavioral and Experimental Economics*. 2014;50:29–39.

22. Позняков ВП, Панфилова ЮН. Представления о партнерстве мужчин и женщин, состоящих в добрачных отношениях и в зарегистрированном браке. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*. 2022;1:53–68. DOI: 10.18384/2310-7235-2022-1-53-68.

References

1. Bobrova A. [Disease prevention – Belarus' priority on the way to longevity]. *Nauka i innovatsii*. 2021;1:65–69. Russian.
2. Kharchev AG. *Brak i sem'ya v SSSR* [Marriage and family in the USSR]. Moscow: Mysl'; 1979. 367 p. Russian.
3. Shakhot'ko LP. *Domokhozyaistvo, sem'ya i semeinaya politika v Belarusi* [Household, family and family policy in Belarus]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2018. 400 p Russian.
4. Toffler E. *Tret'ya volna* [The third wave]. Gurevich PS, editor. Moscow: AST; 1999. 781 p. Russian.
5. Vishnevskii AG. *Serp i rubl': konservativnaya modernizatsiya v SSSR* [Sickle and ruble: conservative modernisation in the USSR]. Moscow: Ob'edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo; 1998. 432 p. Russian.
6. Dobrokhleb VG, Guzanova AK. [Urban population and family in modern Russia]. *Narodonaselenie*. 2016;2:75–84. Russian.
7. Golod SI. *Stabil'nost' sem'i: sotsiologicheskii i demograficheskii aspekty* [Stability of the family: sociological and demographic aspects]. Leningrad: Nauka; 1984. 136 p. Russian.
8. Rimashevskaya NM, Dobrokhleb VG, Ballaeva EA, editors. *Nastoyashchee i budushchee sem'i v menyayushchemsya mire. Tom 2* [The present and future of the family in a changing world. Volume 2]. Moscow: Ekonomicheskoe obrazovanie; 2018. 216 p. Russian.
9. Vishnevskii AG, Zakharov SV, Ivanova EI. [Evolution of the Russian family]. *Ekologiya i zhizn'*. 2008;9:4–9. Russian.
10. Kuftyak EV. [Viability of the family: theory and practice]. *Meditinskaya psikhologiya v Rossii* [Internet]. 2014 [cited 2023 August 20];5. Available from: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2014_5_28/nomer/nomer09.php. Russian.
11. Hill R. [Modern trends in family theory]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1970;4:56–62. Russian.
12. Sarkisyan GS, Kuznetsova NP. *Potrebnosti i dokhod sem'i* [Needs and income of the family]. Moscow: Ekonomika; 1967. 176 p. Russian.
13. Lehr U. Beruf und Familien: Zur Vereinbarkeit Zweier Lebensbeieiche. In: Weigelt K, Redakteur. *Familier und Familienpolitik. Zur situation in der Bundesrepublik Deutschland*. Melle: Knoth; 1985. S. 125–133.
14. Grieswelle D. Probleme Heutiger Familie und Familienpolitik. In: Weigelt K, Redakteur. *Familier und Familienpolitik. Zur situation in der Bundesrepublik Deutschland*. Melle: Knoth; 1985. S. 21–36.
15. Egorova NYu. Modern marriage: models of relations. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Social Sciences*. 2013;4:20–26. Russian.
16. Saraliev ZKh, Balabanov SS. Cohabitions in a big city. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Social Sciences*. 2012;1:84–89. Russian.
17. Vavakina TS. [Subjective assessment of partnership experience and the value of partnership relationships]. *Chelovecheskii faktor: sotsial'nyi psikholog*. 2020;1:153–159. Russian.
18. Golod SI. [Modern family: pluralism of models]. *Sociological Journal*. 1996;3–4:99–108. Russian.
19. Panfilova YuM. Partnership notions in a non-registered marriage. *Family and Personality: Problems of Interaction*. 2020;18:56–62. Russian.
20. Gerschwer S. Conflicts over intimacy within mature, happy marriages reliance and reliability in intimate relationships: an interpretive phenomenological analysis. *Conflict Resolution* [Internet]. 2021 [cited 2023 June 30]. Available from: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/crq.21321>. DOI:10.1002/crq.21321.
21. Quari S. Marriage, adaptation and happiness: are there long-lasting gains to marriage? *Journal of Behavioral and Experimental Economics*. 2014;50:29–39.
22. Poznyakov VP, Panfilova YuM. Emotional evaluation of partnership in pre-marital and marital relations. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*. 2022;1:53–68. Russian. DOI: 10.18384/2310-7235-2022-1-53-68.

ЮБИЛЕИ

JUBILEES

Павла Петровна
УКРАИНЕЦ

Pavla Petrovna
UKRAINETS

Известному белорусскому ученому, общественному и государственному деятелю Павле Петровне Украинце 26 сентября исполнилось 90 лет. Она поистине талантливый человек, ей присущи необыкновенное упорство в достижении целей, трудолюбие и альтруизм. Будучи уже признанным ученым и известным журналистом, занимая высокий партийный пост, Павла Петровна остается надежным другом и простым в общении человеком.

П. П. Украинец принадлежит к машеровской команде ЦК КПБ. Она не просто занималась организационной деятельностью в сфере культуры – она жила ее проблемами, тесно общалась со многими культурными деятелями. Для окружающих Павла Петровна – загадка, человек, способный удивляться и удивлять. Охват лишь одной сферы деятельности не соответствует масштабу ее разносторонней натуры, сильному характеру и творческим возможностям. Поэтому даже в столь почтенный юбилей Павла Петровна Украинец остается неразгаданным феноменом новейшей истории Беларуси.

Жизненный путь П. П. Украинец восхищает. Маленькая девочка из деревеньки Хоромск Столинского

района выросла в авторитетного государственного и общественного деятеля, маститого ученого и известного педагога. За ее плечами – потеря родных, тяжелый крестьянский труд. В годы фашистской оккупации страх смерти витал повсеместно. Детское сердце Павлы Украинец хранило гордость за мужество старших, готовность к самопожертвованию и неистребимое желание выстоять во что бы то ни стало. Беларусь того времени была пропитана духом сопротивления, патриотизма и неизбежной победы. Тогда, видимо, и возникло у Павлы Петровны желание рассказать новому поколению обо всем увиденном и пережитом. Жизнь направила ее на факультет журналистики Белорусского государственного университета.

Быть летописцем своего времени Павлу Украинец выбрала сама судьба. Журналистика, исторические науки и, конечно, социология дали ей возможность слышать голос реальной жизни, истину, сопереживать героям своих публикаций, понимать их горести и радости. На встречу с таким человеком, как П. П. Украинец, идешь как на исповедь. Высокий авторитет среди коллег, друзей, учеников – яркое подтверждение тому.

Всю свою жизнь Павла Петровна честно и добросовестно трудилась. Она писала для таких газет, как «Полесская правда», «Чырвоны сцяг», «Ленінскі шлях», являлась первым секретарем Столинского райкома, заведующим отделом, секретарем Брестского обкома комсомола, секретарем Пинского горкома КП Беларуси. В 1971–1987 гг. трудилась в аппарате ЦК КП Беларуси. Более 20 лет своей жизни П. П. Украинец посвятила БГУ. За каждой вехой ее жизненного пути стоит впечатляющий результат. В 2008 г. профессору Павле Петровне присвоено звание «Отличник образования Республики Беларусь». В 2009 г. за достижения в области социальных и гуманитарных наук она стала лауреатом премии БГУ имени В. И. Пичеты.

В 2017 г. П. П. Украинец издала прекрасную книгу «Люблю и помню. Воспоминания. Посвящается моим родным». В ней – переживания, трудности, радость побед, мудрость и опыт человека, бесконечно влюбленного в жизнь, родной край, людей, с которыми довелось встретиться, работать, дружить.

Сегодня Павла Петровна Украинец на заслуженном отдыхе. При этом она всегда на связи и в любую минуту готова прийти на помощь. За это мы ее очень любим.

Поздравляем Вас, дорогая Павла Петровна, с юбилеем! Желаем Вам здоровья и долгих лет жизни. Продолжайте и дальше радовать нас своими талантами.

*А. Н. Данилов*¹

¹Александр Николаевич Данилов – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, doctor of science (sociology), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

**Александр Петрович
ЛИМАРЕНКО**

**Aleksandr Petrovich
LIMARENKO**

Известному белорусскому ученому, кандидату философских наук, доценту Александру Петровичу Лимаренко 23 сентября исполнилось 80 лет. Его увлеченность наукой, творческое горение, профессионализм безмерны. Несколько лет назад Александр Петрович оставил активную преподавательскую деятельность, но его связь с миром науки не прервалась. Несмотря на возраст, он всегда с нами. Никто никогда не видел его без настроения, хмурым, ворчливым и жалующимся на жизнь. Оптимизм – его кредо.

Александр Петрович, безусловно, один из неформальных лидеров белорусской социологической семьи. Секрет заключается в его уникальной харизме, коммуникабельности, таланте притягивать к себе людей. А. П. Лимаренко отличают философская погруженность в проблему, здоровая критичность в осмыслении новых вызовов, безукоризненная логика, высокая культура мышления и стремление к аргументированности выводов.

Многие хорошо помнят, как в 1970–80-х гг. Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований при Белорусском государственном университете собирала вокруг себя самых перспективных молодых ученых. А. П. Лимаренко был в их числе. На работу в лабораторию его пригласил Г. П. Давидюк. Это приглашение стало судьбоносным. Александр Петрович выделялся среди других специалистов ПНИЛСИ БГУ, был поистине творцом.

После окончания философского отделения исторического факультета БГУ и аспирантуры на кафедре истории философии и логики Александр Петрович с головой окунулся в исследовательскую деятельность. Сначала работал научным сотрудником и старшим научным сотрудником в ПНИЛСИ БГУ, а также в Институте философии и права Национальной академии наук Беларуси. В 1999–2003 гг. А. П. Лимаренко занимал должность заместителя директора Международного гуманитарного института БГУ, в 2003–2009 гг. – доцента кафедры социально-гуманитарных наук факультета международных отношений БГУ. Но по-настоящему родной для него стала кафедра социологии, где он работал в должности доцента с первых дней ее основания (в 1989–1999 гг., а также с 2009 г. до выхода на заслуженный отдых в 2020 г.). А. П. Лимаренко – отличник образования Республики Беларусь (2013).

И сегодня Александр Петрович ненасытен в стремлении постигать новое, делиться своими открытиями с коллегами. Он находится в постоянном творческом поиске и при этом может судить о происходящем профессионально.

Кафедра социологии факультета философии и социальных наук БГУ, научная общественность, редакция журнала поздравляют юбиляра и желают Александру Петровичу оставаться таким же увлеченным! Здоровья, радости и долгих лет жизни, наш дорогой друг!

А. Н. Данилов¹

¹Александр Николаевич Данилов – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, doctor of science (sociology), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 364:303.4(075.8)

Стволыгин К. В. Методология, методы и организация исследований в социальной работе [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-86 01 01 «Социальная работа (по направлениям)», направления спец.: 1-86 01 01-02 «Социальная работа (социально-психологическая деятельность)», 1-86 01 01-03 «Социальная работа (социально-реабилитационная деятельность)» / К. В. Стволыгин ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 109 с. Библиогр.: с. 107–109. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/300502>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 26.06.2023, № 006226062023.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Методология, методы и организация исследований в социальной работе» предназначен для студентов специальности 1-86 01 01 «Социальная работа (по направлениям)», направления специальности: 1-86 01 01-02 «Социальная работа (социально-психологическая деятельность)», 1-86 01 01-03 «Социальная работа (социально-реабилитационная деятельность)».

В ЭУМК содержатся основные требования к научным исследованиям в социальной сфере, методологические принципы их проведения. Особое внимание уделено описанию общенаучных, эмпирических, математико-статистических и интерпретационных методов исследований в социальной работе.

УДК 303.71(075.8)

Елсукова Н. А. Статистический анализ социологической информации [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0314-01 «Социология», профилизация спец. «Методология и методы социологического исследования» / Н. А. Елсукова ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 78 с. : ил., табл. Библиогр.: с. 77–78. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/300194>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 29.06.2023, № 006629062023.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) «Статистический анализ социологической информации» подготовлен в соответствии с требованиями образовательного стандарта специальности «Социология», учебной программой по дисциплине «Статистический анализ социологической информации» в целях учебно-методического обеспечения студентов специальности 6-05-0314-01 «Социология». ЭУМК предназначен для студентов учреждений высшего образования, обучающихся по социологическим специальностям очной и заочной формы получения первого высшего образования.

ЭУМК содержит конспект лекций, контрольные вопросы по темам, темы семинарских занятий, примерный перечень первоисточников, перечень контрольных мероприятий, вопросы к экзамену, список рекомендуемой литературы.

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Сергей Александрович Шавель	4
Памяти Сергея Александровича Шавеля	7

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Мысливец Н. Л.</i> Историческая память: к вопросу о ее методологическом статусе	9
<i>Данилов А. Н.</i> Перспективы человечества: стратегия достаточного развития Водопьянова.....	21
<i>Кирвель Ч. С., Кирвель О. Ч.</i> Имперское государственное правление как фактор социальной динамики	26

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

<i>Евелькин Г. М.</i> Проблемы развития современного понятийного аппарата социологии	42
<i>Лебедева Е. В., Пинчук И. В.</i> Социально-пространственная инклюзия в городской среде	53

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

<i>Безнюк Д. К.</i> Новый атеизм: генезис и формирование	63
<i>Мартинювич В. А.</i> Идентификация новых религиозных движений в исследовательской программе Р. Старка.....	69

СОЦИОЛОГИЯ МЕДИЦИНЫ

<i>Сурмач М. Ю.</i> Гродненская школа социологии медицины: научное поле исследований.....	82
<i>Салмина А. В.</i> Информированность населения Республики Беларусь об экстракорпоральном оплодотворении.....	89

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

<i>Лашук И. В., Каргаполова Е. В.</i> Стратегии трудового поведения белорусов, проживающих на загрязненных радионуклидами территориях.....	97
<i>Боброва А. Г.</i> Историко-социологические этапы трансформации белорусской семьи.....	104

ЮБИЛЕИ

Павла Петровна Украинец	112
Александр Петрович Лимаренко.....	114
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	115

CONTENTS

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

Sergei Aleksandrovich Shavel'	4
To the memory of Sergei Aleksandrovich Shavel'	7

ARTICLES AND REPORTS

<i>Myslivets N. L.</i> Historical memory: discussion about its methodological status	9
<i>Danilov A. N.</i> Prospects for humanity: the strategy of sufficient development by Vodopianov.....	21
<i>Kirvel Ch. S., Kirvel O. Ch.</i> Imperial state governance as a factor of social dynamics.....	26

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

<i>Evelkin G. M.</i> Problems of development of the modern conceptual apparatus of sociology.....	42
<i>Lebedeva E. V., Pinchuk I. V.</i> Inner-city socio-spatial inclusion as a source for social development	53

SOCIOLOGY OF RELIGION

<i>Bezniuk D. K.</i> New atheism: genesis and formation	63
<i>Martinovich V. A.</i> Identification of new religious movements in R. Stark's research programme	69

SOCIOLOGY OF MEDICINE

<i>Surmach M. Yu.</i> Grodno school of sociology of medicine: scientific field of research.....	82
<i>Salmina A. V.</i> Public awareness about in vitro fertilisation in the Republic of Belarus.....	89

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

<i>Lashuk I. V., Kargapolova E. V.</i> Strategies of labour behaviour of Belarusians living in territories contaminated with radionuclides	97
<i>Bobrova A. G.</i> Historical and sociological stages of the transformation of the Belarusian family.....	104

JUBILEES

Pavla Petrovna Ukrainets.....	112
Aleksandr Petrovich Limarenko.....	114
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU.....	115

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по социологическим, политическим и философским наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), China National Knowledge Infrastructure.

**Журнал Белорусского
государственного университета. Социология.
№ 3. 2023**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jsociol@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Социология» издается с сентября 1997 г.
До 2017 г. выходил под названием «Социология»
(ISSN 2071-0968).

Редактор *Е. В. Жерносек*
Технический редактор *М. М. Баулина*
Корректор *М. Д. Баранова*

Подписано в печать 29.09.2023.
Тираж 110 экз. Заказ 883.

Республиканское унитарное предприятие
«СтройМедиаПроект».
ЛП № 02330/71 от 23.01.2014.
Ул. В. Хоружей, 13/61, 220123,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2023

**Journal
of the Belarusian State University. Sociology.
No. 3. 2023**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jsociol@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Journal of the Belarusian State University. Sociology»
published since September, 1997.
Until 2017 named «Sotsiologiya»
(ISSN 2071-0968).

Editor *E. V. Zhernosek*
Technical editor *M. M. Baulina*
Proofreader *M. D. Baranova*

Signed print 29.09.2023.
Edition 110 copies. Order number 883.

Republic Unitary Enterprise
«StroiMediaProekt».
License for publishing No. 02330/71, 23 January, 2014.
13/61 V. Haruzhaj Str.,
Minsk 220123, Republic of Belarus.

© BSU, 2023